

Джеймс Фенимор Купер

Блуждающий огонь

Глава I

Отражая красоты неба, море всей глубиной своего пространства рисует его на своих водах во всех оттенках, от пышного заката солнца до восхода ночных светил, представляя все его волшебное разнообразие. Но вот все изменяется; более бледные тени покрывают горы его плаща; день оканчиваясь умирает, как дельфин, которому приступы смерти дают все новую и новую окраску. Самая последняя — самая очаровательная; но, наконец, она исчезла, и все черно.

Лорд Байрон. «Чайльд Гарольд»

Прелесть Тирренского моря прославлена еще со времен Гомера. Все путешественники признают область Средиземного моря с его извилистыми, прихотливыми берегами, с Альпами и Апенниннами первой страной по климату, богатству, плодородности земель и красоте местоположения. Совершенно особый мир представляет этот чудный уголок земли с обширной водной гладью, усеянной живописно оснащёнными судами, с высокими башнями на зубчатых горах, по склонам которых раскинулись монастыри. Эта картина не только приковывает к себе взоры очарованного путешественника, но навсегда сохраняется живой, как одно из чудных воспоминаний прошлого.

В этот именно поэтический уголок земного шара, нередко оскверняемый самыми мрачными человеческими страстями, мы приглашаем читателя последовать за нами. Никто не станет отрицать, что эта богато наделенная природой часть земного шара еще сравнительно недавно была свидетельницей и местом самых ужасных сцен жестокости и несправедливости, вызванных различием племен, населяющих ее, различием общественного их положения, их обычаев и религии. Природа и человеческие страсти соединились здесь, чтобы сделать этот уголок похожим на человеческое лицо, часто под улыбкой и почти божественным спокойствием скрывающее самые бурные страсти, уничтожающие покой и счастье. В течение веков турки и мавры делали опасным для европейцев плавание среди цветущих берегов Средиземного моря, а следом за уничтожением власти этих варваров оно сделалось ареной борьбы между самими победителями.

Всем памятли события с 1790 по 1815 год, ныне сделавшиеся достоянием истории. Не будь очевидцев тех страшных событий, можно бы не поверить тому, что они были не в более отдаленную от нас эпоху, настолько успокоились теперь все стороны, участвовавшие в этой

борьбе. Тогда каждый месяц приносил известия о победе или поражении, о низложении правительств или завоевании какой-либо области. Все было в волнении. Робкие люди с удивлением оглядываются на эту эпоху, молодежь — с недоверием, неугомонные и беспокойные умы — с завистью.

Годы 1798 и 1799 наиболее памятны из того времени, и на них мы просим читателя перенести воображение, так как к этим крупным событиям и тревожным годам относятся факты, о которых мы намереваемся поведать.

Под вечер прекрасного августовского дня легкое судно, словно сооруженное руками волшебниц, входило в канал Пиомбино, подгоняемое благоприятным ветерком. Оснастка судов Средиземного моря вошла в поговорку благодаря своей изысканной, живописной красоте. Эти суда разных типов носят различные названия. Настоящее судно представляло трехмачтовый люгер с огромным надутым парусом, черным корпусом, оживленным одной небольшой красной каймой под русленями, и с таким высоким планширом, что из-за него виднелись одни только шляпы более высоких матросов. Новоприбывшее судно казалось подозрительным, и ни один даже простой рыболов не решился бы подойти к нему на расстояние выстрела, пока не определятся яснее его намерения. Морские разбойники нередко появлялись вдоль берегов, а такое появление было далеко не безопасно даже для дружественных наций.

Люгер был в полтора тонна водоизмещения, но черный цвет, в который он был окрашен, значительно скрадывал его размеры, к тому же он глубоко сидел в воде. Парус на нем был двойной, то есть состоял как бы из двух крыльев, которыми он взмахивал, как птица, сильно смущая толпившихся на берегу моряков, внимательно следивших за всеми его движениями и поверявших друг другу свои сомнения на довольно ломаном итальянском языке. Все это происходило на каменистом мысе, возвышающемся над городом Порто-Феррайо на острове Эльбе. Небольшая гавань этого города совершенно невидима с моря, как будто она нарочно желала укрыться, чтобы избежать таких неожиданных посещений, как этот подозрительный корабль. Однако несмотря на свои небольшие размеры, гавань была достаточно укреплена на случай необходимости защиты от неприятеля. Набережная была тесно застроена домами.

В настоящее время, привлеченные слухами о появившемся иностранном судне, жители все бросились на мыс, и на улицах было пусто. Приближение люгера к этому сравнительно мало посещаемому порту произвело на его простых моряков такое впечатление, какое вызывает появление ястреба на скромное пернатое население птичьего двора. Пошли различные догадки относительно характера и цели прибытия этого чужого судна.

Томазо Тонти был старейшим моряком острова Эльбы, и как человек опытный и благоразумный пользовался всеобщим доверием, в особенности, если дело касалось моря. Кто бы ни прибыл в город — купец ли, трактирщик, рудокоп — его первой заботой было разыскать Мазо, или Тонти, так как он известен был одинаково под обоими этими именами, и к нему обратиться со всеми своими сомнениями. И тогда толпа человек в двести окружала оракула, и взрослые мужчины, женщины и дети слушали его, как слушают проповедника в моменты наибольшего религиозного вдохновения. Никто не перебивал его вопросами, одни старики, его сверстники, не стеснялись высказывать свои предположения, и Тонти не мешал им говорить, но сам высказывался очень мало и осторожно, чем и обязан был приобретенной им репутации, так как всегда заставлял предполагать, что знает больше того, что высказывает. В данном случае из осторожности или потому, что действительно нелегко было остановиться на каком-нибудь определенном предположении, — но он упорно молчал, и его пасмурное лицо не предвещало ничего хорошего.

Что касается женщин, то весть о появлении иностранного судна не могла не привлечь порядочного количества их на скалу. Большинство из них протиснулось как можно ближе к старому лоцману, чтобы первыми узнать и распространить новость. Но, по-видимому, среди

самых молодых девушек была своя толковательница, по крайней мере человек двадцать самых хороших из них окружило Джиту; может быть, в данном случае ими отчасти руководило также чувство скромности и некоторой сдержанности, менее присущее особам зрелого возраста и низшего круга. Впрочем, что касается высоты общественного положения, то надо сказать, что все население города делилось на два класса: купцов и работников, исключение составляли только несколько чиновных лиц, адвокат, доктор и небольшое число священников. Губернатором острова был один высокопоставленный тосканец, но его посещения были очень редки, а его заместитель, местный уроженец, был слишком «свой человек», чтобы напускать на себя важность.

Итак, подругами Джиты были купеческие дочери, немного умевшие читать, посещавшие иногда Ливорно и водившие знакомство с ключницей заместителя губернатора, а потому считавшие себя выше любопытной, вульгарной толпы. Сама Джита обязана была своим личным качеством тому влиянию, которое приобрела над своими сверстницами, так как никому не было известно ни ее общественное положение, ни происхождение, ни даже фамилия, и всего только шесть недель тому назад ее привез на остров и поместил к содержателю гостиницы Христофору Дови человек, выдававший себя за ее дядю. Своим влиянием она обязана была своему здравому смыслу, решительному характеру, скромному и приличному поведению, своей грации и неотразимо привлекательному личику. Никто и не подумал ни разу осведомиться об ее полном имени, да и она сама, по-видимому, считала совершенно ненужным упоминать о нем, с нее совершенно достаточно было имени Джиты, под которым все ее и знали, хотя и были еще две-три другие Джиты на острове.

Все узнали, что Джита путешествовала, так как она на виду у всех приехала на фелуке из Неаполитанской области, как говорили. Если это была правда, то она являлась, по всей вероятности, единственной девушкой на всем острове, видевшей вулкан Везувий и те чудеса Италии, с которыми разве один Рим может поспорить. Поэтому естественно было предположить, что одна Джита могла угадать иностранное судно. Но окружившая Джиту молодежь, несмотря на все свое уважение к ней, далеко не отличалась сдержанностью верных почитателей Тонти; им всем слишком приятно было слушать свои собственные молодые голоса, и они звонко и наперебой высказывали самые невероятные предположения. Одна девушка даже усомнилась в реальности судна, предлагая принять его за простую игру воображения. На это другая заметила, что теперь не время для чудес, так как прошли и пост, и праздник Пасхи. Это объяснение вызвало общий смех. Затем решено было, что это, действительно, настоящее судно, хотя и не похожее на известные им.

Между тем Джита задумалась не менее самого Тонти, хотя и совершенно по другой причине. Ее глаза почти не отрывались от люгера, прикованные точно волшебными чарами. Если бы кто-нибудь в это время наблюдал за выразительным, подвижным лицом молодой девушки, то он был бы поражен быстрой сменой отражавшихся на нем впечатлений. Оно то выражало тревогу, почти печаль, то озарялось лучом радости и счастья; румянец то исчезал с ее щек, то горячо разливался, и ярко блестели глубокие, темные, большие, синие глаза. Но обо всех этих превращениях даже не подозревала столпившаяся около нее шумная и болтливая молодежь.

Тем временем на скалу взобрался градоначальник, Вито Вити, и отдувался как кит, вынырнувший на поверхность моря, чтобы подышать воздухом.

— Что ты скажешь об этом судне, Мазо? — спросил чиновник, считая себя по своему положению вправе задавать вопросы любому из граждан.

— Я полагаю, что это люгер, синьор, — лаконически и уверенно ответил старый моряк.

Синьор Вити был несколько шокирован немногословностью ответа.

— И вы согласны под присягой подтвердить ваше уверение? — снова обратился он к Тонти.

Тонти, честный до щепетильности помимо всякой присяги, еще внимательнее всмотрелся в приближавшееся иностранное судно и снова повторил свое первое предположение.

— А могли ли бы вы мне сказать, почтенный Тонти, какой национальности принадлежит этот люгер? Вы, конечно, понимаете, насколько важен этот вопрос в наше беспокойное время.

— Вы совершенно правы, синьор подеста, так как если это судно алжирское, маврское или французское, то его появление на Эльбе не доставит большого удовольствия. Но я у вас должен попросить позволения немного подождать с ответом, так как мне надо ближе рассмотреть это судно.

Против разумности такого решения возражать было нечего, и подеста умолк. Но тут, обернувшись, он увидел Джиту, с которой познакомился и о которой составил очень хорошее мнение во время ее визита к его племяннице. Желая воспользоваться случаем приятно поболтать с ней, он обратился к ней с приветливой улыбкой:

— Вот задача нашему бедному лоцману: он уверяет, что это люгер, но затрудняется определить его национальность.

— Это действительно люгер, синьор, — сказала Джита.

— Как! Вы такой знаток в распознавании судов на расстоянии мили?

— Я думаю, что это расстояние не более полумили, а что до определения национальности, то мы ее можем узнать только тогда, когда они поднимут свой флаг...

— Святой Антоний! Ты совершенно права, милое дитя, и они должны его выкинуть. Ни одно судно не имеет права приближаться к порту его величества, не выкинув своего флага. Друзья мои, — обратился он к окружающим, — заряжены ли по обыкновению наши пушки?

Получив утвердительный ответ, подеста поспешил к дому губернатора, и пять минут спустя показали солдаты, направляющие пушку в сторону люгера. Молодые девушки заранее затыкали себе уши и волновались, но Джита, внешне слабейшая из них, сильно побледневшая, со сжатыми руками внимательно следила за всеми приготовлениями. Наконец она не в силах была более молчать:

— Вы, конечно, не направите выстрела в люгер, синьор подеста! — тревожно воскликнула она. — Я не встречала на юге такого способа заставлять поднять флаг.

— О, вы не знаете храбрости наших солдат, синьорина, — самодовольно отвечал тот. — Мы можем заставить трепетать Францию!

Раздался выстрел. Девушки с визгом бросились кто куда; Джита, бледная, не отрывая глаз, следила за полетом ядра, не долетевшего до люгера и затонувшего в воде.

— Да будет благословенна святая Мария! — прошептала она, и на губах ее появилась довольная и несколько ироническая улыбка.

— Славный удар, настоящий удар, прекрасная Джита! — воскликнул подеста, отнимая руки от своих ушей. — Еще два-три таких, и этот иностранец научится уважать тосканцев. Ну, что ты скажешь, честный Мазо? Объявит нам теперь этот люгер свою национальность или предпочтет еще испытать наши силы?

— Если они благоразумны, то поднимут флаг, но я что-то не вижу никаких к тому приготовлений.

Действительно, люгер, по-видимому, не торопился удовлетворить любопытство жителей. Двое-трое матросов поднялись на мачты, но очевидно совершенно игнорируя полученное с берега приветствие. Затем люгер несколько уклонился, как бы желая обойти мыс, и береговая артиллерия смолкла; но вот он вдруг быстрым движением направился прямо в канал — и его встретили новым залпом, причем, как бы подтверждая восторженные похвалы подесты местному гарнизону, бомба в виде разнообразия упала на этот раз позади судна.

— Очевидно, теперь уже понято ваше желание, синьор подеста, — живо обернулась к нему Джита, — и они не замедлят его исполнить. Ведь не будут больше стрелять, не правда ли?

— К сожалению, солдаты одного с вами мнения, синьора, они уже складывают свое оружие. Очень жаль, так как теперь они, наверное, попали бы в самый люгер; до сих пор вы видели одни приготовления.

— Этого было вполне достаточно, — улыбнулась Джита — она снова теперь улыбалась, поскольку убедилась, что стрелять больше не будут. — Но посмотрите, синьор, люгер готов удовлетворить ваше желание.

Прекрасное зрение не обмануло Джиту, а минуты через две и для всех стало очевидным, что сейчас поднимут флаг. Общее нетерпение увеличилось, все напряженно следили за всем происходившим на иностранном судне, и вот, наконец, флаг поднят, белый флаг с красным крестом.

— Английское судно! — воскликнул Мазо. — Я так и предполагал, но не был вполне уверен.

— Истинное счастье иметь около себя такого моряка, как вы, почтенный Мазо, в настоящее тревожное время. Но удивительно! Что побудило это маленькое судно пуститься в такое далекое путешествие?! Оно как будто желает обойти наш порт.

— По-видимому, — с легким вздохом отозвалась Джита. — Но это несомненно английский люгер, мне знаком английский флаг, мне дядя объяснял.

— Ваш дядя ведь на континенте в настоящее время? — вкрадчиво спросил ее подеста, подозрительно всматриваясь в выражение ее лица.

— Я так думаю, синьор, — отвечала Джита. — Но я мало знаю о его делах, кроме разве того, что как раз в настоящее время могу ожидать его сюда. Ах, взгляните, люгер заворачивает к нам.

Теперь все устремились с мыса, чтобы встретить на набережной нежданного гостя. Мазо и подеста открывали шествие с горы, а молоденькие девушки с Джитой с любопытством спешили за ними. Скоро все разместились вдоль набережной и на ближайших судах, а иностранное судно, сопровождаемое попутным легким ветром, грациозно и плавно входило в широкую и глубокую бухту.

С запасом нескольких французских фраз, много учившись, но ничего не испытав, молодой человек, повинувшись приказаниям своего отца, уезжает на чужбину.

Коупер

Почти стемнело, когда прибывшее судно бросило якорь в Порто-Феррайо, и, удовлетворив свое праздное любопытство, толпа начала понемногу расходиться. Синьор Вити ушел последним, считая необходимым свое присутствие при посещении города иностранным судном в настоящее тревожное время. Но, несмотря на всю суетливую деловитость Вито Вити, от его внимания совершенно ускользнуло то обстоятельство, что люгер стал на якорь таким образом, что очутился вне досягаемости выстрелов со стороны местных укреплений, сохраняя при этом для себя лично полную возможность самообороны в случае враждебного нападения. Но подеста вообще немного знал и думал о направлении пушечных ядер, лишь бы они не трогали его самого.

Из всей недоверчивой, боязливой и любопытной толпы только Томазо и Джита оставались на набережной после того, как люгер бросил якорь. Они не сводили с него глаз. На обязательный служебный допрос: «Кто и откуда?» со стороны карантинных чиновников с судна дан был вполне ясный и благоприятный ответ: из Англии, через Лиссабон и Гибралтар. Упоминание этих мест подействовало успокоительно — оттуда не ждали никакой заразы, места были здоровые. Но когда дело дошло до названия судна, то произошел общий переполох.

— Wing-and-Wing! — отвечали с люгера.

Услышав эти непонятные звуки, карантинный персонал был вынужден обратиться к помощи переводчика, который в свою очередь оказался далеко не на высоте своего призвания и нисколько не поспособствовал уяснению непонятого слова. После нескольких переключек на люгере подняли новый флаг с изображением на нем двух распростертых крыльев, между которыми ютился маленький люгер; в общем это изображение несколько напоминало летящего херувима и до некоторой степени дало наглядное объяснение названию «Wing-and-Wing», то есть «Крыло-и-Крыло», что послужило к общему успокоению и удовольствию.

Как мы уже сказали, Томазо и Джита позже всех оставались на набережной. Лоцман, как называли Тонти за его основательное знание всего побережья, причем ему даже нередко приходилось руководить плавающими у острова судами, перебрался на палубу одной из фелук, откуда ему очень удобно было наблюдать за иностранным люгером, а Джита осталась на набережной, избегая таким образом непосредственного столкновения с грубыми матросами и в то же время не теряя из виду люгера.

Прошло однако по крайней мере полчаса, пока, наконец, с люгера спустили шлюпку, и уже совсем стемнело, когда она подошла к лестнице у пристани и к ней спустились двое таможенных чиновников. Прибывший моряк показал им свои бумаги, которые, по-видимому, оказались в исправности, а потому ему позволили подняться на берег. Джита подошла к группе. Она была так плотно укутана широкой тальмой, что ее почти не было возможности узнать, но сама она внимательно всматривалась в черты лица и фигуру незнакомца. Она казалась удовлетворенной результатом своего осмотра и немедленно исчезла. Между тем Тонти поднялся на набережную со своей фелуки как раз в это время и сказал незнакомцу:

— Синьор, его сиятельство подеста приказал мне передать вам его приглашение пожаловать к нему; он живет тут поблизости и будет очень огорчен, если вы не окажете ему этой чести.

— Его сиятельство не такое лицо, которое удобно бы было огорчать, — отвечал незнакомец на весьма хорошем итальянском языке, — и я немедленно отправлюсь к нему.

Тут он обратился к привезшим его матросам и приказал им воротиться на люгер и ждать условного сигнала, чтобы приехать за ним.

Провожая его к Вито Вити, Томазо не упустил случая предложить ему несколько вопросов, желая прояснить некоторые еще продолжавшие смущать его подробности.

— Скажите, синьор капитан, давно ли англичане обзавелись люгерами? Кажется, ваша нация предпочитала до сих пор другие формы судов?

Незнакомец громко расхохотался.

— Видно, вам недалеко случалось ездить, а в Ла-Манше, должно быть, и совсем не были, если не знаете, что на острове Гернси люгера предпочитают всем другим судам.

Мазо признался, что не имеет никакого понятия об этом острове, и попросил сообщить ему о нем некоторые сведения.

— Гернси — остров с больше чем наполовину французским населением, хотя уже веками находился во власти англичан, имена и обычаи там по преимуществу французские.

Томазо промолчал. Если ответ незнакомца не был злостным вымыслом, то рассеивались все его подозрения по поводу слишком французского характера оснастки корабля, но он, конечно, не имел никаких данных, чтобы усомниться в искренности капитана.

Подеста был у себя и уже поджидал этого посещения, а Тонти, прежде чем удалиться, передал ему наедине все, что успел узнать, а также и все свои подозрения.

Выслушав Мазо, подеста поспешил присоединиться к незнакомцу, но в комнате было так темно, что они едва могли различать лица друг друга.

— Синьор капитан, — обратился подеста к приезжему, — надеюсь, вы позволите мне проводить вас к вице-губернатору, который ожидает вас и желает приветствовать.

Он говорил так вежливо, и предложение его было так естественно, что капитану нельзя было не дать своего согласия. Они отправились, и капитан с легкостью молодого человека взбирался на гору, где находился дом вице-губернатора.

Андреа Баррофальди, вице-губернатор, был человеком довольно начитанным, отчасти даже литератором, десять лет уже занимавшим настоящую свою должность и знающим основательно свое дело благодаря своему развитию, но в практической жизни он был таким же простаком, как и его друг подеста.

Придя в дом Баррофальди, подеста оставил на время капитана одного в первой комнате, желая предварительно поговорить с вице-губернатором без свидетелей. Через несколько минут он вернулся за ним, и капитан впервые предстал перед ним в освещенной комнате.

Перед ним стоял человек лет двадцати шести, высокого роста, стройный и крепкого сложения, на нем изящно сидела его форма морского офицера, и более опытный глаз сразу заметил бы в нем совершенно отсутствие простоты, характеризующей моряков-англичан. Черты его лица не имели ничего общего с наружностью этих островитян, они были строго классические, в особенности рот и подбородок, щеки были бледны, цвет кожи в общем смуглый. Его глаза были черны, как агат, лицо обрамлено также черными бакенбардами. В общем лицо его было поразительно красиво, точно слепок с древней медали, а при улыбке, оживлявшей его, становилось неотразимо привлекательно, как лицо красивой женщины. Тем не менее в нем не было ничего женственного:

голос мужской, при всей своей мягкости, взгляд твердый, стан гибкий, сильный и пропорционально сложенный — все обличало в нем мужество и твердость.

Вице-губернатор и подеста поражены были таким богатым соединением внешних преимуществ и после обычных приветствий не могли отвести от него глаз. Когда затем все сели по приглашению Баррофальди, то этот последний заговорил:

— Мне сообщили о прибытии английского судна в наш порт, синьор капитан.

— Совершенно верно, синьор, я служу под этим флагом.

— Вы англичанин? Как прикажете записать вас в нашу книгу? — и вице-губернатор через очки окинул его несколько подозрительным взглядом.

— Джек Смит, — отвечал моряк, делая две ошибки в произношении, ускользнувшие от Баррофальди.

— А название вашего люгера, синьор, — продолжал вице-губернатор, не отрывая пера от бумаги в ожидании ответа.

— «Крыло-и-Крыло», — отвечал моряк, снова делая ошибки в произношении.

Вице-губернатор записал название, но затем попросил его объяснения у капитана.

— Видите ли, на нашем судне двойной парус — по одному с каждой стороны, и они надуваются наподобие крыльев птицы — отсюда название.

— Но давно ли англичане стали строить люгера? До сих пор это были излюбленные французские суда?

— А, я понимаю, вы подозреваете во мне француза или испанца, или я не знаю кого, но я могу вас успокоить: я англичанин и состою на службе английского короля.

— Ваш люгер принадлежит к королевскому флоту или разъезжает по поручению морского разбойника?

— Разве я похожу на морского разбойника? — обидчиво спросил капитан. — Вы оскорбляете меня вашим предположением.

— Простите, синьор, нам поневоле приходится быть очень осторожными на нашем уединенном острове в настоящее смутное время. По поводу некоторых подробностей в оснастке вашего судна у нас явились некоторые сомнения, и мне прежде всего необходимо уяснить себе вашу национальность.

— О, сделайте одолжение. Я совершенно разделяю и ценю вашу осторожность и готов вам помочь, но как? Не угодно ли вам поехать со мной на мой люгер и лично осмотреть его? Мои бумаги все при мне, и я даю их в ваше полное распоряжение.

— Не беспокойтесь, капитан, мы все это устроим гораздо проще. Я книжный червь и льщу себя уверенностью, что, хотя и не бывал в Англии, но знаю ее довольно хорошо по книгам. Одного хорошего разговора с вами о ее администрации, нравах и обычаях будет для меня совершенно достаточно, чтобы уяснить все сомнения.

— Я к вашим услугам, синьор. Я люблю свою родину и горжусь ею.

— Это делает вам честь. Ну, скажите же мне, какого рода правление в Англии? Монархическое, аристократическое или демократическое?

— Однако, синьор, такой вопрос смутил бы любого философа! В Англии король, но есть также очень могущественные лорды, да и демократия напоминает о себе время от времени.

— Это вполне допустимое определение, сосед Вито Вити, — обратился вице-губернатор к подесте, желая перед ним похвастаться своими знаниями и своим тонким обращением с иностранцами, — английская конституция действительно машина очень сложная. Ваш ответ мне нравится, капитан, он показывает вашу привычку вдумываться во все вопросы жизни, и я ценю разумного человека. Ну, а что вы мне скажете относительно религии вашей родины?

— О, на этот вопрос еще труднее ответить, так как в Англии столько же вероисповеданий, сколько человек населения. Признаюсь, этот религиозный вопрос меня всегда сильно тревожит.

— Надо, однако, признаться, что этот вопрос очень редко тревожит моряков. Ну, хорошо, не будем на этом останавливаться, скажите только, ведь вы и ваши сограждане лютеране?

— Допустите какое вам угодно предположение, — возразил капитан, иронически улыбаясь, — во всяком случае наши предки были превосходными католиками. Но моряки и церковь — лучшие друзья, так как они совершенно не зависят один от другого.

— Почти то же и у нас, мой дорогой Вито Вити, хотя наши моряки жгут множество свечей и бесконечно повторяют молитвы.

— Простите, вице-губернатор, — горячо заметил капитан, — но я нахожу это большой ошибкой со стороны ваших моряков. Их дело шло бы несравненно успешнее, если бы они меньше молились и внимательнее относились к своим обязанностям.

— Это возмутительно! — воскликнул подеста с таким жаром, какой он не часто обнаруживал.

— Синьор капитан прав, почтенный Вито Вити, — остановил его вице-губернатор с таким внушительным видом, что как бы защищал им все свои либеральные идеи просвещенного человека. — Было бы полезнее для дела, если бы наши моряки сначала работали, а потом молились, а не наоборот, как это они делают теперь. Ну, а теперь относительно вашего языка, капитан, который я мало знаю, и которым вы, конечно, владеете в совершенстве.

— Без сомнения, — отвечал капитан, сразу переходя с итальянского языка, на котором говорил до сих пор, на английский с такой уверенностью, что уничтожал все подозрения, — мудрено не владеть родным языком.

Говорил он свободно и легко, но с легким акцентом, неуловимым для непосвященного слуха Баррофальди, который понял только одно, что ему бы ни за что не сказать такой фразы, а потому он опять перешел на итальянский язык.

— Ваш родной язык, без сомнения, благороден, синьор, да и может ли он быть другим, когда на нем писали Шекспир и Мильтон? Но что в нем затрудняет иностранца, так это множество одинаково произносимых различных слов, разнящихся по правописанию.

— Мне уже не раз приходилось выслушивать подобные жалобы, — отвечал капитан, довольный прекращением допроса и ничего не имевший против того, чтобы потолковать о неудобствах языка, до которого ему в сущности не было никакого дела.

Но тут подеста, которому надоело слушать, не принимая участия в разговоре, заметил, что лучше было бы не уклоняться от прямой цели допроса и покончить с выяснением некоторых подозрительных пунктов устройства люгера. Вице-губернатор и сам был не прочь с честью закончить испытание, а потому согласился с замечанием подесты.

— Сосед Вито Вити прав, — сказал он, — будем держаться одного вашего люгера. Есть у нас здесь некто Томазо Тонти, очень знающий моряк, он утверждает, что люгера встречаются преимущественно у французов, а что английские суда иного устройства.

— В данном случае ваш Томазо Тонти не обнаруживает больших знаний, так как люгера строят и в Англии. К тому же, я уже говорил ему, что я с острова Гернси, больше чем наполовину населенного французами, где сохранились французские обычаи и нравы, хотя уже несколько столетий этот остров принадлежит Англии.

— О, это совершенно меняет дело! Сосед Вити, все, что сообщает нам капитан относительно острова Гернси, совершенно верно. Теперь остается только удостовериться в именах, и тогда все будет в порядке. Джек Смит и Wing-and-Wing, действительно, Гернсийские имена?

— Не вполне, синьор, — отвечал капитан, едва удерживаясь от смеха, — так как Джек и Смит чисто английские имена, они там встречаются на каждом шагу, и мы уже из Англии занесли эти имена на Гернси. Что до названия Wing-and-Wing, то это также чисто английское название.

— Все это я нахожу вполне разумным, Вити, и так как бумаги капитана при нем, то, просмотрев их, мы можем спокойно уснуть до утра.

— Вот вам ваше усыпительное, вице-губернатор, — сказал капитан, вынимая свои бумаги. — Вот приказ адмирала — он не заключает в себе ничего секретного, и вы можете его прочесть; вот мои полномочия — под ними вы увидите подпись военного министра Англии и мою. Видите? Джек Смит. А вот и мое назначение лейтенантом корабля «Крыло-и-Крыло».

Все бумаги были написаны четко и прекрасным английским языком. Единственным сомнительным пунктом являлось различие в правописании имени; тогда как во всех бумагах упоминался Jack Smith, на подписи значилось Jacques Smit, но это являлось следствием непреодолимого упрямства моряка, не уступавшего никаким доводам того искусника, который подделал ему все эти бумаги. Однако эта подробность совершенно ускользнула от внимания вице-губернатора. Таким образом, вся тревога, поднятая Томазо Тонти, оказалась напрасной, и просмотренные бумаги передали капитану, который совершенно спокойно спрятал их в свой карман.

— Конечно, было бы неслыханной смелостью со стороны врага или корсара зайти в наш порт, зная нашу бдительность и осторожность, — заметил вице-губернатор самодовольно.

— Тем более, синьор, что подобный смельчак мог не ожидать себе иной награды, кроме потасовки и ареста, — прибавил капитан со своей обворожительной улыбкой, настолько расположившей к нему вице-губернатора, что тот пригласил его отужинать. Приглашение было принято, и несколько минут спустя все трое сидели за столом в соседней комнате.

Начиная с этого момента всякие подозрения, если они и оставались еще у старших чиновников Порто-Феррайо, совершенно рассеялись. Легкая итальянская кухня и еще более легкие вина только содействовали веселому настроению. Но приезжий ел и пил очень умеренно, видимо, желая поскорее освободиться, несмотря на всю любезность хозяина.

Андреа Баррофальди не преминул воспользоваться случаем, чтобы блеснуть своей начитанностью перед подестой. Он много говорил об истории, религии, правительстве, законах, климате и промышленности Англии, обращаясь к капитану за подтверждением или отрицанием высказываемых им взглядов, и по странной случайности их мнения всякий раз поразительно сходились. Капитан умел даже польстить ему, выражая свое удивление перед такой начитанностью. Польщенный Баррофальди шепнул даже подесте на ухо, что новоприбывший может быть не кто иной, как тайный агент британского правительства, подсланный с целью

навести некоторые справки о торговле и мореплавании в Италии, чтобы, в случае возможности, расширить коммерческие сношения этих двух государств, — настолько отличается этот молодой человек своими способностями и рассудительностью.

— Вы почитатель аристократии, — заметил Баррофальди во время разговора на эту тему, — и, если говорить откровенно, может быть, вы сами благородного происхождения?

— Я?! Я ненавижу аристократов! — с необычайной горячностью произнес капитан, видимо, забывшись и в следующую же минуту сожалея о своей несдержанности.

— Это удивительно со стороны англичанина. А, я понимаю, вы в оппозиции и потому так говорите. Странное явление, друг Вити, но тем не менее верно, что в Англии вечно существуют две враждующие между собой партии. И каждая из них считает себя правой, и каждая стремится к власти.

— Вы совершенно верно определяете наши политические партии, синьор, но теперь позвольте мне удалиться: уже ночь, а я далеко не спокоен относительно соблюдения надлежащей дисциплины на вверенном мне судне в мое отсутствие.

Так как вице-губернатор к этому времени успел уже сообщить все, что знал относительно Англии, то он более не задерживал гостя, и тот ушел, предоставив друзьям перетолковывать, как им вздумается, все сообщенные им сведения.

Глава III

Здесь Джонатан, этот счастливый гуляка, который знает все это с азов, сударь, и который не забывает того, чему может научиться.

1,763-1 стих «Янки Дудл»

Капитан был очень доволен, когда, наконец, оставил дом вице-губернатора — дворец, как называли его простодушные островитяне; его утомили ученые разглагольствования Баррофальди, и хотя он немало знал морских анекдотов, немало посетил английских гаваней и мог сравнительно успешно выпутаться при подобных обстоятельствах, но такой длинный разговор о предполагаемой его родине ему пришлось поддерживать впервые. Если бы почтенный Андреа услышал все посылаемые ему капитаном проклятия, к нему бы не преминули воротиться все его первоначальные сомнения.

Была ночь, но ночь звездная, тихая, полная сладкой неги, такие ночи бывают только на побережье Средиземного моря. Едва ощущался легкий ветерок, казавшийся скорее нежным

дыханием моря, и несколько человек продлили свою вечернюю прогулку. Когда моряк подошел к этому месту прогулок, он на минуту приостановился, как бы решая, куда идти. Женская фигура, тщательно задрапированная в широкий плащ, прошла мимо него и, окинув его внимательным взглядом, продолжала подыматься на гору. Неожиданность ее появления и мимолетность помешали молодому человеку в свою очередь рассмотреть ее; но, видя, что она направляется к местам, менее посещаемым, он последовал за ней. Вот она остановилась, и он не замедлил подойти к ней.

— Джита! — радостно воскликнул он, узнавая знакомое лицо, которое она больше не прятала. — Какая удача! Эта встреча снимает с меня большую заботу. Тысячу благодарностей за вашу доброту, дорогая Джита. Разыскивая вашу квартиру, я рисковал скомпрометировать и вас, и себя.

— Вот поэтому-то я и решилась встретиться с вами, Рауль, хотя это, может быть, и не особенно прилично для молодой девушки. Глаза всех в этом маленьком болтливом городке следят теперь за люгером и, конечно, следили бы за вами, его капитаном, если бы подозревали, где вы. Вы ведь не знаете, за кого принимают вас и ваше судно.

— Ничего постыдного, надеюсь, дорогая Джита?

— Говорят, что вы француз и ваше судно будто бы английское судно — одна уловка.

— Только-то? — засмеялся Рауль Ивар. — Что ж! Надо снести этот позор. Честное слово, они правы в своем обвинении; между нами всего один американец, нужный для нас при ведении переговоров. За что же мне обижаться, если жители Порто-Феррайо приняли нас как раз за то, что мы и есть на самом деле?!

— Я и не говорю, что вы должны себя чувствовать оскорбленными, но вам может грозить опасность. Если только вице-губернатору придет в голову эта мысль, то он велит в вас стрелять как в неприятеля, и вы погибнете.

— Нет, нет, Джита, он слишком пленен капитаном Смитом, чтобы допустить подобную жестокость. К тому же ему придется совершенно переместить всю свою артиллерию, чтобы выстрелы смогли достигнуть «Блуждающего Огня» там, где он теперь стоит; я никогда не ставлю свое судно под выстрелы неприятельской артиллерии. Посмотрите, Джита, мы стоим вне всякой опасности.

— Я знаю, где вы стоите, я следила за вашим люгером, потому что узнала вас; скажу даже, что довольна была вашим появлением — больше еще, обрадовалась при виде такого старого друга, так как подумала, что и он меня, должно быть, не забыл и неспроста подходит к острову, где он знает, кого встретит. Но, когда вы вошли в бухту, я думала, что вы потеряли рассудок.

— И я бы его действительно потерял, если бы еще отложил свидание с вами. Чего мне бояться этих ничтожных островитян? Что мне стоит поджечь все их суда? «Блуждающий Огонь» недаром заслужил свое название — он всюду успеет перебывать, прежде чем опомнится наш неповоротливый неприятель.

— Однако этот неприятель уже подозревает вас, и вы должны быть постоянно настороже. Что я испытала сегодня, когда в вас стреляли!

— И что они мне сделали? Только даром потратили заряды. Они даже не изменили направления нашего люгера. Вы слишком бывалый человек, Джита, чтобы смущаться пустым шумом!

— Именно потому, что я кое-что понимаю в этих вещах, я так и испугалась. Ведь вы бы погибли, если бы эти ядра попали в люгер!

— Но вот этого-то неперемного условия нашего несчастья и не было, они не попали. Ну, не будем больше говорить об этом, Джита, будем наслаждаться настоящим счастьем, мы так давно не были вместе.

— Вот потому-то, что это и для меня величайшее счастье, я и не могу не тревожиться, Рауль. Ну, что с вами будет, если вице-губернатору придет фантазия захватить ваш люгер, послав на него отряд солдат?

— Посмей он! Я подошлю к нему моих матросиков, и он славно прогуляется. Да нет, ему ничего не придет в голову, не стоит и говорить об этом.

Весь этот разговор происходил на французском языке, которым Джита вполне владела, хотя в ее произношении слышался несколько итальянский акцент.

— Но вот идея! — воскликнул капитан. — Завтра я подошлю ему моего первого помощника, мою правую руку, моего друга Итуэла Вольта, — пусть побеседует с ним о политике и о религии.

— О религии! — печально повторила Джита. — Чем вы меньше будете затрагивать этот священный предмет, тем мне будет приятнее, и тем лучше будет для вас. Положение вашей родины в настоящее время до некоторой степени извиняет отсутствие в вас религиозного чувства, но тем не менее это большое несчастье.

— Ну, хорошо! — снова заговорил моряк, чувствуя, что коснулся опасного пункта. — Поговорим о другом. Допустим, что нас захватят, чего можем мы опасаться в худшем случае? Мы честные корсары, имеем законные полномочия, находимся под покровительством французской республики и можем очутиться лишь в положении военнопленных. Это со мной уже было и привело лишь к тому, что я принял имя Смита и посмеялся над вице-губернатором острова Эльбы.

Джита невольно улыбнулась, несмотря на всю испытываемую ею тревогу, так умел Рауль расположить в пользу своих взглядов своей неподдельной веселостью и легкомыслием даже людей совершенно иного склада ума. Она знала, что Рауль был два года пленником в Англии, благодаря чему и изучил до некоторой степени язык и порядки этого государства. Он бежал из тюрьмы при содействии моряка, американца Итуэла Вольта. Этот последний вполне проникся всеми мстительными планами своего более предприимчивого друга. Вынужденный служить на одном из английских военных судов вследствие насильственного набора в матросы, он горел жаждой мщения и своим примером мог подтвердить, насколько опасен может быть, по-видимому, слабейший из смертных, доведенный до отчаяния несправедливостью сильнейших, которым неизбежно приходится впоследствии расплачиваться за свой деспотизм с жертвой, до сих пор считавшейся слишком ничтожной и не опасной.

Джита была посвящена во все их дела, и хотя не симпатизировала Итуэлу Вольту и не любила американца за его характер, но не раз смеялась, слушая о тех хитростях, которые он постоянно изобретал, чтобы нанести вред англичанам.

— Вы переименовали ваш люгер, Рауль? — спросила Джита после некоторого молчания. — Было бы опасно сказать его настоящее название, так как еще совсем недавно я слышала рассказы одного моряка о грабежах, совершенных вашим люгером, и высказанные им причины, по которым, как он полагал, каждый честный итальянец должен его презирать. Счастье, что этот моряк в настоящее время уехал, а то он бы мог узнать судно.

— В этом я далеко не так уверен, Джита. Мы часто меняем цвета и до некоторой степени оснастку люгера. А что до названия, то раз он теперь считается находящимся на английской службе, то мы дали ему кличку «Крыло и Крыло».

— Мне слышалось несколько иное, когда вы отвечали на карантинный допрос. Но это странное название, «Блуждающий Огонь», мне несравненно больше нравится, — задумчиво проговорила Джита.

— Дорогая Джита, я бы хотел, чтобы вы имя Ивара предпочитали всякому другому, — заметил молодой человек с нежностью и упреком. — Вы обвиняете меня в недостаточном уважении к церкви и духовенству, но если бы вы знали, с каким благоговейным почтением опустился бы я на колени перед любым монахом вместе с вами, чтобы получить от него брачное благословение, о котором я мечтаю так давно и на которое до сих пор еще не получил вашего согласия. Только чтобы это было в Италии!

— Мне думается, что если бы я его вам дала, то вашему люгеру пришлось бы снова переменить имя и назвать его «Безумием Джиты», — принужденно засмеялась девушка, с трудом подавляя охватившую ее тоску. — Но довольно об этом, Рауль, нас могут выследить, подслушать, пора расстаться.

И после короткого обмена еще немногими заключительными фразами, слишком значительными и дорогими для обоих, они простились, и Джита поспешила домой, уверив капитана, что хорошо знает город и не чувствует ни малейшего страха, пробираясь по улицам в такое позднее время. И действительно, к чести Андреа Баррофальди надо заметить, что в городе было совершенно покойно, и только теперь с появлением Рауля этому миру могла грозить опасность.

Однако в Порто-Феррайо вовсе не было так спокойно. Томазо Тонти с группой своих приверженцев, слушавших его как оракула, имел обыкновение заканчивать день в кабачке прекрасной вдовушки, Бенедетты Галопо, на дверях которой на палке торчал часто возобновляемый свежий пучок зелени, служивший вывеской. Отчаянная кокетка, о которой, впрочем, остерегались говорить что-нибудь дурное, Бенедетта дорожила посещениями Томазо по двум причинам: во-первых, его всегда сопровождала интересная и привлекательная молодежь, а во-вторых, он пил много и был очень аккуратным плательщиком.

В то время, когда Рауль Ивар и Джита расстались на горе, Томазо Тонти с тремя приятелями сидел на своем обычном месте за столом в небольшой комнате первого этажа, где помещался кабачок интересной вдовушки, а в окно мог свободно наблюдать за всеми действиями приехавшего иностранного люгера. Приятели сидели не более четверти часа, а уже поставленная перед ними порция вина значительно уменьшилась.

— Я все это передал подесте, — говорил Томазо с важностью, осушая стакан вина. — Да, и я не сомневаюсь, Вито Вити сообщил об этом вице-губернатору, так что и он в настоящее время знает не менее нас. И подумать только, что такие дела творятся в Порто-Феррайо, в столице острова Эльбы, где такой бдительный надзор!.. Подеста обещал мне зайти сюда после свидания с вице-губернатором, чтобы сообщить результат их разговора.

— Синьор подеста всегда будет здесь желанным гостем, — заметила Бенедетта, принимаясь стирать пыль с соседних столов. — Он едва ли где найдет лучше вино.

— Бедняжка, — промолвил Тонти сострадательно, — и ты думаешь, что подеста придет сюда для того, чтобы пить твоё вино? Он придет ради меня. Слишком часто угощается он превосходным вином вице-губернатора, чтобы его потянуло к твоему.

Бенедетта уже готова была горячо вступить за свое, отстаивая свои интересы, но в эту минуту за дверью раздались тяжелые шаги, и в комнату к общему удивлению вошел Вито Вити в сопровождении вице-губернатора. Бенедетта остановилась неподвижно в немом почтении.

Посещение вице-губернатора было вызвано вновь зародившимися в нем сомнениями относительно личности и намерений Смита. Дело в том, что после ухода мнимого англичанина Вито Вити указал Баррофальди на некоторые подозрительные подробности, подмеченные им за ужином в разговоре капитана, и Андреа пожелал лично высмотреть люгер, а так как подеста обещал Мазо зайти сюда повидаться с ним, то они и пришли оба.

— Синьор, ваше посещение доставляет мне такое счастье! — заговорила Бенедетта, приходя, наконец, в себя. — Не часто выпадает мне на долю такое счастье, ваше сиятельство, мы бедные люди, хотя, может быть, такие же хорошие католики, как и те, что живут на горе.

— Так, так, Бенедетта, я не сомневаюсь, что вы хорошая христианка. Дайте-ка мне бутылочку вина!

Бенедетта присела с чувством благодарности — теперь репутация ее вина навеки обеспечена: уж если его пил сам его сиятельство, то кто же из моряков посмеет его бранить?

Она проворно вытерла два стула и через минуту подала бутылку действительно лучшего тосканского вина, которого у нее хранилось с дюжину для экстренных случаев.

— Пожалуйста, ваше сиятельство, наше скромное заведение едва один раз в столетие удостоивается такого высокого посещения. Да и вы, синьор подеста, всего второй раз у меня.

— Нам, холостякам, не безопасно посещать таких, как вы, молодых и горячих вдовушек, красота которых с годами только расцветает, а не увядает.

Ответ получился самый кокетливый. Между тем Андреа Баррофальди, спокойно наливая вино, приглядывался к находившимся в комнате скромным и молчаливым морякам; кроме Тонти и Даниеля Бруно он никого не знал, а потому шепотом спросил у Томазо, может ли он поручиться за благонадежность своих товарищей.

— За всех, от первого до последнего, синьор, — отвечал Томазо.

Тогда Баррофальди обратился к присутствующим:

— Вам, без сомнения, известна причина, побудившая нас прийти сюда? — спросил он.

Ответ прозвучал не сразу. После паузы Даниель Бруно ответил за всех.

— Мы догадываемся, ваше сиятельство. Мазо нам говорил, что этот люгер не английский, как нас хотят уверить, а французский.

Вдруг за дверью послышались шаги, и прежде чем Бенедетта, остерегавшаяся, по желанию вице-губернатора, неизвестной и, может быть, неудобной встречи, успела задержать нежданного гостя, дверь отворилась, и в комнату вошел не кто другой, как Итуэл Болът в сопровождении одного генуэзца.

Скажем несколько слов об этом новом лице. Итуэл Болът был, как говорится, каменным человеком. В нем совершенно отсутствовали все признаки общечеловеческой естественной чувствительности. Черты его лица и фигура были правильны, но слишком резки и угловаты. Он точно весь состоял из одних костей, нервы замечались гораздо позднее, а мускулы, которых на его долю было отпущено немало, не округляли тела, а напротив, придавали ему угловатость. Даже пальцы его казались не округлыми, а прямоугольными, а на открытой шее с небрежно повязанным черным шелковым платком, не служившим ее украшению и грации, выделялись все позвонки. Роста он был высокого, но его несколько скрадывала сутуловатость плеч. Черные волосы обрамляли подернутое сильными и неоднократными наслоениями загара лицо, подвергавшееся много лет действию самой разнообразной погоды и сильных ветров. Лоб у него

был широкий, открытый, и рот замечательно красивый. Эту оригинальную физиономию как бы освещали пронизательные и подвижные глаза, казавшиеся не пятнами на солнце, а солнцами на пятне.

Итуэл испытал все превратности жизни американца, вынужденного своими силами пробивать себе дорогу. Он был мальчиком у одного фермера, работником в типографии, младшим школьным учителем, кондуктором дилижансов и разносчиком, ему случалось даже не пренебрегать и более грубыми работами, например, мести улицы, изготавливать метлы. До тридцатилетнего возраста Итуэл не думал о море. Случай доставил ему место на каботажном судне, на котором он и совершил свое первое путешествие. Ему посчастливилось в том отношении, что капитан не сразу открыл его полнейшую неподготовленность, что произошло благодаря самоуверенности Итуэла, и ошибка обнаружилась лишь спустя несколько дней, когда судно было уже в плавании. Но и тут судьба сыграла на руку Вольту: по несчастной неосторожности капитан упал в море, и Итуэл естественно занял его место. Другой бы в его положении поспешил вернуться в гавань, но не в его правилах было отступить, да к тому же идти назад было так же трудно, как и вперед, и он избрал последнее. Матросы не могли им достаточно нахвалиться, а он действовал очень осмотрительно и отдавал только те приказания, какие они подсказывали ему. Погода ему благоприятствовала, ветер дул попутный, и ничто не препятствовало благополучному плаванию. Он приобрел друзей, и судовладельца каботажных судов вверил ему судно. Он поручил тогда своему лейтенанту все ведение судна, а сам, не показывая вида, что присматривается, через полгода уже научился этому новому для себя делу лучше, чем другой научился бы в три года.

Итуэл в конце концов потерпел крушение вследствие своего круглого невежества в мореходном деле. Этот несчастный случай привел его к долговому путешествию в положении подчиненного: он был забран в матросы одного английского судна, по уставу для набора рекрутов, когда капитан лишился значительной части своего экипажа, погибшего от желтой лихорадки. Итуэл не был таким человеком, которым можно было бы пренебречь в таком случае, а капитан притворился, что принял его за англичанина.

Глава IV

Судно, стоящее здесь на якоре, из Вероны. Михаил Кассио, лейтенант воинственного мавра Отелло, сошел на землю.

Шекспир. «Отелло»

Итуэлу достаточно было одного беглого взгляда, чтобы разобраться в общественном положении всех присутствующих. Он понял, что двое из них занимают место значительно высшее

сравнительно с четырьмя остальными и что эти последние — простые матросы. Относительно Бенедетты как хозяйки дома не могло быть никаких сомнений.

— Вина, — приказал Итуэл, жестом поясняя свое желание, так как это было почти единственное известное ему итальянское слово.

— Сию минуту, синьор, — отвечала Бенедетта, кокетливо улыбаясь, — сию минуту вам подадут, но какого вина желаете вы? У нас вино различной стоимости.

Итуэл предоставил своему спутнику, генуэзцу Филиппо, объясняться с хозяйкой, а сам занял место у одного из свободных столов и, сдвинув в сторону находящиеся на нем стаканы, не замедлил непринужденно развалиться на стуле, подняв ноги на край сиденья и опираясь руками на соседние стулья.

Баррофальди с удивлением посматривал на него. Конечно, он не мог ожидать встретить порядочное общество в кабачке Бенедетты, но манеры этого иностранца превзошли его ожидания. Однако он ничем не выдал своего впечатления.

Между тем гостям подали то же вино, что и Баррофальди с подестой, и Итуэл, приложившись губами к бутылке, почти разом опустошил ее к немалому огорчению Филиппо.

— И это называется вином! — воскликнул Итуэл, отрываясь от горлышка бутылки, чтобы передохнуть. — Я мог бы выпить его целую бочку и, не пошатнувшись, пройти по узкой дощечке.

Он говорил это с самым довольным видом, доказывавшим, что только что выпитое вино доставило ему громадное наслаждение.

Все это время вице-губернатор старался уяснить себе характер этого незнакомца и припоминал особенности его родины. Весьма естественно, что он принял Вольта за англичанина, и его недоверие к приехавшему люгеру на время снова стусебалось. Подобно большинству итальянцев своего времени, он считал чем-то вроде дикарей этих жителей севера, и уж, конечно, не Итуэлу с его грубыми манерами было дано изменить такое мнение.

— Вы генуэзец? — спросил вице-губернатор Филиппо авторитетным тоном.

— Как же, синьор, к вашим услугам, хотя я и нахожусь в настоящее время на чужеземной службе.

— На чьей именно, мой друг? Говорите! Я блюститель порядка на этом острове и по своей должности обязан задать вам этот вопрос.

— Это сразу видно, ваше сиятельство, — отвечал Филиппо, вставая и почтительно ему кланяясь. — Я нахожусь на службе у английского короля.

Он твердо произнес свой ответ, но невольно опустил глаза под пронизательным взглядом вице-губернатора.

— А ваш товарищ не говорит по-итальянски, он англичанин?

— Нет, синьор, он американец и Англию совсем не любит, насколько я его понимаю.

— Американец! — воскликнул Баррофальди.

— Американец! — повторил за ним Вито Вити.

— Американец! — хором откликнулись все четверо матросов, и все взоры обратились на любопытного иностранца, выдержавшего этот осмотр с невозмутимым спокойствием.

В том любопытстве, с которым моряки и начальство города смотрели на американца, не было ничего удивительного, так как еще в 1799 году итальянцы не имели верного представления об американцах и смешивали их с неграми; словом, двух с половиной веков существования нации и более столетия независимости было недостаточно для того, чтобы поведать жителям Старого Света, что великая современная республика населена народом европейского происхождения и с белой кожей.

— Да, я американец, — сказал в свою очередь Итуэл с важностью, слыша, как повторяется это слово, — и я не стыжусь своей родины. Если желаете знать подробнее, то я скажу вам, что родом из Нью-Гемпшира, Гранитного штата, как у нас его называют. Объясните им это все, Филиппо, и скажите мне, что они об этом думают.

Филиппо перевел его речи, как мог, а также и полученный ответ. Скажем заранее, что весь последующий разговор велся таким образом при содействии Филиппо, как переводчика; но мы не будем выписывать повторений и передадим только самый разговор.

— Гранитный штат! — повторил вице-губернатор недоверчиво. — Бедные жители, как им трудно, должно быть, промышлять себе пищу. Спросите у него, Филиппо, есть ли там вино?

— Вино! — отвечал Итуэл. — Скажи этому господину, что у нас там не назовут вином того, что мы здесь пьем. То, что у нас там пьют, как пилой режет горло и точно лавой с Везувия обжигает внутренности.

— Не познакомит ли нас синьор американец с религией своей страны, если только они там не язычники? Я не помню, Вито, чтобы я когда-нибудь читал о религии в этой части света.

— Религия! О, подобный вопрос вызвал бы немалый шум в Нью-Гемпшире. Слушайте, синьор: все эти ваши обряды, образа, одежду церковнослужителей, ваш колокольный звон и коленопреклонения — всего этого мы не называем религией, так же, как не считаем вином вот этот напиток.

Голова Итуэла уже в значительной степени была отуманена этим самым напитком, о котором он так пренебрежительно отзывался, иначе он не позволил бы себе так громко высказывать свои убеждения, так как из многократного опыта знал, насколько надо сдерживаться по этим вопросам в стране католической. Баррофальди отвечал ему со строгостью убежденного католика, хотя и не изменяя правилам вежливости.

— Очевидно, американец не понял того, что он называет нашими обрядами и образами: такая мало цивилизованная страна, как его родина, не сразу может постигнуть глубокие таинства нашей древней религии.

— Малоцивилизованная! Я полагаю, что надо основательно вспахать эту часть света, чтобы взрастить на ней цивилизацию, равную той, какой обладают у нас малые дети. Но бесполезно говорить об этом, а потому лучше выпьем!

Андреа и сам увидел, что бесполезно толковать о религии, тем более что Филиппо сильно затруднялся с переводом, а потому он прямо приступил к тем вопросам, которые привели его в кабачок.

— Должно быть, и американец также на службе у английского короля, — небрежно заметил он. — Помнится мне, что была война между американцами и англичанами, причем французы помогли американцам одержать верх над англичанами и достигнуть национальной независимости. В чем состоит эта независимость, я хорошенько не знаю, но возможно, что населению Нового Света есть еще чему поучиться у своих прежних хозяев, чтобы поднять своих моряков.

Все мускулы лица Итуэла страшно напряглись, и выражение глубокой горечи омрачило его физиономию; затем губы скривились в злую насмешку и он сказал:

— Может быть, вы правы, сударь, англичане действительно как будто с полным правом вербуют себе наших соотечественников; возможно, что мы служим нашим прежним господам и что вся наша независимость — один пустой звук. Но как бы там ни было, а есть между нами молодцы, которые тем или другим способом сумеют воспользоваться первой возможностью отомстить за себя, и не видать мне никогда Нью-Гемпшира, будь он из камня или из гнилого дерева, если я не сыграю какой-нибудь очень скверной шутки с мистером Джоном Булем.

Эта речь, хотя и переданная в неточном переводе Филиппо, произвела тем не менее довольно сильное впечатление на вице-губернатора; ему показалось крайне любопытным такое враждебное отношение американца к той нации, у которой он состоит на службе.

— Спросите американца, почему он остается на службе у английского короля, если это положение так сильно его возмущает, и как он на нее попал?

— Меня завербовали при наборе матросов, и семь лет продержали как собаку, заставляя служить на себя. Но это еще не все, и я не думаю, что имею право рассказать остальное.

— Нам интересно будет послушать все, что американец найдет возможным сообщить нам.

Итуэл, все более подвергавшийся воздействию вина, не знал, на что ему решиться. Подумав, он подкрепил себя новым глотком и заговорил:

— Ну, худшее — это то, что к несправедливости присоединилось оскорбление. Казалось бы, довольно за глаза одной несправедливости к человеку, так нет, надо еще его оскорбить, да так, что самое каменное сердце воспламенится!

И разгоряченный выпитым вином, Итуэл разразился длинной тирадой, в которую включил свои воспоминания, свои обиды, которых, действительно, было немало, и вылил всю накопившуюся в нем ненависть к англичанам. Он говорил захлебываясь, чуть не с пеной у рта, скороговоркой, и Филиппо совершенно не в состоянии был передать его слова. Баррофальди сначала внимательно прислушивался, надеясь хоть что-нибудь уловить; но он ничего не мог понять к счастью для Итуэла, который, забываясь, выдавал себя с головой. Наконец весь этот дикий шум надоел вице-губернатору, и он решил положить ему конец.

— То, что вы говорите, может быть, и справедливо, — заметил он, воспользовавшись минутным перерывом в речи задыхавшегося американца, — но неприлично в устах служащего той нации, которую он так задевает; и не идет также служителю великого герцога Тосканского, союзника англичан, слушать такие речи. Перейдем к другому. Итак, люгер, на котором вы служите, английский?

— Как же, — отвечал Итуэл с язвительной усмешкой, — это очень хорошенькое судно. Это «Гернсийский люгер», и надо видеть, как он улепетывает, когда проснется и обуется!

— Только моряки могут так выражаться! — засмеялся вице-губернатор. — Они так носятся со своими судами, что почти олицетворяют их. Подумать только — Люгер, одевающий сапоги!

Вито Вити, несмотря на свое итальянское происхождение и звучное имя, совершенно не обладал даром воображения. Он принимал все в буквальном смысле и интересовался одними делами, а потому прелесть выражения американца для него совершенно пропала.

Наступило сначала общее молчание, а затем негромкий разговор между вице-губернатором и подестой, и отдельно в группе четверых матросов. Итуэл тем временем несколько успокоился и опомнился. В высшей степени находчивый, изобретательный и хитрый человек, когда он бывал

настороже, теперь, под влиянием своей беспредельной ненависти к англичанам, он чуть не выдал тайны, которую обязан был усердно хранить.

В это время глаза всех обратились на вице-губернатора, ожидая, что он заговорит. И, действительно, осведомившись у Бенедетты относительно отдельной комнаты, где бы ему никто не помешал, он встал и, взглядом пригласив американца и Филиппо следовать за собой, вышел с ними и с подестой из комнаты.

Когда они очутились в отдельной комнате, Баррофальди, не теряя ни секунды времени, выложил на стол деньги.

— Вот язык, общий для всех наций, — сказал он. — Не будем даром терять времени, вы меня понимаете, конечно.

— Я вижу золото, — отвечал Итуэл, — и знаю, что его предлагают недаром. Чего же вы от меня хотите? Говорите, яснее, я не люблю бродить в потемках, это против моих правил.

— Вы должны нам сказать правду. Мы подозреваем, что это французский люгер. Дайте нам доказательство, и вы найдете в нас друзей.

Андреа Баррофальди плохо знал американцев, предполагая, что ему удастся подкупить такого человека, как Итуэл. Завзятый плут и мошенник, Итуэл сохранил особую чуткость к поддержанию собственного достоинства и национальной чести и всякую подачку принимал за личное оскорбление и швырял, чтобы не унижить чести родной страны. Не будь его люгер в такой опасности, он бы не задумываясь бросил эти деньги в лицо вице-губернатору; но он помнил, чем мог грозить такой поступок. Поэтому с полным самообладанием он отстранил золото и сказал:

— Нет, нет, синьор! Во-первых, мне нечего вам сообщать, а за ничто деньги брать зазорно; во-вторых, капитан имеет полномочия от короля Георга по всей форме, и люгер построен на Гернси. У нас в Америке не берут денег, не имея что дать в обмен; а ведь после этого остается одно — выйти на улицу с протянутой рукой. Если я могу каким-нибудь законным образом услужить, то это другое дело.

Говоря таким образом, Итуэл перебирал пальцами монеты, и Андреа понял его так, будто он только не хочет продать тайны, но тайна есть.

— Оставьте у себя эти деньги, — сказал он. — Мы, итальянцы, не берем назад того, что раз дали. Может, завтра вы вспомните что-нибудь, что найдете возможным сообщить нам.

— Я не нуждаюсь в подарках, да и не в обычае Гранитного штата получать их, — резко возразил Итуэл. — Ничего нет постыднее вымаливания себе подаяния!

После некоторого колебания Андреа Баррофальди спрятал свои деньги. Но его недоверие к американцу нисколько не уменьшилось.

— Скажите мне только одно, синьор Болът, — сказал он после некоторого раздумья, — почему вы остаетесь на службе у англичан, если вы их так ненавидите? Земля велика, вы могли найти себе работу в другом месте.

— Вы меня не знаете, иначе бы вы не задали мне такого вопроса, синьор. Я служу английскому королю, потому что он мне за это хорошо платит. Если вы хотите забрать кого в руки, становитесь его кредитором, это вернейшее средство.

Все это вице-губернатор прекрасно понял и после нескольких вопросов, на которые не получил никакого удовлетворительного ответа, кончил тем, что вежливо простился, сказав Бенедетте, что не было никакой надобности уводить иностранцев в отдельную комнату.

Что касается Итуэла, то, решив после ухода должностных лиц, что, может быть, не совсем безопасно было бы для него продолжать пить, он расплатился с хозяйкой и вышел из кабака со своим товарищем. Час спустя он спустил привезенные им контрабандой три бочонка табака одному из местных купцов, ради чего и сходил на берег. Этот личный его доход приобретался совершенно без ведома Рауля Ивара, капитана люгера, в характере которого рядом с вкусами и привычками, казалось бы, не совместимыми с какими-нибудь высокими качествами, уживались некоторые благородные свойства. Но не одним только нерасположением к мелкому торгашеству рознились характеры капитана маленького люгера и человека, которым он нередко прикрывался ради главных своих целей.

Глава V

Великий спор между небом и морем делил нас от наших товарищей.

— Но, внимание! Парус.

Кассио

Походив еще с час с подестой по набережной, вице-губернатор, наконец, удалился к себе, и никому не известен был результат его долгих размышлений; только люгер остался стоять спокойно на своем месте, а Рауль Ивар и Джита, если и имели второе свидание, то так сумели его скрыть, что мы об этом ничего не знаем.

Чудные разливаются утра по побережью Средиземного моря! Ласкающая, ясная тишина предшествует солнечному восходу, нежная окраска неба, словно призывающая нас любить природу, сменяется яркими солнечными лучами. Вот такое-то чарующее утро сменило предшествующую ночь, события которой мы сейчас передали.

С восходом солнца началось движение на люгере, замелькали шляпы матросов, и две фигуры появились около борта, внимательно всматриваясь в еще спящий город. Это были Рауль Ивар и Итуэл Болът. Они говорили между собой по-французски, хотя последний из них совершенно игнорировал при этом все грамматические правила и даже самую правильность произношения.

— Едва ли стоит заниматься этим австрийским судном, — говорил Рауль, — оно не принесет нам никаких выгод, и его гибель только разорит несколько бедных семейств.

— Вот новый взгляд для корсара, — насмешливо возразил Итуэл. — Посмотреть бы вам на революции у нас! Уж, конечно, свобода и равенство покупаются не дешевой ценой, жертвы неизбежны. О, будь это английское судно! Как бы я его славно поджег! Вы знаете, Рауль, когда я вынужден был идти против ваших и отказывался, ссылаясь на свои политические убеждения, не

позволявшие мне сражаться против республиканцев, мой капитан приказал принести розги и заявил мне, что желает проверить совестливость и деликатность моей кожи, и если она окажется несогласной с его понятиями о моих обязанностях, то он распорядится об увеличении отпускаемого мне наказания. Ну, и я должен вам признаться, что он одержал верх, и я бился как тигр, чтобы избежать вторичной порки! Да, это не шутка!

— Но теперь вы в иных условиях, мой бедный Итуэл; день мщения близок.

Затем воцарилось продолжительное и мрачное молчание. Рауль машинально следил глазами за матросами, занимавшимися мытьем палубы, а Итуэл погрузился в невеселые воспоминания о всех перенесенных им оскорблениях. Люди могут жестоко оскорблять друг друга, могут совершать тысячи несправедливых бесчестных поступков, но, кажется, можно почти поручиться за то, что все эти деяния никогда не проходят безнаказанно; рано или поздно является справедливое возмездие, часто совершенно неуловимыми путями — это то, что называют. Провидением Божьим.

Наконец, тяжело вздохнув, Итуэл поднялся и, как бы желая скрыть свое лицо от Рауля, повернулся лицом ко входу в бухту. Но едва взглянул он по этому направлению, как сильно вздрогнул и невольно вскрикнул; в тот же миг Рауль был подле него и посмотрел в ту же сторону. Нараставший день дал им возможность различить предмет, представлявший для них немаловажное значение в их настоящем положении.

Когда с вечера накануне они выбирали наиболее безопасное место, чтобы стать люгеру, они естественно бросили якорь так, чтобы иметь перед собой свободный выход в море. Благодаря туману, они приняли за островок, который, действительно, должен был находиться здесь неподалеку, что-то темное, нежно выделявшееся своими очертаниями. И вот теперь, к своему ужасу, они определенно различили корабль на месте предполагаемого острова. На корабле был поднят флаг, но нельзя было разобрать его рисунок. Ивар в свою очередь вскрикнул:

— Хороши мы будем, если это английское судно! Что вы скажете, Итуэл? Различаете вы флаг? Ваши глаза лучше моих.

— Но я тем не менее не знаю глаз, которые видели бы на таком расстоянии. Я принесу подзорную трубу.

Через минуту он вернулся с двумя трубами — для себя и для Ивара.

— Трехцветный флаг! — воскликнул Рауль.

— Посмотрите, Итуэл, какое это судно могло прислать сюда республика?

— Не то, Ивар, — отозвался Итуэл таким странным тоном, что Рауль к нему обернулся. — Не то, капитан. Нелегко птице забыть клетку, в которой она томилась годами! Это проклятая «Прозерпина».

— «Прозерпина»! — повторил Рауль, хорошо знакомый со всеми приключениями товарища и не нуждавшийся в дальнейших пояснениях.

— Но, если вы не ошибаетесь, «Блуждающему Огню» следует потушить свой фонарь. Я различаю двадцать два отверстия с торчащими из них пушечными жерлами, столько же, значит, и по другую сторону, и, следовательно, всего сорок четыре.

— Мне незачем подсчитывать число его пушек, я знаю, что это «Прозерпина», фрегат; капитаном там Куф, да, я все знаю!.. Итак, это «Прозерпина». Да благословит ее Небо! От души желаю ей провалиться на дно моря!.. Вполне достаточно одного залпа с нее, чтобы загасить «Блуждающий Огонек»!

— Я не сумасшедший, чтобы вступить в бой с фрегатом, Итуэл; но я слишком сжился со случайностями на море и привык не тревожиться до тех пор, пока опасность не станет очевидной.

— Выслушайте, Рауль, и рассудите сами, — горячо заговорил Итуэл. — Ни один французский корабль не выкинет своего флага перед неприятельским городом — это значило бы обнаружить свои намерения. Но английское судно могло выкинуть французский флаг, потому что вполне в его власти выкинуть вслед затем другой, а оно может кое-что выиграть этой хитростью. «Прозерпина» французской конструкции. Да мне ли ее не узнать, когда все ее особенности неизгладимо запечатлелись на моей спине, так что никакой губкой их не стереть?

— Однако, Итуэл, если это английский фрегат, то ему может взбрести на ум зайти в эту гавань и стать возле нас, — проворчал Рауль.

— Что тут делать большому военному судну! Не все так любопытны, как «Блуждающий Огонь».

— И правда, чего бы ему делать в этой тущобе? Ну, видно, надо быть ко всему готовым. Но так как он любезно выкинул нам свой флаг, ответим и мы ему тем же. Эй, выкинуть флаг.

— Который, капитан? — спросил старик рулевой, в обязанности которого входило выкидывать флаги и который никогда не смеялся и смотрел всегда исподлобья. — Капитан не забыл, что сюда мы вошли под флагом Джона Буля?

— Ну, да, и теперь его же поднимите — приходится прибегнуть к наглости, раз мы одели на себя маску. Господин лейтенант, распорядитесь, чтобы все было в порядке и наши носовые платки заготовлены; никто не может сказать, когда понадобится «Блуждающему Огню» утереть ими свое лицо, Итуэл! Вот он повернулся несколько больше на восток, мы можем его лучше рассмотреть.

Оба снова вооружились биноклями, и воцарилось общее молчание. Итуэл, обыкновенно такой болтливый, становился серьезным и сосредоточенным в исключительных случаях. Раулю тоже было не до разговоров, а матросы подражали американцу, который пригрозил им серьезными последствиями в случае обнаружения их французского происхождения, и они старательно перенимали сдержанные, даже угрюмые манеры англичан, за которых себя выдавали, и упорно молчали, наперекор своему живому характеру. Прошло добрых два часа. Несколько судов подходило близко к «Блуждающему Огню», но на все вопросы часовые хранили упорное молчание, прикидываясь непонимающими французского языка, на котором к ним обращались.

У Рауля было подобрано четверо матросов, разделявших с ним арест в Англии и так же, как и он, немного научившихся этому языку; с ними он высаживался на берег в случае, если желал скрыть свою национальность. Так и теперь спокойно и тихо сделаны были необходимые приготовления, и Рауль, не торопясь, спустился в шлюпку и направился к городской пристани, где самоуверенно поднялся по знакомой лестнице, оставив гребцов дожидаться своего возвращения.

Предупрежденные о том, что за ними могут следить, молодцы с полным самообладанием прохаживались по набережной, заговаривая, насколько умели, по-итальянски с женщинами и продолжая прикидываться непонимающими французского языка, когда к ним обращались опытные моряки, недурно владевшие этим языком; многократный опыт сделал из них хороших актеров.

Итак, они продолжали изображать из себя карикатурных англичан в ожидании возвращения Рауля. Молодые девушки подходили к ним, предлагая кто цветы, кто фрукты. Особенно назойлива в этом отношении была Аннунциата, которой Вито Вити поручил попытаться проникнуть в тайны иностранцев. Но ее старания не увенчались успехом, и после резкого окрика одного из гребцов она отошла.

Оставим, однако, наших матросов отбиваться, как сумеют, от любопытных жителей и последуем за молодым капитаном.

Руководимый чутьем или, может быть, имея в виду определенную цель, он быстрыми и легкими шагами направился к террасе и поднялся на высокий мыс. Глаза всех прохожих были подозрительно устремлены на него, следили за каждым его движением; с минуты появления фрегата под французским флагом все население было в тревоге и держалось настороже. Вито Вити уже успел побывать у вице-губернатора, созывавшего затем военный совет для совещания ввиду могущей грозить опасности. Батареи были снабжены оружием в достаточном количестве. Но зачем могла понадобиться французам осада такого ничтожного городка, как Порто-Феррайо?

Снова высокий мыс был занят толпой любопытных обоего пола, всех возрастов и положений. Между жителями преобладали по обыкновению любопытные женщины, у которых воображение довлеет над рассудком. На одной из террас, прямо против дворца вице-губернатора, как здесь называли занимаемый им дом, сидела городская знать, не сводившая глаз с тревожившего всех французского фрегата. Появление Рауля, о котором за минуту до того была речь, как о человеке подозрительном, несколько смутило почтенных господ, и некоторые из них даже отвернулись, чтобы скрыть неволью выступившую на лице краску.

— Добрый день, синьор Баррофальди, — поклонился ему вежливо и развязно Рауль с присущим ему веселым, жизнерадостным лицом, способным совершенно рассеять малейшее подозрение в его виновности или страхе. — Вы тут на берегу наслаждаетесь прекрасным утром, а там на воде появился, по-видимому, прекрасный фрегат французской республики.

— Мы как раз сейчас о нем говорили, синьор Смит, — отвечал Андреа. — Можете вы угадать мотивы появления около нашей мирной гавани этого фрегата такого угрожающего вида?

— Что вам на это сказать, синьор? Вы могли бы меня с тем же успехом спросить относительно многого, не менее поразительного, что проделывает французская республика. Зачем они обезглавили Людовика XVI? К чему прошли половину Италии, завоевали Египет и оттеснили австрийцев к Дунаю?

— Уж не говоря о том, что они дали себя побить Нельсону, — ядовито заметил Вито Вити.

— Действительно, синьор, зачем они допустили моего храброго соотечественника Нельсона уничтожить их флот в устьях Нила? Я не желал хвалиться, а потому не задал сам этого вопроса. У меня на судне несколько человек из тех, что были тогда с Нельсоном; между прочим, наш лейтенант, Итуэл Болът.

— Я видел синьора Вольта, — заметил сухо Баррофальди. — Он американец.

Невольная дрожь охватила Рауля, несмотря на его напускное и аффектированное равнодушие.

— Американец, да, — отвечал он, — но он уроженец английской Америки, и мы считаем его совсем англичанином. Вообще к янки мы относимся как к своим соотечественникам и охотно берем их на нашу службу.

— Совершенно верно; это как раз совпадает с тем, что сообщил синьор Вольта. Он, по-видимому, очень любит англичан.

Раулю стало не по себе. Он не имел понятия о том, что произошло в кабачке, и ему послышался оттенок иронии в словах вице-губернатора.

— Без сомнения, синьор, — уверенно возразил он, — американцы не могут не любить англичан за все, что те для них сделали. Но я, собственно, пришел сюда предложить вам помощь нашего

люгера, в случае если этот фрегат имеет действительно дурные намерения. Наше судно не велико, и наши пушки не большого калибра, но тем не менее мы могли бы вам быть полезными.

— Какого же рода услугу могли бы вы нам оказать, капитан? — вежливо спросил Баррофальди. — Вы, как моряк, можете дать нам подходящий совет.

— Видите ли, синьор Баррофальди, мне кажется, что если бы ваша славная батарея встретила приближающегося неприятеля, то нам лучше всего будет зайти с противоположной его стороны, чтобы таким образом поставить его между двух огней.

— Это было бы хорошо в том случае, если бы ваши силы были почти равны, а то как вы думаете рискнуть выступить против неприятеля, у которого орудий вдвое больше вашего? — заметил местный полковник. — Но что означает это свидетельство любви и восхищения?

Глаза всех обратились на неприятельское судно, которое, к общему удивлению, направилось к дому вице-губернатора и встало почти против него; в то же время убран был французский флаг и при пушечном выстреле, в знак приветия, поднят был другой, а именно английский.

Общий восторженный крик был ответом, так как теперь разом уничтожались все страхи и сомнения. Никто в эту минуту не помнил о Рауле, которого не на шутку беспокоили различные соображения.

— Поздравляю вас с прибытием ваших соотечественников, синьор Смит, — обратился к нему Баррофальди, человек миролюбивый и в настоящую минуту очень довольный возможностью провести спокойный день. — Но я непременно сообщу куда следует о любезно предложенной вами помощи.

— О, этого совершенно не нужно, — отвечал Рауль, едва сдерживая невольно просившуюся на лицо улыбку. — Напротив, ваши молодцы-артиллеристы, вероятно, сожалеют, что лишены случая показать свое искусство. Но я вижу, что фрегат подает сигналы моему люгеру; надеюсь, что мой лейтенант сумеет ответить в мое отсутствие.

Но, может быть, его отсутствие было как нельзя более кстати, потому что фрегат действительно оказался «Прозерпиной», так хорошо знакомой Итуэлу Вольту, и уж, конечно, он был изобретательнее Рауля на наиболее пригодный и хитрый ответ на подаваемые сигналы. И он действительно на поданные сигналы отвечал тем, что проворно и без малейшего страха и колебания выкинул наудачу несколько флагов, но так, что они спутались между собой и не было никакой возможности разобрать их.

Глава VI

— Все ли готовы?

— Все.

— Даже больше, все на судах:

Последний челнок ждет только моего начальника.

— Мою саблю и берет!

Лорд Байрон. «Корсар»

Невозможно было узнать, как отнеслись к хитрости Итуэла на фрегате; но так как, по-видимому, доброе согласие царило между обоими судами, то и у жителей Порто-Феррайо исчезла всякая тень недоверия к люгеру. Было так мало вероятия в предположении, что французский корсар отвечает на сигналы английского фрегата, что даже сам Вито Вити шепнул вице-губернатору, что по крайней мере это обстоятельство говорит в пользу искренности капитана люгера. Спокойный вид Рауля, не торопившегося к тому же уходить при приближении фрегата, также немало способствовал общему успокоению.

— На нашу долю выпала честь принимать разом двоих представителей вашей национальности, синьор Смит, — обратился к нему Баррофальди, — я надеюсь, что вы не откажетесь сопровождать ко мне вашего соотечественника, так как, по-видимому, фрегат намеревается бросить якорь в нашей гавани, и капитан должен будет сделать мне обязательный визит. Но можете ли вы разобрать название этого фрегата?

— Если не ошибаюсь, это «Прозерпина», синьор, — беззаботно отвечал Рауль. — Он был построен во Франции, почему я и принял его за французский, когда они выкинули флаг этой нации.

— Вы, вероятно, также знаете и благородного капитана этого корабля?

— О, прекрасно. Это сын одного старого адмирала, под начальством которого я служил одно время, хотя ни разу не встречался с его сыном. Его зовут сэра Браун.

— Это настоящее английское имя, я встречал его много раз и у Шекспира, и у Мильтона, если не ошибаюсь.

— Во многих литературных произведениях, синьор, — поддержал его Рауль без малейшего колебания. — Мильтон, Шекспир, Цицерон — все наши лучшие писатели пользуются этим именем.

— Цицерон? — повторил совершенно озадаченный Андреа. — Но это древний римлянин, и он умер задолго до появления цивилизации в Англии.

Рауль увидал, что хватил через край, однако не растерялся и обнаружил замечательную находчивость. — Вы совершенно правы относительно вашего Цицерона, синьор, но дело в том, что я говорю о нашем Цицероне, моем соотечественнике, умершем меньше чем каких-нибудь сто лет тому назад. Он родом из Девоншира (место, где проживал Рауль все время своего ареста), а умер он в Дублине.

На это Андреа не нашел никакого возражения. Его только неприятно поразило такое присвоение англичанами знаменитого итальянского имени; но он объяснил это историческими условиями и поспешил включить в свою объемистую коллекцию заметок это новое сведение, собираясь при первой возможности навести более обстоятельные справки об этом неведомом ему до сих пор светиле. Затем он отправился к себе, еще раз выразив Раулю уверенность видеть его у себя вместе с сэром Брауном через какие-нибудь два часа.

Толпа понемногу разошлась, и Рауль остался один в далеко не веселом раздумье.

Городок Порто-Феррайо так основательно скрывается за скалой, у подножия которой он расположен, так защищен своими укреплениями и самым расположением своей маленькой гавани, что приближение судна совершенно незаметно населению, если любопытствующие не поднимутся на высокий мыс, о котором было говорено. На этом-то возвышении еще блуждали наиболее жадные до зрелищ, и Рауль в своей изящной морской форме, не без рисовки, так как он прекрасно знал все внешние преимущества, которыми его наделила природа, пробирался среди этой праздной толпы, зорко присматриваясь к каждому хорошенькому женскому личику, нетерпеливо отыскивая Джиту, которую одну ему надо было видеть, ради которой одной он рискнул на свое опасное предприятие.

Он прошел уже из конца в конец все обычное место прогулок и колебался, вернуться ли и опять поискать ее здесь, или спуститься в город, когда его нежно окликнул знакомый голос; он быстро обернулся и увидел Джиту.

— Поклонитесь мне холодно и как посторонний, — шепнула она ему торопливо, тяжело дыша, — и сделайте вид, что вы спрашиваете меня о расположении улиц, как бы не зная, как там пройти. Здесь мы виделись прошлой ночью; но теперь ясный день, не забудьте этого.

Рауль сделал все по ее указанию, и каждый видевший, но не слышавший их разговора, не мог не принять их встречи за совершенно случайную. Между тем он говорил ей слова любви и восхищения.

— Довольно, Рауль, перестаньте, — останавливала она его, невольно краснея и опуская глаза, хотя уж никак нельзя было прочесть неудовольствия в ее нежных и ясных чертах. — Не время теперь, в другой раз вы мне повторите все это. Знаете вы, что ваше положение значительно ухудшилось со вчерашнего вечера? Вчера опасность можно было ожидать только со стороны нашего города, а теперь прибытие этого фрегата, английского, как мне сказали, много ухудшает дело.

— Несомненно! Это «Прозерпина», как мне сказал Итуэл, а он в этом уверен. Помните вы Итуэла, дорогая Джита? Того американца, что сидел вместе со мной в заключении? Он служил раньше на этом фрегате, и капитан на нем сэр Браун.

При этом Рауль расхохотался к крайнему удивлению Джиты.

— Не понимаю, Рауль, что вы можете находить забавного во всем этом? Этот сэр Браун упрячет вас в одну из тех плавучих тюрем, о которых вы мне столько говорили, а эта перспектива далеко не из приятных.

— Полно, полно, дорогая! Сэр Браун или там сэр Блэк, или сэр Грин (то есть сэр коричневый, черный или зеленый) еще не поймали меня. Я не ребенок, чтобы полезть в огонь, раз меня не водят больше на помочах. «Блуждающий Огонь» светится или гаснет, смотря по обстоятельствам. Десять шансов против одного, что этот фрегат войдет в гавань, чтобы ближе познакомиться с городом, а затем отправится в Ливорно, где уж, конечно, офицерам будет повеселее, чем в Порто-Феррайо. У этого сэра Брауна, наверное, есть так же своя Джита, как и у Рауля Ивара.

— Нет, у него нет Джиты, Рауль, — отвечала она, невольно улыбаясь, тогда как румянец еще гуще залил ее щеки, — в Ливорно мало таких простушек, как я, которые выросли в уединенной башне на морском берегу.

— Джита, — возразил Рауль с глубоким чувством, — многие из благородных римлянок и неаполитанок могли бы позавидовать этой одинокой башне, которая помогла вам сохранить вашу

чистоту и невинность. Такая жемчужина редко встречается в больших городах, а если и бывает, то скоро теряет свою первоначальную красоту, потому что ее грязнят.

— Что вы знаете о Риме, Неаполе, благородных дамах и жемчужинах, Рауль! — улыбаясь против воли, заметила Джита, и вся нежность, переполнявшая ее сердце, вылилась в эту минуту в том взгляде, который она бросила на него.

— Мне ли не знать, Джита! Я был в обоих этих городах и хорошо знаю то, о чем говорю. Я был в Риме, чтобы повидать святого отца, чтобы самому увериться в справедливости составившегося у нас во Франции понятия о нем самом и его непогрешимости, прежде чем остановиться на какой-нибудь религии для меня самого.

— И разве вы не нашли его святым и достойным почтения человеком, Рауль? — горячо спросила она его, так как религиозный вопрос был их вечным камнем преткновения. — Я уверена, что вы признали его таковым и достойным стоять во главе древнейшей и единой истинной церкви. Я его никогда не видала, но я не сомневаюсь, что это так.

Рауль знал, что его взгляд на религию представлял единственную преграду, мешавшую ей порвать со всеми остальными связями и согласится разделить с ним его судьбу, счастливую или несчастную. Но в нем было слишком много прямоты и благородства, чтобы решиться обмануть ее; даже более, он постоянно щадил и оберегал ее собственную твердую и успокоительную для нее веру. Самая эта слабость ее, потому что он считал признаком слабости ее глубокую религиозность — самая эта слабость имела особую прелесть в его глазах. И теперь он с более, чем когда-либо, глубокой нежностью смотрел на милое, хотя и встревоженное личико Джиты. Он ответил ей правдивым, хотя несколько снисходительным тоном.

— Ты моя вера, Джита; в тебе я поклоняюсь чистоте, святости и...

— Не говори больше, Рауль, если ты меня любишь! Это страшное богохульство! Скажи лучше, что ты нашел святого отца таким, как я тебе говорю.

— Я увидел в нем кроткого, почтенного и, в чем я твердо убежден, добродетельного старца; но это не более, как человек, и я не мог в нем подметить никаких признаков непогрешимости. Его окружали вечно интригующие между собой кардиналы и прочие интриганы, способные скорее привести христианина в отчаяние, чем укрепить в нем веру.

— Довольно, Рауль, я не могу слышать таких речей. Вы не знаете этих святых людей, и ваш язык враг ваш, иначе... Слышите? Что это значит?

— Выстрелы с фрегата! Я должен узнать, в чем дело. Когда и где мы увидимся?

— Не знаю. Но теперь мы слишком долго были вместе, нам давно пора разойтись. Доверьтесь мне, я найду средство увидеться. Во всяком случае, мы не замедлим воротиться в нашу башню.

Джита легко убежала, договаривая последние слова, и скоро Рауль потерял ее из вида, она скрылась в глубине городских улиц. С минуту молодой моряк колебался — не последовать ли ему за ней, но раздумал и поспешил на террасу, представлявшую наилучший обзорный пункт, чтобы по возможности узнать о причине выстрела. Там же успела вновь собраться толпа, с которой он и смешался.

«Прозерпина», как совершенно верно признал Итуэл Болът, находилась уже на расстоянии одной мили от входа в бухту и, видимо, не удовлетворенная мало понятными ответами люгера на свои сигналы, желала дознаться чего-нибудь более определенного. Это было совершенно ясно для Рауля, внимательно и с пониманием дела следившего за всеми действиями фрегата. У Рауля

захватывало дыхание, и он напряженно следил за тем, что собирался теперь предпринять его люгер.

Итуэл, видимо, не торопился. Прошло несколько минут, прежде чем с люгера ответили условными знаками на сигнальные вопросы фрегата. Ответ Итуэла был совершенно непонятен Раулю, который получил от французского правительства лист сигнальных знаков для сношений с военными судами своей родной страны, но не знал, конечно, тех, при помощи которых можно было переговариваться с неприятелем. И тут его выручил Итуэл: еще в бытность свою на службе на этом самом фрегате Итуэл присутствовал как-то при встрече «Прозерпины» с одним английским люгером-корсаром и, благодаря свойственной ему в высшей степени наблюдательности, заметил и запомнил те флаги, которыми люгер отвечал фрегату. Теперь ему пришлось применить к делу свои знания, а в случае каких-нибудь ошибок он рассчитывал на то, что с корсара не станут требовать больших знаний и точности в употреблении сигналов.

Так и случилось: сбивчивость ответов отнесена была к невежеству, а не к дурным намерениям.

Между тем фрегат все шел вперед, и нельзя было решить, хочет ли он бросить якорь в бухте или собирается ближе осмотреть люгер.

Теперь Рауль Ивар решил, что наступила пора самому позаботиться о безопасности «Блуждающего Огня». Он, конечно, сделал распоряжения на случай допроса фрегата, уезжая на берег; но теперь дело начинало принимать слишком серьезный оборот, и Рауль поспешил спуститься с горы. Крупно шагая, он наткнулся на Вито Вити, отдававшего надлежащие приказания относительно встречи гостей.

— Вам должна улыбаться перспектива встречи с вашим достойным соотечественником, капитаном Брауном, так как, по всем видимостям, фрегат собирается бросить якорь в вашей бухте! — обратился к нему подеста, еще не успевший отдышаться после крутого спуска с горы.

— Говоря откровенно, синьор подеста, я и наполовину теперь не так уверен, что это «Прозерпина» с капитаном Брауном. Наоборот, я замечаю некоторые признаки, заставляющие меня предполагать, что это крейсер французской республики, в конце концов, и я считаю себя обязанным поспешить на мой маленький люгер.

— К черту бы провалиться всем этим республиканцам! Вот та скромная молитва, с которой я постоянно обращаюсь к Богу, капитан. Но трудно поверить, чтобы такое прекрасное судно принадлежало этим негодным.

— О, что до этого, — засмеялся Рауль, — то нам ничего не стоит перещеголять их в этом отношении. Лучшие суда Великобритании — это призы, взятые нами у французов. Сама «Прозерпина», если это она, того же происхождения. Но я нахожу, что вице-губернатор слишком поторопился успокоиться — это судно не отвечает на наши сигналы, оно их не понимает.

Рауль был ближе к истине, чем он сам думал, так как, действительно, капитан Куф не мог разобрать ответов Итуэла. Наружная искренность Рауля возбудила доверие Вито Вити, и он к нему обратился за советом, как поступить при настоящих затруднительных обстоятельствах.

— Нам надо сделать единственно возможное, — отвечал Рауль с полным самообладанием. — На моей ответственности лежит безопасность моего люгера; вы обязаны позаботиться о спокойствии города. Поэтому я должен поспешить на свое судно, и, может быть, мне даже удастся оказать вам некоторое содействие в том случае, если неприятельский фрегат действительно войдет в вашу гавань.

Все это было сказано самым искренним тоном, совершенно покорившим подесту. Он немедленно отправил человека к вице-губернатору, а сам вместе с Раулем спустился к пристани.

Подеста был человеком несдержанным. Он громко высказал все свои сомнения относительно фрегата, и чем менее оставалось в нем доверия к благонамеренности этого последнего, тем сильнее и крепче росла в нем вера в капитана маленького люгера. Он почти мгновенно проникся совершенно противоположными убеждениями и, как это всегда бывает при таком внутреннем деревороте, усиленно старался загладить свое прежнее недоверие. Подчиняясь его настроению, и общее мнение также склонилось в пользу Рауля, что было как нельзя более на руку «Блуждающему Огню» с его экипажем, так как сейчас перед этим люгер Рауля Ивара начинал уже не на шутку тревожить население, заподозрившее в нем его английское происхождение. Одним словом, не подоспей подеста со своими горячими заявлениями полного доверия и расположения, Томазо со своими друзьями уже совсем готов был признать четверых гребцов Ивара за волков в овечьей шкуре, то есть за французов.

— Нет, нет, друзья мои, — говорил Вито Вити, переходя от одной группы к другой, — не все то золото, что блестит, и всего скорее этот фрегат и есть наш самый опасный враг, а люгер за нас: синьор Смит показал нам свои бумаги, он много рассказывал нам об обычаях и нравах своей родины, о ее литературе; синьору Смити мы вполне верим и даже, как увидите, будем ему, может быть, обязаны за поддержку в минуту опасности.

— Совершенно верно, синьор подеста, — отозвался Рауль, уже сидя в своей шлюпке, — а потому я и должен поспешить к своим, чтобы быть наготове в случае какой-либо для вас опасности.

Посылая рукой прощальное приветствие городу, Рауль быстро удалился от него при нескольких восторженных криках: «Эввина»!

Поднявшись на палубу люгера, он лично убедился, что все его распоряжения были в точности исполнены. Тонкая бечева привязывала люгер к кольцу на берегу, и в то же время якорь сидел только слегка, готовый уступить малейшему усилию. Едва капитан ступил на палубу своего люгера, как последний снялся с якоря и подрезал бечеву, что дало ему сильный толчок и заставило его почти врезаться в береговую насыпь. Обманув этим движением собравшуюся на пристани толпу, уже кричавшую ему радостное приветствие, «Блуждающий Огонь» быстро понесся в открытое море. Эта перемена направления движения была так неожиданна, что жители Порто-Феррайо вместе с подестой приняли его в первое мгновение за неудачу, за ошибку, и раздались уже горестные соболезнования по поводу опасности, грозившей теперь маленькому люгеру со стороны фрегата.

Между тем фрегат, в первое мгновение также введенный в обман хитростью «Блуждающего Огня», понял теперь его настоящее намерение. Стрелять в него уже не было возможности, так как при поразительной легкости и быстроте своего хода он уже перешел расстояние, доступное для успешной стрельбы; предстояла так называемая длинная охота, то есть погоня на воде.

Все это продолжалось не более каких-нибудь десяти минут, но тем не менее Андреа Баррофальди и его советники успели подняться на верхнюю террасу мыса как раз в ту минуту, когда люгер его обходил; Рауль стоял на палубе с рупором в руках. Но ветер был не сильный, и он, не прибегая к трубе, громко и ясно произнес:

— Синьоры, я увожу далеко от вашего порта этого негодного республиканца, пусть он за мной погоняется. Это лучший способ оказать вам услугу.

Эти слова были услышаны и поняты. Часть публики ответила на них рукоплесканиями, другая отнеслась недоверчиво, находя дело темным.

Между тем люгер, встретив более крепкий ветер, понесся с неимоверной быстротой и скоро совершенно скрылся из виду, повернув в одну из следующих бухт.

«Прозерпина» также не оставалась в бездействии. Едва стало очевидным бегство маленького люгера, как на фрегате все пришло в движение: паруса, как белые облака, окутали его мачты сверху донизу, и он также понесся вслед за удалявшимся «Блуждающим Огнем».

Двадцать минут спустя после того, как люгер пронесся под высоким мысом в виду еще не успевшей разойтись толпы, показался близехонько фрегат. Возникло сомнение, не следует ли наказать выстрелами дерзость осмелившегося подойти так близко неприятеля; но на фрегате снова развеялся английский флаг, внушавший страх и почтение, и бедные горожане не знали, за кого же им принять, в конце концов, это военное судно. Ничто на палубе фрегата не давало ключа к разгадке этой задачи, и, однако, очевидно было для всех, что это судно погналось за люгером, который, выходя из тосканского порта, скорее должен был ожидать встретить здесь покровительство, а не враждебность. Одним словом, мнения разделились, и, как всегда в таких случаях, было очень трудно на каком-нибудь остановиться. Одно было ясно, что в случае, если даже это был французский фрегат, в его намерения не входило причинить какой-нибудь вред городу, а потому большинством голосов решено было не начинать перестрелки.

Через десять минут скрылась из виду и «Прозерпина», которая, завернув в ту же бухту, куда направился «Блуждающий Огонь», увидела его перед собой на расстоянии доброй мили, так что удача преследования становилась более чем сомнительной. Тем не менее фрегат не оставлял своего намерения, и одно время ему удалось даже немного сократить расстояние, хотя вслед за тем пришлось несомненно убедиться в недостижимости цели; люгер, точно пользуясь случаем выказать все свои достоинства, прямо кокетничал и рисовался своей легкостью, грацией и быстротой; он подвигался на шесть сажень, в то время как фрегат уходил на пять.

Капитан Куф сознавал всю тщетность погони; к тому же он не был уверен, неприятельское ли это судно, хотя его ответы на сигналы с фрегата были очень подозрительны; но между тем он уходил из дружеского порта.

Но вот люгер подошел всего на несколько часов расстояния от восточного берега Корсики, изобилующего бухточками, в которых ничего не стоило скрыться такому маленькому судну. Тогда опытный капитан направился к северу, как бы пробираясь к Ливорно или к Генуэзскому заливу. Заметив перемену направления фрегата, люгер, прикрытый западным выступом острова Эльбы, совершенно скрылся из виду, собираясь, по-видимому, обогнуть этот остров.

Эта погоня двух судов, естественно, сильно заинтересовала население городка Порто-Феррайо, являясь событием в их однообразной жизни. Несколько любопытных верхами на лошадях, перебираясь с одной возвышенности на другую, проследили это занимательное состязание и привезли в город известие о его результате. Теперь, хотя были еще сомневающиеся люди, но большинство примкнуло к мнению подесты — горячего защитника Рауля. Он не поскупился на яркие краски, а заключил свою речь выражением полнейшей уверенности, что на острове Гернси, население которого было смешанного происхождения, именно и должны были строиться суда такого рода для того, чтобы им было удобнее и безопаснее крейсировать в виду своих соседей — французов.

Посреди всеобщих предположений, догадок, сомнений и опасений одно только лицо молча переживало самые разнообразные, быстро сменявшие одно другое, впечатления. Джита то радовалась, то испытывала чувство смертельной тоски и страха, то благодарила небо, то впадала в полное отчаяние. Ей незачем было высказывать какие-нибудь догадки, поддерживать чьи-нибудь мнения, делать предположения. Она внимательно прислушивалась ко всему, что говорилось около нее, и радовалась тому, что ее свидания с молодым и красивым корсаром прошли никем не замеченными. Наконец все ее тревоги миновали, и осталось одно лишь чувство нежного сожаления, когда вернувшиеся всадники сообщили, что фрегат направился к северу, а люгер, по-

видимому, желал пристать к Корсиканскому берегу, очевидно, с целью повредить торговле этого враждебного острова.

Глава VII

— В самом деле, сударь, есть бездельники, которые подсматривают, и что если они окажутся на своем посту?

— Не бойся ничего, ты ничего здесь не потеряешь.

— Я надеюсь, сударь, так как на мне много свертков серебра.

«Зимняя сказка»

Таково было положение дел в Порто-Феррайо в полдень, то есть как раз в тот час, когда жители наиболее заинтересованы своим обедом, после которого все предаются отдыху. Перед наступлением вечера, когда слегка подуло свежестью с моря, жители снова высыпали на улицу, совершая свою вечернюю прогулку, и местные кумушки снова набросились на различные предположения и догадки по исчерпанным уже по всем направлениям вопросам.

Внезапно пронесся слух, все более и более подкрепляющийся, что люгер «Крыло-и-Крыло» вновь подплывает к порту с поразительной скоростью, легкостью и уверенностью, как испытанный друг. Это известие с быстротой молнии переходило из уст в уста. Давно не случалось стольких событий сразу в этом мирном местечке. Мужчины, женщины и дети — все бросились на террасу, желая своими глазами убедиться в действительности этого необыкновенного события. Престарелые, слабые и калеки напрасно взывали о помощи, в которой им до сих пор не отказывали, от них теперь убегали, как от зачумленных, предоставляя им карабкаться на террасу как им угодно. Даже матери, тащившие за собой малых ребятишек, бросали их на полдороге, чтобы самим бежать скорее, рассчитывая найти их потом во всяком случае внизу при возвращении, куда они неминуемо должны были скатиться, раз не в силах идти вверх. Словом, была полная сумятица, возбуждавшая и смех, и пересуды, но в сущности совершенно естественная.

Не прошло десяти минут с момента распространения этой последней новости, как на верху террасы собралось уже до двух тысяч человек, в числе которых находились Томазо Тонти, Джита и другие, уже известные читателю, лица. Повторился буквально вчерашний вечер, только с еще большим количеством любопытных и в настоящее время заинтересованных еще горячее.

И действительно, люгер приближался на всех парусах, как лебедь, плывущий к своему гнезду. Английский флаг торжественно развевался на верху реи, а по ходу судна было очевидно, что ему прекрасно известен берег и что он не ожидает никакой опасности. С полным доверием проходил

он чуть не под дулами огнестрельных орудий местной батареи, и такую смелость можно было объяснить не иначе, как его признанным положением друга.

— Заметьте, синьор Андреа, — с торжественным видом обратился Вито Вити к вице-губернатору, — ни одно из этих негодных республиканских судов никогда не осмелилось бы подойти таким образом к Порто-Феррайо, а тем более зная, с кем ему придется иметь здесь дело, как это знает этот сэра Смит. Помните, он ходил тут среди нас, ведь это значило бы сунуть голову в львиную пасть, будь он не из наших.

— Вы поразительно переменили ваше мнение на этот счет, сосед Вити, — несколько сухо возразил ему вице-губернатор, в душе которого остался некоторый осадок недоверия к Раулю после его промаха с Цицероном и других неточностей. — Городское начальство должно быть осторожно и сдержанно.

— Пусть заявится человек более благоразумный и осмотрительный, чем бедный подеста города Порто-Феррайо, если таковой отыщется, синьор вице-губернатор, и пусть он это докажет. Я не признаю себя самым праздным и невежественным человеком во владениях великого герцога. Могут оказаться более ученые, как вы, например, ваше сиятельство, но вы не встретите человека более ревностного и преданного своему долгу.

— Я в этом не сомневаюсь, сосед Вити, — добродушно улыбнулся ему Баррофальди. — Я всегда принимал к сведению ваши советы и пользовался вашей помощью. Но желал бы я узнать что-нибудь об этом Цицероне. Признаюсь, я употребил все свое послеобеденное время сегодня на розыски в разных книгах, отыскивая хотя бы малейший намек на это имя.

— И вы не нашли подтверждения того, что он вам сказал?

— Мало того, я не нашел даже нигде этого имени. Правда, там называют английскими Цицеронами лучших ораторов, но это только в виде похвалы, как это делают и другие нации.

— Но согласитесь сами, вице-губернатор, что было бы прямо преступлением подозревать людей, показывающих нам такое полное доверие.

— Да, вы, пожалуй, правы, Вито Вити; несомненно, что «Крыло-и-Крыло» намеревается вторично бросить якорь в вашей бухте, а на это едва ли бы решилось враждебное судно. Распорядитесь же соблюдением всех необходимых формальностей.

Толпа уже начала спускаться с горы, чтобы посмотреть, как люгер будет входить в гавань. Подеста поспешил встретить сэра Смита, едва только дослушал распоряжения вице-губернатора. Андреа Баррофальди счел более для себя приличным остаться там, где он был, и ожидать прихода воображаемого английского офицера. Джита, одна из немногих, также осталась наверху. Сердце ее билось от тревоги за все те опасности, которым подвергал себя дорогой для нее человек из любви к ней, и ее нежность к нему росла.

Джита с Башни, как ее обыкновенно называли знавшие ее, вследствие одного обстоятельства из ее жизни, о котором будет рассказано своевременно, или Джита Караччиоли, что было ее настоящим именем, с детства осталась сиротой. Благодаря именно этому обстоятельству она приобрела настоящую силу характера и твердую веру в себя, чего бы ей наверное недоставало без этих печальных обстоятельств, так как от природы это была девушка замечательно мягкая. Тетка учила ее хорошим манерам, а дядя, удалившийся от света и весь отдавшийся религии, внушил ей самые твердые религиозные правила и развил в ней крайнюю совестливость.

Ее правдивость не позволяла ей одобрить той уловки, прибегнув к которой Рауль получил возможность посетить ее; но, уступая чувству чисто женской нежности, она извиняла ее, тронутая мотивом, побудившим его на этот поступок. Она ужасалась при мысли о тех хитростях и той лжи,

которые являлись для Рауля неизбежными спасительными ширмами; ежеминутно трепетала она, ожидая всегда возможной вспышки, могущей повлечь за собой даже пролитие человеческой крови; и в то же время она была глубоко тронута самопожертвованием любимого человека ради нее. Рассудок ей давно говорил, что Рауль Ивар и Джита Караччиоли должны быть чужими друг для друга; но сердце ее шептало ей совсем другое. Настоящий случай как раз обострил эту постоянно происходившую в ней борьбу, и, оставшись на высоте, она погрузилась в глубокое раздумье, и на ее глаза беспрестанно набегали слезы.

Однако в планы Рауля вовсе не входило поместить свое судно так близко к населенному городу. Вместо того, чтобы войти в самую гавань и здесь искать защиты от всякого республиканского крейсера, он, наперекор общему ожиданию, снова бросил якорь приблизительно там же, где стоял раньше. Рауль спустился в шлюпку и подъехал налегке к пристани.

— Э, синьор капитан! — дружески приветствовал его Вито Вити, едва только он ступил на берег. — Мы вас здесь ждем, чтобы, так сказать, принять вас в свои объятия. Славно вы провели этих санкюлотов! Англичане — великая нация! Мне вице-губернатор порассказал кое-что про ваших соотечественников.

Рауль великодушно принял все комплименты, расточаемые подестой ему и его нации, снисходительно пожал ему руку — словом, разыграл как нельзя лучше роль великого человека, с детства привыкшего к фимиаму. Как и подобало его положению, он немедленно заявил, что желает сейчас же отправиться к начальнику острова.

— Король Георг, — говорил он, идя рядом с Вито Вити по направлению к дому вице-губернатора, — особенно настаивает на том, чтобы мы немедленно являлись к начальникам посещаемых нами мест. Еще когда я видел его в последний раз, он сказал мне: «Смит, вы нисколько не уроните своего достоинства, если будете соблюдать правила вежливости».

— Вы счастливы, имея короля с такими взглядами; и счастливы вдвойне вашей близостью к нему.

— О, что до этого, то все моряки пользуются особым его расположением; а на нас, капитанов, он прямо смотрит как на своих детей. «Заходите ко мне во дворец, дорогой Смит, — говорил он мне, — каждый раз, как вы будете приезжать в Лондон; вы всегда во мне найдете отца». Вы, конечно, знаете, что один из его сыновей служит в морской службе? Еще недавно он был таким же капитаном, как и я, этот его сын.

— Святой Стефано! Сын такого великого короля? Признаюсь вам, я ничего этого не знал, синьор.

— В Англии существует закон, в силу которого король обязан по крайней мере одного из своих сыновей отдавать в морскую службу.

Рауль играл роль, и он любил эту роль большого человека; но вследствие своей необузданной фантазии и отчаянной смелости всегда рисковал перейти границу вероятного и навлечь на себя неприятности. Но беседа с подестой, невежественным и поклонником всего необычайного, не могла ему грозить никакой опасностью; тот был счастлив, что говорит с человеком, удостоившимся личной беседы с государем. Он не мог удержаться от желания вслух высказать нахлынувшие на него мысли:

— Разве не величайшее счастье служить такому королю и даже умереть за него!

— Я еще не испытал этого последнего счастья, — невиннейшим образом отвечал Рауль, — но это может случиться не сегодня завтра. Не думаете ли вы, синьор подеста, что люди, жертвующие своей жизнью за государя, должны были бы быть причтены к лику святых?

— Это переполнило бы календари, синьор, в настоящее военное время; но я согласен с вами, если сделать исключение в пользу генералов, адмиралов и других высокопоставленных лиц. Таким образом, французы-республиканцы естественно лишаются этой чести.

— О, это все каналы, от первого до последнего! Пусть вернут Бурбонов, тогда и получают законное право на достижение этого блаженства. А скажите-ка, синьор Вито Вити, много позабавила город сегодняшняя гонка?

Подеста воспользовался этим вопросом, чтобы поведать Раулю все перенесенные им ощущения, тревоги и восторги.

Между тем они подошли к террасе, по которой нетерпеливо прохаживался Андреа Баррофальди.

Он встретил Рауля вежливо и без малейшей тени недоверия, но гораздо холоднее, нежели подеста.

— Я являюсь к вам, синьор вице-губернатор, — заговорил капитан люгера-корсара, — по неперемому приказанию моего государя; являюсь, чтобы почтительно заявить вам о моем вторичном прибытии во вверенные вам владения, хотя мое отсутствие после первого моего визита к вам и не было столь продолжительно, как, положим, путешествие в восточную Индию.

— Как ни кратковременно было ваше путешествие, синьор, но мы сожалели о вашем отъезде, тем более, что вы только что перед тем показали себя таким искусным моряком. Очень рады вас снова увидеть и надеемся, что так же, как и ваш английский Цицерон, вы доставите нам в этот второй приезд еще больше удовольствия, чем в первый.

Рауль не мог сдержать улыбки и легкой краски, выступившей у него на лице; но он поторопился принять на себя вид человека, поглощенного очень серьезными размышлениями. Затем он сказал, обращаясь к вице-губернатору:

— С позволения синьора подесты я попросил бы у вас, синьор вице-губернатор, уделить мне две минуты для частного разговора.

Вито Вити немедленно отошел, а Рауль продолжал:

— Я вижу, синьор, что вы не забыли моего маленького хвостовства Цицероном. Вот видите ли, я не получил серьезного научного образования, и, стесняясь своего невежества перед вами, таким высокообразованным человеком, я невольно, желая замаскировать свое незнание, слишком не поспешил на громкие и, к сожалению, мало известные мне имена. Ваша доброта дает мне необходимую храбрость сознаться перед вами в этой моей, согласитесь, все-таки довольно невинной выходке.

— Так вы признаете, синьор, что между англичанами не было Цицерона?

— Любовь к истине заставляет меня сознаться, что я никогда о таком писателе у нас не слышал.

— О, мне теперь совершенно понятно ваше поведение, синьор Смит, — возразил вице-губернатор, довольный собой не менее самого подесты. — Тяжело, должно быть, для тонко чувствующей природы сознание своего невежества. Но вы еще так молоды, и это дело поправимое. Пожалуйста, если вам случится на более продолжительные сроки заезжать к нам, я всегда к вашим услугам; я горжусь тем, что могу быть полезен в этом отношении... Ну, если в Англии и не было Цицерона по имени, то немало их было по силе таланта!.. А при ваших способностях вы можете далеко пойти.

Рауль поблагодарил его за его любезное предложение своего содействия, и с этой минуты между ними установились наилучшие отношения. Капитан-корсар получил на самом деле лучшее

воспитание, чем он сказал Баррофальди, к тому же от природы он был прекрасным актером, умел ловко польстить, и с этих пор осторожнее высказывал свои суждения о литературе, позволяя себе гораздо большую свободу относительно других предметов разговора. Замечательно, что этот актер, не останавливавшийся ни перед чем для достижения своих целей, никогда не обманывал Джиту и не подделывался под ее вкусы ни в чем. С ней он всегда был самой искренностью, и тому влиянию, которое он приобрел над чистым сердцем молодой девушки, он обязан был не только силе своей к ней привязанности, но и своему благородному мужеству. Поразительно было в свою очередь влияние невинности, ясности и простоты Джиты на этого человека, который не посягал обмануть ее в религиозных вопросах, не скрывал перед ней своего неверия, хотя знал, что этот пункт составляет единственное препятствие к их соединению, соединению, о котором он уже с год как горячо мечтал и которое в настоящее время для него было дороже всего на свете.

Не таким он был по отношению к Андреа Баррофальди, Вито Вити и в особенности к англичанам, которых он ненавидел и бывал счастлив, когда мог обмануть их.

Установив, таким образом, наилучшие отношения, вице-губернатор пригласил Рауля зайти к нему в дом. Так как еще не стемнело и, следовательно, еще рано было думать о свидании с Джитой, то Рауль охотно согласился, но предварительно подошел к краю террасы, чтобы еще раз внимательно осмотреть берег. Вице-губернатор воспользовался этой минутой, чтобы сообщить подесте, что Рауль очень мило отказался от своего Цицерона и что хотя, к сожалению, он не получил серьезного воспитания в детстве, но при его способностях может еще достигнуть многого. Подеста был в восторге, что его друг разделяет его симпатию к иностранцу. Между тем Баррофальди поручил ему напомнить сэру Смиту о его обещании зайти, так как желал немедленно же показать ему некоторые книги, необходимые для его самообразования.

Тем временем Рауль продолжал всматриваться в море. Он видел два-три небольших береговых судна, не рисковавших пуститься в открытое море, чтобы не наткнуться на разъезжающих корсаров или враждебных французов. Эти суда могли представить собой недурную добычу, но к чести Рауля надо сказать, что он не имел обыкновения нападать на суда этого типа. Но вот он заметил фелуку, с севера огибавшую мыс; и он решил завести с ней переговоры, как только вернется на свой люгер, с целью узнать, не повстречалась ли она с фрегатом. В ту самую минуту, как он остановился на этом решении, к нему подошел подеста с напоминанием приглашения от вице-губернатора, и они пошли в дом.

Нет надобности подробно передавать весь последующий затем разговор в доме вице-губернатора; скажем только, что, прикрываясь невежеством более, чем это было на самом деле, Рауль нашел свою роль значительно облегченной и в то же время много выиграл в расположении Баррофальди. Увлекаясь своим стремлением просветить даровитого молодого человека, Андреа совсем замучил его, совершенно этого не подозревая, и когда, наконец, пообещал ему составить к завтраку на следующий день полный список необходимых для него книг, то Рауль ухватился за возможность раскланяться, наконец, и ушел после изъявлений горячей благодарности и проклиная в душе все ученые книги и длинные толкования по поводу их.

Он облегченно вздохнул, выйдя на воздух; ночь уже наступила, и он направился к обычному месту прогулок. На террасе было пусто, за исключением двух-трех запоздавших любителей вечерних прогулок. Но вот он заметил перед собой женскую фигуру, удалявшуюся в более уединенную часть площадки. Он поспешил к ней и скоро узнал именно ту, которую искал и которая, очевидно, ждала его.

— Рауль, — произнесла Джита с упреком, — как можете вы так отчаянно рисковать? После того как вам удалось благополучно уйти из нашего порта, зачем было возвращаться?

— Вы знаете зачем, Джита, к чему спрашиваете? А ведь ловко я вывернулся утром, не правда ли? Ну и провел же я этого здешнего вице-губернатора; знаете, Джита, я иногда думаю, что пошел не по своей дороге, что я рожден быть дипломатом.

— Почему же именно дипломатом, Рауль? Вы слишком честный человек, чтобы долго обманывать, хотя и способны на это в случаях, подобных настоящему, и когда нет иного выхода.

— Ну, все равно, предоставим разбираться в разных вопросах Андреа Баррофальди и Вито Вити, а теперь поговорим о нашем деле, потому что ведь не может «Блуждающий Огонь» вечно украшать бухту Порто-Феррайо!

— Это правда, и я сама шла сюда, чтобы сказать вам это. Мой дядя приехал и хочет ехать в Башню с первой фелукой, какую найдет.

— Вот оно что! Вот подобные совпадения гораздо сильнее вызывают во мне веру в Провидение, чем всякие обедни и итальянское духовенство. Мой люгер заменит для вас фелуку, и мы можем отправиться хоть сегодня ночью. Моя каюта будет в вашем полном распоряжении, а так как вы будете находиться под охраной вашего дяди, то, надеюсь, никто не сможет сказать ничего дурного.

Говоря правду, Джита ожидала этого предложения и заранее взвесила все за и против. Ей не по душе было ехать на корсаре, капитан которого был ее счастливым избранником, она находила это не особенно пристойным; но, с другой стороны, до Башни было всего несколько часов ходу, и к тому же таким способом она уводила любимого человека от могущей ожидать его серьезной опасности, она как бы спасала его, а что значили все досужие сплетни кумушек ввиду такой важной цели для любящего и нежного сердца молодой девушки... Итак, она решила принять предложение.

— Если мой дядя и я примем ваше любезное предложение, Рауль, как скоро можете вы нас увезти? Мы слишком долго отсутствовали, долее, чем мы предполагали, и долее того, насколько имели право.

— Через час, если поднимется ветер. Но вы видите, Джита, совсем стихло, весь воздух Италии уснул. Поверьте, что мы тронемся при первой возможности; в крайнем случае прибегнем даже к веслам.

— Так я повидаяюсь с дядей и скажу ему, что есть судно, готовое к отплытию, и что мы хорошо сделаем, если им воспользуемся. Не странно ли, Рауль, что он совершенно не подозревает о том, что вы стоите здесь в бухте? С каждым днем он все менее и менее замечает, что происходит около него, и я уверена, редко вспоминает о том, что вы управляете неприятельским судном.

— Пусть он только верит мне! Ему никогда не придется узнать другое.

— Мы оба в этом не сомневаемся, Рауль. Ваш благородный поступок относительно нас, когда вы спасли нас от алжирского корсара, что положило начало нашему знакомству почти год тому назад, призывает с нашей стороны на вас вечные благословения и навсегда соединило вас с нами. Если бы вы не подоспели к нам на помощь прошлым летом, мы теперь были бы рабами этих варваров.

— Это второе обстоятельство, заставляющее меня верить в Провидение, Джита, потому что, спасая вас из рук этих алжирцев, я еще не знал, кого я спасаю; а вот вышло на самом деле, что, служа вам, я служил самому себе.

— О, если бы вы научились служить Богу, управляющему всеми нами по своей святой воле! — воскликнула Джита с блестящими от слез глазами и почти судорожно сдерживая охватившее ее при этих словах волнение. — Но мы вам вечно будем благодарны, Рауль, как орудию Его благодати

к нам в этом алжирском деле. Мне легко будет получить согласие дяди ехать; но так как он знает ваше настоящее положение в те минуты, когда желает об этом вспомнить, то я не считаю удобным сказать ему, с кем он поедет. Нам с вами надо условиться о месте и времени свидания, а уж я позабочусь о том, чтобы он был со мной и готов к отплытию.

Затем Рауль с Джитой обсудили все необходимые подробности отъезда. Встретиться условлено было за городом, неподалеку от кабачка Бенедетты, где они рассчитывали на меньший риск натолкнуться на любопытных. Когда все было решено, Джита нашла, что пора проститься. Рауль не удерживал ее в уверенности встретить ее через час, чтобы быть наготове к отплытию при первом дуновении ветра.

Оставшись один, Рауль вспомнил, что Итуэл и Филиппо были, по всей вероятности, на берегу, как они это всегда делали, так как первый только с этим условием полной свободы высаживаться на берег каждый раз, как они бросали якорь, согласился служить под его командой. И надо сказать правду, Итуэл Болът сильно злоупотреблял этим правом, пользуясь им для своих контрабандных торговых сделок. Он поражал своей ловкостью в этих делах, и Рауль, сам лично не сочувствовавший этого рода занятию, не боялся какой-нибудь неосторожности с его стороны. Однако надо было теперь забрать с собой этих двоих, иначе им приходилось оставаться на произвол судьбы. И вот, случайно помня название кабачка, он пошел туда и, действительно, застал Итуэла и Филиппо за хорошим вином Бенедетты. Тут же были Томазо и его приятели. Никому не могло показаться странным, что капитан люгера зашел сюда выпить стакан вина, а потому он сел к столу и спросил вина. Но тут из разговора Томазо с его приятелями он увидел, что насколько ему удалось пустить пыль в глаза вице-губернатору и подесте, настолько здесь склонны были принять и его с его люгером и удалившийся фрегат как раз за то, чем они были на самом деле; опытные старые моряки не поддались обману. Это открытие менее бы его тревожило, если бы не условие, заключенное сейчас с Джитой. Но он допил свое вино с самым беззаботным видом и ушел из кабачка, уводя с собой обоих товарищей.

Глава VIII

В нашей бухте, бурной ночью, наши островитяне заметили лодку, приближавшуюся к берегу, и на ней там и сям колеблющийся свет, сиявший на веслах и на гребцах. Когда ее окликнули, весла остановились, и все потемнело.

— А! Они спрятались! — Вернемся домой. Это морские людоеды.

Дана

Наступила ночь, когда Рауль вышел из дома вице-губернатора, оставив Андреа Баррофальди в обществе Вито Вити. Едва за ним затворилась дверь, как Баррофальди, польщенный признанием своей начитанности, обратился к Вито Вити со следующими словами:

— Легко заметить, сосед Вити, что этот молодой англичанин благородного происхождения, несмотря на недостаток образования. Его наружность и манеры... Что тебе нужно?

Эти последние слова относились к слуге, который вошел в комнату в эту минуту с какой-то запиской, говоря:

— Там в передней какой-то человек пришел, просит, чтобы вы его приняли, синьор Андреа. Он тут написал свое имя.

Вице-губернатор взял у него клочок бумажки и громко прочел: Эдвард Гриффин, офицер английского флота.

— А, этот офицер с какими-нибудь вестями с «Крыла-и-Крыла», друг Вито. Я рад, что вы еще не ушли, мы его вместе послушаем. Введите лейтенанта, Пьетро.

Для человека опытного достаточно было бы одного взгляда на пришедшего, чтобы признать его за англичанина. Это был молодой человек лет двадцати двух — двадцати трех, круглолицый, румяный и добродушный с виду, в форменном платье, со всеми характерными особенностями своего общественного положения и национальности. Он прекрасно владел итальянским языком, почему и был выбран для исполнения данного поручения. После поклона вице-губернатору он подал ему лист пергамента.

— Если вы знаете английский язык, синьор, вы из этой бумаги увидите, что я действительно тот, за кого себя выдаю.

— Без сомнения, синьор лейтенант, вы принадлежите к экипажу «Крыла-и-Крыла» и служите под начальством сэра Смита?

Молодой человек казался крайне удивленным и даже едва удержался от смеха, вовремя взвесив все неприличие подобного поведения.

— Я служу на судне Его Величества английского короля, синьор, и оно называется «Прозерпиной»; я не понимаю, о каком «Крыле-и-Крыле» вы говорите, — несколько сухо отвечал моряк. — Капитан Куф, командир того фрегата, который стоял в виду вашей гавани сегодня утром, послал меня на пришедшей сюда сейчас фелуке сообщить вам результат нашей утренней погони за люгером; но я видел его спокойно бросившим снова якорь в вашей бухте. «Прозерпина» завтра будет здесь, чтобы захватить меня и получить сведения о люгере.

Андреа Баррофальди и Вито Вити широко открытыми глазами смотрели друг на друга, точно видели перед собой вестника из преисподней, явившегося возвестить им о их преступлении.

— И вы ничего не знаете о «Крыле-и-Крыле»? — с усилием произнес вице-губернатор.

— Честью заверяю вас, синьор, ничего не знаю. Это во всяком случае не английское судно, да и не итальянское, насколько мне известно.

Такое заверение Гриффина сильно повредило ему в мнении Андреа, так как подрывало авторитет этого последнего по части языкознания.

— Но это название люгера вашего же флота, синьор, и он в настоящее время бросил якорь в нашей бухте, — настаивал Баррофальди.

— А, понимаю! Это как раз то, что мы и предполагали. Плут обманул вас так же ловко, как провел сотню людей до вас и надует еще столько же, если мы не изловим его сегодня ночью. Это знаменитый французский корсар, за которым теперь гонятся шесть крейсеров, в том числе и наш. Называется он «Блуждающий Огонь», а командир его Рауль Ивар, самый смелый из всех когда-либо существовавших корсаров, хотя за ним нельзя не признать и хороших качеств, и даже благородства души.

Слушая лейтенанта, Баррофальди отчетливо вспоминал все, что слышал в свое время о Рауле Иваре, самом отчаянном из пиратов. Слишком обидно было для его учености признать, что он был жертвой ловкого обмана со стороны морского разбойника, которому сейчас только выказывал самое дружеское расположение; а потому, естественно, что он стал протестовать.

— Это, должно быть, какая-нибудь ошибка, — говорил он. — Сэр Смит — сын лорда и человек вполне достойный.

Но Гриффин твердо стоял на своем, приводя все известные ему доказательства. Тогда смущенный вице-губернатор, наполовину не разобравший длинной речи Гриффина, увлекшегося излишними подробностями, понятными одному лишь моряку, обратился к Вито Вити:

— Что вы на это скажете, синьор Вито Вити? Вы присутствовали при всех наших беседах с сэром Смитом.

— Я скажу, вице-губернатор, что, если мы действительно обмануты, то самым медоточивым языком в мире. Еще вчера я бы мог всему этому поверить; но после его возвращения не сомневался, что это самый преданный нам друг.

— Вам бы лучше самому съездить на люгер и лично убедиться в справедливости ваших предположений, — предложил вице-губернатор английскому лейтенанту.

— Извините, вице-губернатор, но если я покажусь на палубе «Блуждающего Огня», то рискую поплатиться за это, может быть, весьма продолжительным пленом. Я и у вас инкогнито и серьезно попрошу вас сохранить в тайне мое присутствие на вашем острове, иначе вы дадите возможность люгеру ускользнуть от нас. Об одном только я попрошу вас, — это позволит мне подавать сигналы сегодня ночью — у меня для этого есть все, что надо, — как только ожидаемый мной фрегат приблизится настолько, что в состоянии будет различить сигналы, а вы, со своей стороны, позадержите всеми зависящими от вас средствами этот маленький люгер до завтра. За остальное мы вам отвечаем.

— Не думаю, чтобы можно было опасаться за уход люгера сегодня ночью, лейтенант; капитан намекнул не далее как сегодня, что желает пробыть у нас несколько дней. И зачем бы Раулю Ивару с его «Блуждающим Огнем» понадобилось завернуть в наш порт?

— Кто знает! Какие-нибудь да были у него на то свои причины!

— Но скажите, чем вы мне можете доказать вашу личность? — воскликнул Баррофальди, хватаясь за соломинку. — Сэр Смит показал мне все свои бумаги, а вы дали мне одно полномочие, с которым вас послал к нам капитан Куф, если это правда. Как мне судить, кто из вас не лжет?

— Я ожидал этого недоверия с вашей стороны, синьор вице-губернатор, но поторопился прежде показать полномочие, без которого были бы бесполезны все остальные бумаги. Вот они — вы их можете свободно прочесть, так как они написаны по-итальянски.

Андреа Баррофальди тщательно пересмотрел все бумаги и не нашел в них ничего подозрительного.

— Но почему вы предполагаете, что именно этот люгер и есть «Блуждающий Огонь»? — не уступал Баррофальди.

— Тут не может быть ошибки, синьор; нам известны все английские корабли, плавающие в этих морях. К тому же на этом люгере находится в настоящее время один дезертир с нашего фрегата, некто Итуэл Болът, который...

— Американец, не правда ли, синьор? — вскричал подеста.

— По крайней мере этот плут выдает себя за такового, — отвечал молодой лейтенант, краснея от неприятной необходимости признать факт несправедливого поступка с этим дезертиром.

— Я узнал от этого Итуэла Вольта, что вы, англичане, насильно вербуете их к себе в матросы! — сухо вставил Андреа.

— Что делать, синьор! Король вправе рассчитывать на службу своих подданных, и он в них нуждается, а вербовка делается так поспешно, что ошибка всегда возможна; янки же так похожи на англичан.

Когда, наконец, все сомнения относительно тождественности люгера со знаменитым корсаром были устранены, все трое — Баррофальди, подеста и лейтенант прониклись единодушным желанием поймать люгер.

К счастью для «Блуждающего Огня», капитан Куф выразил неперемное желание взять корсар неповрежденным, не посягая на его уничтожение, а то ничего бы не стоило перевести часть огнестрельных орудий в одно из естественных углублений скалы и одним залпом потопить судно, так как, несмотря на ночное время, все же можно было различить люгер на том расстоянии, на каком он стоял от берега.

Руководимые единодушным желанием мести, все трое приступили к более точному определению дальнейшего образа действий. Одно окно в доме вице-губернатора выходило как раз в ту сторону, с которой ожидалось прибытие фрегата, и его поэтому предоставили в полное распоряжение Гриффина. Лейтенант расположился перед ним, готовый немедленно зажечь сигнальный огонь при первом появлении «Прозерпины». Это окно представляло еще то удобство, что огонь в нем не мог быть виден в городе, тогда как бросал яркий свет на море. В таком же положении находился и фрегат: подаваемые им сигналы должны были высокой скалой закрываться от городских домов; еще менее было вероятности, чтобы те и другие сигналы можно было видеть с люгера.

Так проходили часы. Легкий ветерок уже давал себя чувствовать, но направление его не было благоприятно, и Рауль не мог еще сняться с якоря. Джита со своим дядей, Карло Джунтотарди, прибыли на судно около десяти часов вечера, но на люгере не видно было еще никаких приготовлений к отплытию. Говоря правду, Рауль и не торопился ехать, желая продлить счастливое время пребывания с Джитой; он был уверен, что в тот же день доставит своих пассажиров к мысу Монте-Арджентаро, почти острову, на котором возвышались башни, хранителем которых был Карло, будь только попутный ветер, в чем он, впрочем, почти не сомневался. Карло и жил в одной из этих башен.

Упоенный счастьем свидания с Джитой, с которой до полуночи просидел на палубе, едва согласившись, наконец, позволить ей удалиться в отведенную для нее каюту и слишком уверенный в успехе своего ловкого обмана, Рауль легкомысленно забыл о возможной опасности и спокойно ждал утреннего ветра с юга. Он не подозревал, что Томазо Тонти стоял настороже на пристани, готовый забить тревогу при малейшем движении люгера, с которого не сводил глаз.

Но в то время, как Рауль всего менее думал о грозившей ему опасности, Итуэл Вольт далеко не разделял его уверенности. «Прозерпина» поглощала все его мысли, вновь оживляя в нем давнишнюю его ненависть к ней. Он в ней все ненавидел: наружный вид, паруса, оснастку, весь экипаж, самого короля, которому служило это судно, нацию, которой оно принадлежало... Ненависть — одна из самых упорных страстей человеческих, она неутомима, и вот почему Итуэл ни на минуту не упускал из виду весь возможный вред, какой мог принести фрегат люгеру. При таком настроении ему естественно пришла мысль о возможности возвращения фрегата по следам люгера, и, ложась спать, он велел разбудить себя в половине второго, желая проверить справедливость своего предположения.

Поднявшись, как и предполагал, он взял с собой двоих надежных матросов, предупрежденных еще накануне, и спустился в шлюпку. Все это проделывалось без малейшего шума, даже весла были взяты подбитые мехом, чтобы не произвести ни звука. Тихо проскользнул он на намеченный им заранее удобный наблюдательный пост и через какие-нибудь полчаса стал прямо в виду освещенного окна в доме вице-губернатора, у которого дежурил Гриффин.

Яркий свет из этого окна, направленный к морю, поразил американца. Но это еще не был сигнал фрегату относительно дальнейшего образа действий: пока этой лампой Гриффин только сообщал, что он у вице-губернатора и помнит о своем поручении. Было два часа ночи, и через два часа должна была заняться заря. Береговой ветерок усилился настолько, что хорошо оснащенный корабль, паруса которого к тому же отсырели и сжались за ночь, мог смело рассчитывать на довольно скорый ход. Следовательно, ничто не мешало «Прозерпине» появиться в скором времени, если она тронулась с заходом солнца с того места, где остановилась вчера, как говорили.

Вдруг появился другой, голубой огонь в другом окне, а за ним человеческая тень. Итуэл инстинктивно обернулся к морю и увидел знакомый сигнальный ночной фонарь наверху мачты «Прозерпины».

— А, черт возьми! — заскрежетал зубами Итуэл, грозя кулаком в сторону уже исчезнувшего в окне голубого огня. — Я тебя хорошо знаю и вот мой ответ.

С этими словами он зажег ракету, которых захватил с собой несколько штук, и пустил ее. Она вспыхнула и поднялась достаточно высоко, чтобы быть замеченной и с люгера, и с фрегата. Гриффин и капитан Куф были совершенно сбиты с толку. Томазо Тонти также счел своей обязанностью побегать доложить начальству о случившемся. Общее мнение было таково, что это прибыло новое судно, подававшее свои сигналы «Прозерпине».

«Блуждающий Огонь» понял этот сигнал совсем иначе, и когда Итуэл вторичной ракетой еще более смутил капитана Куфа, выставившего теперь условными знаками свой номер, люгер Рауля Ивара неслышно, но быстро скользил вдоль берега, под самым городом, мимо его батареи. Момент его ближайшего прохождения под городом совпал с временем отсутствия бдительного Томазо, и, смеясь над произведенным переполохом, люгер, все ускоряя ход, огибал остров. Пять минут спустя и Итуэл Болт со своими гребцами присоединился к отъезжающим, не слышно пробравшись к люгеру на огонь из нарочно для него со всеми предосторожностями зажженного фонаря, свет от которого направлен был в сторону пущенной Итуэлом ракеты и был совершенно невидим из города.

Полчаса спустя «Блуждающий Огонь» уже полным ходом удалялся от острова и был далеко за пределами выстрелов с батареи Порто-Феррайо.

Между тем «Прозерпина» все приближалась к городу и при первых лучах восходящего солнца не могла не заметить ускользавший люгер. Едва признали в нем «Блуждающий Огонь», как все пришло в движение на фрегате, все повыскакивали на палубу. Капитан был взбешен до последней

степени, и плохо пришлось явившемуся к нему с рапортом Гриффину. Насилу удалось огорченному молодому лейтенанту заставить себя выслушать, и капитан только тогда несколько смягчился, когда узнал, что причиной недоразумения были ракеты, неизвестно кем пущенные. К концу объяснения капитан Куф даже почувствовал некоторое сострадание к юному моряку, искреннее огорчение которого было поистине трогательно.

— Ну, хорошо, Гриффин! Не надо принимать вещи так близко к сердцу, это не поможет, — заключил капитан. — Приходите со мной пообедать, и мы еще потолкуем о всем происшедшем.

Глава IX

Сейчас среди полуденного жара море, спокойное и блестящее, медленно вздымается, так как блуждающие ветры, покрывавшие его пеной, — умерли.

Одиноким корабль движется тяжело, паруса бьются о мачты. Самый легкий звук улавливается ухом, и самый пустяк привлекает взор наблюдателя.

Ричардсон

Все вспышки капитана Куфа по большей части кончались таким образом. Вспыльчивый по натуре, он скоро уступал более спокойному и добродушному настроению и становился вновь благоразумным.

Служителю отдан был приказ поставить лишний прибор на стол для Гриффина, а капитан со своим вторым лейтенантом вышел на палубу. Там было общее оживление, все с восторгом следили за ловкими маневрами люгера, который спокойно покачивался теперь на воде, сознавая свою безопасность в настоящую минуту.

— Славно было бы изловчиться захватить его теперь, — говорил боцман Странд.

Странд был страстным моряком; он служил вместе с капитаном Куфом еще с того времени, как тот был мичманом, и, зная хорошо его характер, имел на него некоторое влияние, так что нередко случалось, что капитан с ним соглашался в тех даже случаях, когда совершенно не принимал мнений своих лейтенантов. Так и теперь, когда при словах Странда капитан быстро повернул к нему голову, то старший лейтенант Винчестер, заметивший это движение, незаметно сделал знак матросам, и те дружно воскликнули три раза кряду. Это был единственный дозволенный им способ выражать свои пожелания командиру.

— Мне не очень улыбается рискнуть на атаку на шлюпках среди бела дня, Винчестер, — проговорил капитан. — Малейший промах может нам стоить нескольких человек, и придется новой вербовкой пополнять наш экипаж.

— Но мы льстим себя надеждой, что останемся победителями, капитан, — заметил Винчестер, — и вам ли говорить об осторожности! Мы все знаем за вами не один отважный и очень рискованный случай действий.

— О да, бывало, Винчестер! — улыбнулся капитан самодовольно. — Но этот Рауль Ивар чистый дьявол и увертлив, как змея. Еще если бы можно было найти какую-нибудь фелуку в Порто-Феррайо, довольно значительных размеров, тогда бы можно было попробовать учинить облаву на беглеца.

— Фелуку мы легко найдем, их там стоит до двенадцати штук, по словам Гриффина, и вице-губернатор на нашей стороне.

— В таком случае не взять ли вам человек сорок матросов, Винчестер, по вашему выбору, с ними переправиться на берег, занять одну из фелук и берегом, как бы крадучись, пробираться к люгеру, будто ища его охраны, благо у нас выставлен французский флаг. Когда вы зайдете несколько далее люгера, с нашей стороны шлюпки, до тех пор будто бы гнавшиеся за вами, оцепят его со стороны, ближайшей сюда, а дальнейшее я предоставляю вашей находчивости, лейтенант.

Винчестер пришел в восторг от этого проекта и пять минут спустя уже плыл на шлюпках с отборными молодцами к гавани Порто-Феррайо.

Андреа Баррофальди отнесся очень сочувственно к намерениям английского фрегата. Винчестер нанял одну из фелук, а привезшие его лодки возвратились на «Прозерпину», чтобы с новыми матросами пуститься в мнимую за ним погоню. С берега раздалось несколько пушечных выстрелов по направлению фрегата с целью показать люгеру полное к нему доверие и то, что продолжали считать фрегат французским судном, но при этом постарались промахнуться; с фрегата ответили тем же и отошли несколько далее, как бы желая встать вне выстрелов.

Между тем «Блуждающий Огонь» оставался совершенно неподвижным. Винчестер вышел из гавани, обогнул выдающийся мыс и подъехал на довольно близкое расстояние к люгеру, настолько близко, что люди с палуб того и другого судна свободно различали друг друга. На фелуке видно было всего человек восемь — девять, все в костюмах итальянских матросов; остальные были спрятаны внизу, под палубой.

Пока все благоприятствовало предприятию капитана Куфа: нельзя было заподозрить хитрость приближавшейся фелуки, и как нельзя более естественной должна была казаться погоня, пущенная за ней с фрегата.

Без сомнения, Рауль и его товарищи не могли не видеть всего происходящего, но молодой корсар предпочитал по возможности выжидать день в бездействии, чтобы тем вернее обмануть неприятеля ночью; к тому же наслаждение от общения с Джитой побуждало его не торопиться.

Не так было с Итуэлом. Его глубокая ненависть к «Прозерпине» заставляла его не спускать с нее глаз; даже завтракая на скорую руку на палубе, он не терял из виду ненавистный фрегат. Никто на люгере не мог знать, стало ли известно Порто-Феррайо настоящее название фрегата и его национальность; только сигнальный огонь, виденный Итуэлом в окне губернаторского дома, вызывал в нем сомнение и заставлял еще более настораживаться. Приближавшаяся же так доверчиво фелука решительно ни в ком не вызывала недоверия.

— Эта фелука стояла в гавани у самой лестницы, — говорил подошедший к Итуэлу Рауль, — она называется «Божественное Провидение» и занимается контрабандой между Ливорно и Корсикой,

куда, вероятно, и направляется теперь. Нельзя отрицать смелости ее поступка в настоящих условиях.

— Но ей не дойти сегодня до Корсики; удивляюсь, как можно было двинуться в путь при почти полном безветрии.

— Фелука, как и люгер, легко скользит по воде при малейшем дуновении ветерка.

— А, вот они, ненасытные англичане! Они гонятся за ней, не могут упустить случая поживиться, хотя бы им пришлось действовать против закона и совести: ведь неаполитанцы в союзе с англичанами.

Рауль, ничего не отвечая, внимательно следил за пятью шлюпками, спущенными с фрегата в погоню за фелукой.

Расположение трех судов было следующее: «Блуждающий Огонь» в виду Порто-Феррайо, прямо против дома Андреа Баррофальди; фрегат на равном расстоянии с одной стороны от люгера, с другой — от мыса, прилегающего к городской гавани; «Божественное Провидение» — вне выстрелов с фрегата; шлюпки с английского судна, прямой линией направляясь к будто бы преследуемой ими фелуке.

Было одиннадцать часов утра, как раз такое время дня, когда в это время года на водах Средиземного моря полный покой; но при легком ветерке с юга, недавно поднявшемся, Рауль имел возможность на своем ходком люгере обогнуть остров Эльбу и занять совершенно безопасное положение. Однако он предпочел не двигаться и проследить за тем, что около него происходило. Таким образом он допустил другие суда приблизиться к себе. Надо, впрочем, признать, что хитрость фелуки была выполнена очень удачно, и не будь Итуэл так уверен, что настоящий фрегат — «Прозерпина», его бывшая тюрьма, как он ее называл, то, несомненно, люгер попался бы на удочку; мнения по этому вопросу разделились, и даже сам Рауль находил, что Итуэл на этот раз хватил через край в своей ненависти и осторожности и что фрегат, находившийся у них перед глазами, может быть, в действительности именно тот, за кого себя выдает, то есть французской республики.

Винчестер, находившийся на фелуке, и Гриффин, руководивший шлюпками, прекрасно играли свою роль. Им слишком хорошо были известны ловкость и опытность противника, чтобы допустить малейшую оплошность. Вместо того, чтобы прямо направиться к люгеру, когда началось преследование, фелука сначала обнаружила некоторое колебание, потом направилась к одной из береговых бухт, где виднелась батарея, как бы желая стать под ее покровительство, и уже после быстро двинулась прямо к люгеру. Все это видел Рауль, и в нем стала подниматься тревога и недоверие.

Внешний вид Винчестера как нельзя более отвечал его целям: со своим сильно загорелым лицом, большими бакенбардами, среднего роста, в красной фригийской шапочке, полосатой рубашке и белых бумажных панталонах, он сильно смахивал на итальянца. Матросы, помещенные на палубе, также были подобраны соответствующей наружности. Большинство из них были уроженцами юга, иностранцами, которыми военное английское судно всегда пополняет свой экипаж. Эти люди позаботились выказать некоторую тревогу и смущение: они суетливо и бестолково метались по палубе, а когда ветер совершенно стих, взяли за весла и усиленно гребли к люгеру.

— Черт возьми! — воскликнул Рауль. — Все было бы ясно, если бы фрегат был действительно французским; но эти гребцы на шлюпках что-то сильно напоминают моих храбрых соотечественников.

— Между ними и нет иных, все настоящие Джоны Були, — уверенным тоном заметил Итуэл. — Фрегат этот — проклятая «Прозерпина». Что до их французских шапок, то это один отвод.

— Попробуйте пустить в них солидной бомбой и увидите, что они все выдадут свою национальность.

— Я этого не сделаю, пока не буду убежден, что это враждебное нам судно. Но что они там затевают?

— У них небольшая пушка с собой...

— Да, совершенно верно, и они направляют ее на шлюпки.

В эту минуту фелука на мгновение исчезла в облаке дыма, раздался выстрел, и ядро, после двух-трех рикошетов, разорвалось, не долетев до первой шлюпки. Через каких-нибудь полминуты послышался ответный выстрел, ядро пролетело по прямой линии к фелуке и перебило большую рею посередине.

— Чисто, — воскликнул Итуэл, — это называется рассчитаться добросовестно. Капитан Рауль, они лучше стреляют, когда желают обмануть, чем в действительном деле.

— Но ничто не дает повода заподозрить обман. Кто же бы стал ломать большую рею на дружественном судне?

Как только матросы пяти шлюпок увидели результат своего выстрела, так перестали грести и испустили троекратное громкое восклицание; сделано это было по распоряжению Гриффина.

— А, теперь нет больше сомнения, это англичане! — воскликнул Рауль. — Кто когда-либо слышал, чтобы наши республиканцы так кричали! Господа англичане, ваши адские глотки выдали вас. Так слушайте же теперь, мы вам доскажем конец истории.

Итуэл от радости потирал руками. Он был теперь уверен, что Рауль больше не поддастся на обман, хотя бы противная партия отличалась превосходным выполнением своей роли. Фелука продолжала, отстреливаясь, приближаться к люгеру; то же делали и шлюпки с фрегата, так что через каких-нибудь десять минут можно было ожидать их столкновения.

Рауль распорядился, чтобы весла были наготове, люди настороже, пушки налажены по четыре с каждой стороны и две впереди. Когда все предварительные приготовления были окончены, двенадцать весел люгера разом опустили в воду и сильным движением пустили судно вперед. Одной минуты было достаточно для Винчестера, чтобы понять, что ни фелуке, ни шлюпкам с фрегата не догнать «Блуждающий Огонь», если он будет от них убегать с такой скоростью. Между тем люгер не имел вида убегающего, его носовая часть была обращена к «Божественному Провидению», и он скорее показывал, что попался на удочку и желал оказать покровительство дружественной фелуке, преследуемой французами.

Остановливаясь на подобном предположении, Винчестер был далек от действительных намерений Рауля. Выдвигая свое судно в одну линию с фелукой и шлюпками, Рауль имел в виду то обстоятельство, что ради пощады собственного экипажа на «Божественном Провидении» со шлюпок стреляли осторожно, высоко направляя выстрел, и кроме того, люгер имел теперь всех своих неприятелей прямо перед собой, то есть против своих пушек. Фелука близко подходила к «Блуждающему Огню», все сохраняя вид ищущей у него защиты от преследования; она вся была окутана дымом, так как канонада не прекращалась. Но среди этого облака дыма Итуэл различил, что экипаж фелуки не только не уменьшается, но быстро увеличивается, что спущены новые весла для ускорения хода и раздаются крики на простонародном английском языке. Фелука быстро приближалась; крики и восклицания со шлюпок выдавали приближение Гриффина. Очевидно,

наступала критическая минута. Ветер совершенно стих, все ближайшее пространство моря потемнело от клубов дыма, и «Божественное Провидение» прямо несло на «Блуждающий Огонь», точно в каком-то слепом отчаянии.

— Успокойтесь, дети мои! — воскликнул Рауль. — Пали!

Раздался залп из пяти пушек, и крики, донесшиеся с фелуки, подтвердили успешный результат данного залпа. На мгновение воцарилось торжественное молчание, свидетельствовавшее об изумлении англичан; затем громкий крик и восклицания как бы заявили об их желании пойти навстречу всем опасностям. Шлюпки фрегата окружили потерпевшую фелуку, и раздался залп из пушек, на этот раз заряженных действительно смертоносным зарядом и старательно направленных на их настоящего врага; но уже было поздно и нельзя было рассчитывать на успех. Когда Гриффин со своего баркаса смог различить обстановку после рассеявшегося последнего клуба дыма, то он увидел, как «Блуждающий Огонь» легче птицы уносился на своих распущенных парусах, пользуясь самым ничтожным южным ветром, достаточным при его подвижности. Винчестер отдал распоряжение, чтобы шлюпки фрегата прекратили очевидно бесполезное преследование и сконцентрировались около фелуки; и Гриффин подчинился этому распоряжению, хотя и очень неохотно.

«Блуждающий Огонь» совершенно не пострадал, тогда как на фелуке оказалось человек двенадцать убитых и раненых; в числе последних находился и сам Винчестер, и так как весьма сомнительный успех если бы и был, то был бы отнесен к заслугам подчиненного ему второго лейтенанта, то с его стороны было совершенно естественно нежелание продолжать это дело.

Что касается Рауля, то он был совершенно иного мнения: видя, что фрегат, пользуясь тем же легким ветром, продолжает приближаться, он решил отомстить ему за его враждебную попытку, прежде чем пуститься в дальнейший путь.

Люгер пошел наперерез «Божественному Провидению» и дал по нему залп на ходу. Тогда, после того, как дым несколько рассеялся, можно было видеть, как шлюпки разом оставили фелуку, увозя своих раненых к противоположному берегу залива. Раулю ничего бы не стоило покончить с ними, или потопив, или взяв в плен, но было что-то рыцарское в его характере, и, довольный ловко задуманным и хорошо выполненным маневром, он не хотел добивать врага. Может быть, и появление Джиты на палубе с мольбой о милосердии к неприятелю поддержало в нем его благородное чувство. Как бы то ни было, но люгер прекратил преследование, и подошел к фелуке. Оба судна так осторожно коснулись один другого бортами, что, как говорится, яйцо бы не разбилось, и, придерживаясь одной веревкой, Рауль, Итуэл и еще некоторые спокойно перешли на фелуку.

Вся палуба ее была залита кровью, лежало три трупа, но нигде никаких признаков ни одного живого человека. Нашли котел со смолой, навалили на него кучу горючего материала и подожгли. Огонь вспыхнул так быстро и с такой силой, что в первую минуту Рауль пожалел, что не отвел свой люгер дальше; но, по счастью, «Блуждающий Огонь» успел отплыть на безопасное расстояние, прежде чем пламя охватило мачты, снасти и паруса фелуки.

На все это ушло минут десять, что дало возможность убежавшим шлюпкам безопасно укрыться в бухте, а фрегату придвинуться на расстояние пушечного выстрела. Но ветер окончательно теперь стих, и Рауль распорядился, чтобы растянули навес, предохранявший несколько от палящих лучей солнца, и каждый занялся бы чем ему угодно, так как, очевидно, некоторое время предстоит оставаться в полной неподвижности. То же сделали и на фрегате, где также приняли все меры против невыносимого жара и расположились отдыхать. Но, находясь на расстоянии пушечного выстрела один от другого, меньшее судно могло быть в опасности подвергнуться обстрелу с более сильного; при настоящих условиях, однако, люгер спасло сознание только что данного им урока, и

самоуверенность Рауля была так велика, что он даже не удостоивал фрегат особенной бдительностью.

Когда полчаса спустя Винчестер появился на палубе «Прозерпины», то узнали, что экипаж лишился семи славных матросов, убитых наповал, и принужден некоторое время обходиться без услуг других четырнадцати.

Уже с того момента, как «Блуждающий Огонь» дал залп по направлению фелуки и легко понесся вперед, видимо, полным хозяином своих действий, капитан Куф начал сомневаться в исходе своего предприятия. Когда же он увидел бегство своих шлюпок под защиту бухты, он окончательно убедился, что его дело проиграно. Теперь, когда шлюпки были снова подвязаны к фрегату, а раненному в ногу, хромящему Винчестеру стали перевязывать его рану, капитан Куф позвал Гриффина к себе в каюту.

— Однако в приятное положение поставили вы меня, вы все, вашим неприменным желанием преследовать во что бы то ни стало «Блуждающий Огонь»! Что скажет адмирал, когда узнает, что двадцать человек убито и ранено и что нам приходится уплатить еще стоимость фелуки за одну забаву?

— Мы сделали все, что от нас зависело, капитан, но легче потушить снежными комьями извержения Везувия, чем устоять перед картечью этого проклятого люгера.

— Да, ему следовало бы назваться не «Блуждающим Огоньком», а «Большим Огнем», — заметил Куф. — Но скажите, ради какого черта кричали вы «ура»? Никогда этого не делают французы, вы себя выдали этим национальным криком; вам следовало кричать: «Да здравствует республика!»

— Это правда, капитан, мы немного погорячились и забыли свою роль. Но мы бы еще могли выиграть дело, если бы с люгера не так поторопились дать залп, которым у нас убило троих матросов и парализовало троих гребцов; и это в самую критическую минуту, когда люгер уносился на всех своих парусах, а мы были задержаны в движении нашей потерей.

— Не могу же я, однако, написать Нельсону, что все шло прекрасно, пока не ранили троих из наших гребцов, и мы были задержаны в своем движении. Нет, нет, это не идет! Придумайте что-нибудь, Гриффин.

— Но, капитан, если бы люгер оставался на месте, мы бы его взяли.

— А, хорошо, значит, люгер обратился в бегство, ветер ему благоприятствовал, он распустил все свои паруса, всякая попытка догнать его была бесполезна, наши люди выказали обычное мужество и держались превосходно — да, так звучит недурно, так можно пустить в газеты. Но эта проклятая фелука! Она сгорела до самой поверхности и пойдет ко дну через каких-нибудь несколько минут.

— Несомненно, капитан, но примите во внимание, что ни один француз и не осмелился войти на нее, пока мы там были.

— Хорошо, я вижу, что надо говорить: фелука была слишком тяжела, она не годилась для преследования. Этот Нельсон — сам черт, и я в тысячу раз предпочел бы выдержать несколько действительных бурь, чем получить одно из его бурных писем. Но я теперь понимаю, как было дело, и вижу, что ведено оно было безукоризненно, и все люди заслуживали полного одобрения, несмотря на неудачный исход по не зависящим от нас обстоятельствам.

Говоря это, капитан Куф сам не подозревал, что был очень близок к истине.

Глава X

О! Это высокая мысль о том, что человек может проложить дорогу через океан.

— Найти путь там, где нет ни одной тропинки, — и принудить ветры — этих агентов высшего могущества — одолжить ему их неукротимые крылья и перенести его в дальние страны.

Уэр

Джита совершенно измучилась за то время, как продолжалась перестрелка. Пока дело шло между фелукой и шлюпками фрегата, ее можно было легко успокоить, сказав, что эта канонада совершенно не касается корсара; к тому же в ее каюту довольно глухо доносился шум пальбы. Но когда дали залп с люгера, от Джиты нельзя уже было долее скрывать положение дел, и все время битвы она простояла на коленях рядом со своим дядей, а по окончании дела поднялась на палубу, как было уже упомянуто, с мольбой о милосердии к врагу.

Теперь положение вещей совершенно изменилось: люгер нисколько не пострадал, на его палубе не было ни малейших следов крови, успех Рауля превзошел все ожидания. Кроме того, эта выдающаяся удача обеспечивала безопасность люгера по крайней мере на некоторое время, потому что фрегат должен был еще сначала водворить у себя порядок, нарушенный понесенной утратой, и затем только рискнуть на вторичное преследование, требующее безусловной дисциплины.

Джита обедала, когда солнце начало склоняться за горизонт, и она осталась на палубе, чтобы не дышать спертым воздухом маленькой каюты. Ее дядя пошел отдохнуть. Сидя под раскинутым навесом, она шила, как обыкновенно делала это в это время дня. Рауль поместился подле нее на лафете пушки; Итуэл на некотором расстоянии от них прочищал стекла подзорной трубы.

— Могу себе представить, какие благодарственные молитвы возносит Андреа Баррофальди за то, что избавился от нас! — расхохотался вдруг Рауль.

— А вы, Рауль, вы не чувствуете потребности принести благодарность Богу за ваше чудное спасение? Не видите вы в нем участия Божественного Промысла? — обратилась к нему Джита с нежностью и в то же время с некоторым религиозным экстазом.

— Черт возьми! В настоящее время во Франции не думают о Божестве. Республиканцы, как вам известно, не отличаются набожностью. Что вы на это скажете, мой храбрый американец? Как у вас там в Америке насчет религии?

Итуэл хорошо знал отношение Рауля к религиозным вопросам, но сам он с детства сжился с правилами протестантской религии и, несмотря на всю свою деятельность, вразрез идущую с понятиями об истинном христианине, считал себя человеком набожным.

— Боюсь, что вы сильно заблуждаетесь в ваших взглядах на религию, Рауль, — сказал он. — У нас в Америке религию ставят выше даже наживы, и уж если это не кажется вам убедительным, то я не знаю, что вам и сказать. Посмотрели бы вы на наше воскресное богослужение, синьорина Джита. Оно у нас серьезнее вашего, где все вертится на обрядах, где у священников особое платье для службы и где поклоняются иконам.

Джита была крайне поражена таким взглядом на ее вероисповедание: то, что называли одними обрядами, было для нее полно таинственного значения.

— Священники меняют платье из уважения к совершаемому ими обряду, как и мы соблюдаем это ради вежливости в отношениях друг с другом; а иконам у нас не поклоняются, они только изображают то лицо, которому мы молимся, — ответила она, и во взгляде, брошенном ею на Рауля, была печаль и бесконечная нежность, но ни тени упрека.

Итуэла не удовлетворил этот ответ.

— К чему весь этот парад перед Богом, Которому нужен только я один с моими добрыми стремлениями? — возразил он. — Если должна существовать вера, а она, несомненно, должна быть, то пусть же это будет чистая, неприкрашенная, разумная вера; разум прежде всего, не так ли, Рауль?

— Вы правы, разум прежде всего, Джита; а тем более разум в религии. Как могу я поклоняться Богу, которого не понимаю? И естественно ли, чтобы разумное существо слепо чему-то подчинялось.

— Вы сильно заблуждаетесь, Рауль, — горячо заговорила Джита. — Если бы вы поняли Бога, он перестал бы для вас быть Богом, он снизошел бы на один уровень с вами. Что бы вы сказали, если бы ваши матросы стали требовать от вас объяснения причин, которыми вы руководствуетесь, отдавая ваши приказания? Вы назвали бы их дерзкими мятежниками. Как же вы хотите требовать отчета от Творца всего мира и вас самих?!

Рауль молчал, а Итуэл с удивлением смотрел на всегда кроткую Джиту, глаза которой блестели сурово, горячий румянец горел на щеках, и прерывающийся голос обнаруживал сильное волнение. Этот страстный порыв произвел невольно сильное впечатление на обоих ее собеседников; они молчали из чувства почтения к ней, и разговор оборвался. Сама Джита была так взволнованна собственным порывом, что опустила голову и закрылась руками, тогда как слезы стекали у нее между пальцев; затем она быстро поднялась и исчезла в своей каюте. Рауль понимал, что не надо с ней говорить в подобные минуты, и остался на своем месте, задумчивый и сосредоточенный.

— Женщина всегда останется женщиной, — заметил Итуэл, — достаточно религиозного возбуждения, чтобы ее совершенно расстроить. Но я в конце концов думаю, что будь у итальянцев меньше торжественности в церквах, не будь у них их папы и кардиналов и поклонения образам, они были бы весьма добропорядочными христианами.

Но Рауль не был расположен беседовать. Он встал, и так как скоро ожидался обычный морской ветер, то он распорядился, чтобы сняли и убрали навес, а сам пожелал основательно узнать настоящее положение вещей. Он содрогнулся, когда увидел, что, несмотря на отдых, которому предавался, по-видимому, фрегат, люди на нем не теряли времени: судно значительно приблизилось к люгеру, и все на нем было совершенно готово, чтобы при первом дуновении ветра пуститься в плавание. Рауль сразу заметил, как его провели, и упрекнул себя за свою собственную беспечность. Фелука догорела вплоть до воды, и только корпус ее плавал и, подталкиваемый чуть заметным движением на воде, понемногу направлялся к заливу. Лучи

заходящего солнца падали на Порто-Феррайо, которого не было видно за скалами, и, казалось, весь остров был погружен в сон.

— Какая тишина! — обратился Рауль к Итуэлу. — Море, земля и горы, горожане и моряки — все спит вокруг нас. Там только на фрегате жизнь, и мы должны удалиться от вашей дорогой «Прозерпины». Зовите всех наверх, лейтенант, спустим весла и повернем люгер в другую сторону. Черт возьми, мой «Блуждающий Огонь» так привык очертя голову лететь вперед, что я боюсь, как бы он не налетел с разбега на своего заклятого врага, как ребенок, которого притягивает пламя в печке и который после расплавляется за свою стремительность сильными ожогами.

Все пришло в движение на люгере, и матросы уже готовы были опустить весла в воду, когда, наконец, повеяло давно ожидаемым ветерком, и все, точно вдохнув в себя порцию кислорода, бросились к парусам. Сна как не бывало, закипела самая оживленная работа. Но и на «Прозерпине» не зевали, и там радостно приветствовали появление ветра.

На этот раз это действительно был настоящий ветер. Рауль дал сигнал свистком, и люгер понесся к фрегату; но уже полминуты спустя повернул в другую сторону и через пять минут удалился от «Прозерпины» настолько, что стал вне всякой немедленной опасности.

Но и капитан Куф, судно которого было тяжелее и неповоротливее люгера, заранее был подготовлен к такому обороту дела и принял соответственные меры. Он подождал того момента, когда мог из всех своих пушек достигнуть «Блуждающего Огня», и сделал разом залп из всех. Двадцать два ядра большого калибра порядочно искалечили оснастку люгера, но, по счастью, не затронули корпуса и не ранили никого из людей.

Вот тут-то проявил Рауль все свое дарование. Все зависело от того, как они воспользуются первыми десятью минутами. Рауль распорядился, чтобы приготовили новые части оснастки, там где нельзя было уже рассчитывать на поправку испорченных, и вынуты были запасные паруса взамен прорванных, чтобы поднять их, как только необходимые поправки будут закончены.

Между тем с фрегата дали новый залп, оставшийся на этот раз без результата благодаря тому, что, вследствие происшедшей на люгере перемены, их взаимное отношение теперь изменилось. Рауль не преминул этим воспользоваться и, продолжая двигаться все в том же направлении, с удовольствием убедился, что, несмотря на нанесенные повреждения, люгер шел значительно скорее фрегата.

В том не замедлили убедиться и англичане и перестали стрелять.

Дело шло пока лучше, чем мог ожидать Рауль; но он знал, что нельзя еще было поручиться за дальнейший успех. Он знал, что, когда ветер усилится, понадобится вся прочность оснастки и парусов, а могло ли устоять его поврежденное судно? За ним же шел фрегат, прославившийся своими отличными качествами в этом отношении. Но ему ничего другого не оставалось, как выиграть время и увеличить насколько возможно расстояние между двумя судами.

Погоня обыкновенно так возбуждает моряков, что они совершенно забывают о неравномерном возрастании сил судов различной величины и желают постоянно сильнейшего ветра. Разница в скорости хода при небольшом ветре теперь значительно уменьшилась при ветре усилившемся, и прекрасно оснащенная «Прозерпина» быстро нагоняла люгер.

Но вот жаркие мольбы молодого корсара были услышаны: ему удалось войти в так называемый Корсиканский канал, отделявший этот последний от острова Эльбы. Маленький, подвижный люгер чувствовал себя здесь полным хозяином, тогда как огромный фрегат должен был принять некоторые меры предосторожности, чтобы не наткнуться на береговые скалы и выдающиеся мысы.

На фрегате все были не менее экипажа люгера заинтересованы исходом погони, потому что если им и не угрожало никакой опасности, то жажда мести и желание отличиться поимкой знаменитейшего из французских корсаров заставляли их сильно желать удачи. Далеко выступающий плоский мыс и скалистый берег заставляли остерегаться или мели, или подводных камней около берега.

Между тем люгер быстро огибал мыс, близко придерживаясь берега.

Капитан Куф, Гриффин и третий лейтенант следили за ним с беспокойством: Винчестер из-за своей раны лежал у себя в каюте.

— Какая отчаянная смелость! — воскликнул капитан Куф. — Можно заподозрить, что Рауль Ивар предпочитает утонуть, чем попасть в плен.

— Напрасно вы так думаете, капитан, — заметил Гриффин, — здесь достаточно глубоко не только для люгера, но и для нашего фрегата, и я уверен, что нам не пришлось бы возвращаться, если бы мы пошли за ним.

— Это все хорошо говорить, когда на вас не лежит ответственность перед военным советом; вы бы не то заговорили, если бы вас ожидало наказание за гибель «Прозерпины». Теперь нам надо обойти это опасное место, или я поворачиваю и совершенно отказываюсь от преследования «Блуждающего Огня».

— Но он садится на мель, смотрите! — воскликнул Изэльвертон, третий лейтенант, и, действительно, можно было подумать, что люгер садится на мель, так как пенящаяся волна обдала маленькое судно. Но это предположение держалось всего одну минуту, так как люгер не замедлил оправиться и мчался с прежней скоростью, огибая мыс; затем он исчез из вида.

Фрегат, остерегаясь могущей встретиться опасности, подвигался тем не менее также вперед и, наконец, поравнялся с самым выдающимся концом мыса.

— Этому морскому разбойнику больше некуда было направиться, как в устье реки Голо; я думаю, что он так и сделал, — высказал свое предположение капитан Куф, когда грозившая фрегату опасность миновала и все немного успокоилось. — Через какие-нибудь четыре часа мы это узнаем.

Эти четыре часа продержали всех в сильном нетерпении.

Между тем Рауль действительно направился к устью реки Голо. Восточная часть Корсики настолько же лишена бухт и гаваней, насколько богата ими сторона западная, и при обыкновенных условиях река Голо, куда направлялся Рауль, вовсе не считается удобным местом стоянки; но Раулю уже пришлось как-то воспользоваться ее устьем, и он главным образом надеялся на ее недостаточную глубину, как существенную помеху для фрегата.

Оба судна к этому времени уже настолько приблизились к острову, что с них можно было отчетливо различить отвесные скалы с вечными снегами на вершинах, расположенные на довольно значительном расстоянии от моря в глубь острова.

Оставалось не больше часа до захода солнца. Ветер стал заметно спадать, и экипаж люгера, которому трудно было противостать сильному напору воздуха своими поврежденными снастями и парусами, успокоился. Заменяли новыми по возможности все существенно попорченные части оснастки судна, и люгер пошел опять так легко и ходко, что Рауль уже подумывал было пройти берегом к Бастии, где он мог бы основательно отремонтировать свое судно, но затем отказался от этого намерения, как слишком смелого, и продолжал раньше задуманный план укрыться в неглубоком устье Голо.

В продолжение всего дня фрегат только на время поднял свой флаг — во время непродолжительной перестрелки с люгером; так же и этот последний только перед залпом, посланным им на фелуку, выставил свое трехцветное знамя. Теперь, у берега Корсики, принадлежавшей французам, Рауль чувствовал себя как бы среди друзей и не сомневался, что ему не будет отказано в содействии в случае надобности.

Между тем «Прозерпина» неожиданно повернула к береговым мелким судам, рассыпанным в довольно большом числе вдоль острова, и захватила три или четыре из них, прежде чем те успели от нее увернуться. Обыкновенно крупные суда не беспокоили бедных рыбаков и мелкие береговые суда, а потому Рауль понял этот поступок капитана Куфа за желание нанести хотя косвенное оскорбление ему, Раулю Ивару. Он был готов уже вступить в новую борьбу, но положение его собственного судна внушало слишком серьезные опасения и требовало очень внимательного отношения, а потому он отказался от своего первоначального желания и занялся своим люгером.

В ту минуту, как солнце уже заходило, «Блуждающий Огонь» бросил якорь в устье реки Голо на расстоянии довольно значительном от входа, чтобы считать себя вне досягаемости выстрелов фрегата. Тут все, казалось, должно было благоприятствовать спокойной стоянке, начиная с незначительной глубины. Между тем «Прозерпина», со своей стороны, очевидно, далека была от мысли прекратить преследование: она отпустила захваченные ею мелкие суда, предоставляя им свободу уйти, чем они не могли, однако, воспользоваться вследствие наступившего безветрия, и, выбрав место поглубже около устья, также бросила якорь и спокойно расположилась отдыхать.

Вот в каком взаимном положении враждебные суда расположились на ночевку, причем на каждом из них проделано было все то, что обыкновенно делают, останавливаясь в дружественном порту, то есть основательно закрепленный якорь, полный порядок на палубе и тому подобное.

Глава XI

Человеческий ум, этот благородный дар, дворец и трон, где разум, этот царь, носящий скипетр, восседает, чтобы чинить свой суд. О!

Кто тот, кто, приближаясь неслышными шагами, не распознает в своей слабости таинственного чуда, этого благородного дара — человеческого разума?

Аноним

Чудную картину представляет Средиземное море со всеми прилегающими к нему землями, чудную во всякое время; но и у него есть оттенки, повышающие или немного снижающие ее прелесть. Солнечный закат того дня, когда Рауль бросил якорь в устье реки Голо, представлял необыкновенную по своей красоте картину, и когда Джита вышла на палубу, считая преследование фрегатом и все опасности миновавшими, ее охватило восторженное чувство, и она сказала, что впервые видит такой дивный закат солнца.

Задолго до того, как солнце скрылось за горизонтом, темная тень от ближайших гор широко охватывала засыпанное море. Корсика и Сардиния казались большими оторванными от Альп клочками, брошенными в море как бы судорожным движением природы еще в виду места их рождения, и походили на сторожевые башни этой громадной европейской стены. Те же горы с остроконечными белыми вершинами, те же истерзанные и полные таинственности склоны; та же смесь оттенков нежного и сурового, величественного и прекрасного, что так особенно характеризует очаровательную природу Италии. Вот что открывалось в настоящую минуту с палубы «Блуждающего Огня», насколько можно было окинуть глазом все окружающее пространство. Темно-синее море, на котором при постепенно замиравшем ветре мало-помалу исчезали все следы зыби, становилось гладким как зеркало; неправильные контуры отдаленных гор, крупных и величавых, резко вырисовывались на золотом небе, щедро окрашенном целым снопом лучей заходящего солнца, этим последним прощальным приветом отправляющегося на покой светила, между тем как долины и ближайшие равнины окутывались таинственным мраком, набрасываемым на них соседними горами, и получали более нежный оттенок. На расстоянии двух миль виднелся фрегат, спокойно уснувший на якорю, и Рауль невольно залюбовался его красотой, пропорциональностью его частей, его размерами, и позавидовал, и не мог не остановиться с горечью и болью на той мысли, что случайные обстоятельства его рождения и судьбы поставили ему непреодолимую преграду к командованию когда-либо подобным судном и навеки обрекли на положение не более как морского разбойника. По своим богатым дарованиям Рауль мог бы идти гораздо дальше и с честью занимать ответственные и выдающиеся должности. Он был целиком продуктом своего времени со всеми его слабыми и благородными свойствами. Смелый, находчивый и твердый в минуты опасности, он никогда не увлекался преследованием и травлей врага ради одной жестокости, по одному чувству мстительности. Крайне взыскательный к своим людям в серьезные моменты, требующие полного напряжения сил, он предоставлял им полную свободу в спокойное время, был им добродушным и снисходительным отцом. Отсюда его громадное влияние на его экипаж, полное доверие к нему с их стороны и безграничное послушание.

После тяжелого и тревожного дня Рауль наслаждался теперь тишиной и покоем и смехом ответил на предостерегающее замечание Итуэла, что можно ожидать ночной атаки на шлюпках со стороны фрегата. Рауль не хотел опять думать об опасности; впрочем, на всякий случай, были приняты все необходимые предосторожности.

В этот вечер после ужина матросам позволены были танцы; среди дивной ночной тишины понеслись звуки романтических песен Прованса. Самая задушевная веселость оживляла всех участников этого невинного развлечения, и недоставало только женщин, чтобы придать вечеринке настоящий характер мирного деревенского веселья. Однако прекрасный пол не был совсем забыт — песни были переполнены самыми рыцарскими любезностями, и Джита слушала их с удовольствием и любопытством. Ее дядя стоял подле нее, а Рауль ходил взад и вперед на некотором расстоянии, беспрестанно подходя к ней, чтобы поделиться своими мыслями и ощущениями.

Наконец пение и танцы кончились, и матросы разошлись спать по своим койкам, за исключением нескольких очередных дежурных. Перемена была так же поразительна, как и внезапно торжественное молчание ночи, которое сменило легкий смех, мелодичные песни и несколько

шумное, хотя и не выходившее из границ вполне приличного, веселье толпы. С гор подуло свежестью и чуть-чуть зарябило нагретую за день поверхность воды. Луны не было, но мириады звезд сияли с небесного свода и позволяли различать предметы довольно отчетливо, хотя и как бы сквозь легкую дымку. Рауль подчинился очарованию этого мира, он тоже как-то весь затих, тронутый и настроенный на более серьезные и нежные мысли. Он присел подле Джиты, дядя которой ушел молиться в свою каюту.

На палубе не раздавалось ничьих шагов. Итуэл ушел на противоположный конец, не теряя из вида своего давнишнего врага — «Прозерпину», присутствие которой не давало ему уснуть. Двое дежурных на большом расстоянии один от другого, чтобы помешать возможности разговора между ними, внимательно следили за морем и всем, что могло на нем произойти. Кроме фрегата и люгера поблизости находились еще три береговых судна, захваченные было фрегатом и снова им отпущенные; одно из них стояло как раз посередине между люгером и фрегатом, так как сделало было попытку вечером уйти дальше к северу, но принуждено было стать на якорь вследствие полного отсутствия ветра. Так как теперь начинал пробуждаться некоторый ветерок, а эта фелука все еще оставалась неподвижной и на таком близком расстоянии от фрегата, взявшего его накануне, то Рауль особенно рекомендовал следить за ней. Другая фелука очень медленно двигалась к югу, а третья, по-видимому, намеревалась мимо «Блуждающего Огня» войти в реку; эта была самая маленькая.

После некоторого молчания Рауль, окинув взглядом окружавший его простор и подняв глаза к звездам, обратился к Джите со следующими словами:

— Знаете ли вы, Джита, что значат звезды для моряка? По ним узнаем мы место, где находимся, или руководствуемся, выбирая направление; они дают нам возможность чувствовать себя постоянно дома, как бы далеко на самом деле мы ни уехали от своего настоящего дома. Моряку-европейцу надо уж очень далеко уехать к югу от экватора, чтобы перестать видеть те звезды, к которым он привык еще на пороге отцовского дома.

— Вот совсем новая для меня идея! — воскликнула Джита, глубоко пораженная поэтичностью его мысли. — Как это вы до сих пор не говорили мне ничего подобного. О, это не пустяки, что эти звезды обладают даром переносить вас домой и вызывать перед вами привычные и дорогие вам образы, когда вы разлучены надолго с теми, кого любите!

— Никогда не случалось вам слышать, что влюбленные условливались в известный час смотреть на одну и ту же звезду, чтобы мысленно встретиться, несмотря на дальность разделяющих их морей и земель?

— На этот вопрос вы сами ответьте, Рауль, потому что я ни от кого, кроме вас, никогда ничего не слыхала ни о любви, ни о влюбленных.

— Ну, так я вам это говорю и надеюсь, что мы не расстанемся, не выбрав нашего часа и нашей звезды, если нам когда-либо суждено расстаться. Если я вам до сих пор не говорил об этом, Джита, то потому, что вы у меня всегда в мыслях. Мне нет надобности ни в какой звезде, чтобы постоянно помнить гору Арджентаро и Башни.

Несправедливо было бы сказать, что Джита без удовольствия слушала эти речи; сердце ее всякий раз открывалось навстречу нежным словам Рауля, и никакая музыка не могла заменить для ее слуха сладости его заверений в любви и преданности. Но ее личико, хотя и зарумянившееся нежным румянцем, оставалось задумчиво, почти печально, а когда она тихо заговорила, то глубокие ноты ее голоса выдавали всю силу сдержанного, страстного чувства.

— Эти светила наводят на мысли еще более высокие. Рауль, вы знаете, конечно, что нет возможности пересчитать их. Всматривайтесь — и мириады их будут непрерывно вновь

выплывать перед вами, как бы смеясь над всеми вашими расчетами... И это все миры, Рауль, все новые миры, подобные нашему. Как возможно созерцать все это и не признать Бога, не преклониться перед ним в сознании нашего полного ничтожества?!

— Я не отрицаю существования силы, которая всем управляет, Джита; но я признаю ее как силу, как причину всех вещей, а не как существо, имеющее наш образ, не как божество.

— Но если вы признаете начало, причину, силу, то почему не желаете вы эту первоначальную силу, это начало начал признать духом, Рауль? Разве труднее поверить существованию духа, чем вашему началу? И потом, вы говорите: имеющее наш образ! Не в буквальном, реальном смысле, а потому что в нас вложена частичка Его Божественного духа, мы в духовном отношении созданы по Его образу и подобию.

— Действия сил природы мне очевидны, я не могу их отрицать, хотя начальная причина и не доступна человеческому пониманию. Я знаю, что из зерна вырастает дерево и дает плоды; вижу, что все живое рождается и умирает — это неоспоримые факты, всегда повторяющиеся при одинаковых условиях. Но я также знаю, что различные животные одарены различной способностью понимания, а потому мирюсь с несовершенством своего ума.

— Хорошо, так допустите же существование высшего существа, частицей духа которого вы наделены и которое, обладая тем же духом в неизмеримо больших размерах, проникает в те недоступные вашему уму тайны и дает начало всему существующему.

Джита говорила с таким волнением, что заразила им и Рауля. Он был поражен ее душевным развитием, которым она обязана была исключительно силе своей веры.

— Рауль, дайте мне мою гитару, я попробую спеть вам один из гимнов Пресвятой Богородице. Вы не знаете, как действует духовное пение на воде; может быть, через эти звуки снизойдет на вас милосердие Божье.

Перебирая струны умелой рукой, Джита запела известное Ave Maria. Неаполитанка по происхождению, от природы одаренная чарующим, нежным голосом, очень музыкальная и, кроме того, получившая некоторое музыкальное образование, Джита не могла не тронуть его своим пением. На этот раз, исполненная надежды послужить посредницей между обожаемым ею Богом и любимым человеком, она пела так, как никогда еще не пела раньше.

Итуэл Болът подошел, чтобы послушать ее ближе; оба сторожевые матроса забыли на время о своих обязанностях и прислушивались к дивным звукам.

— Если бы что могло обратить меня в верующего, Джита, то это ваш чудный голос, — тихо проговорил Рауль, когда замер последний звук гимна. — Это вы, Итуэл? Вы разве поклонник духовного пения?

— Синьорина обладает редким голосом, капитан. Но теперь нам надо заняться другим. Если вы потрудитесь пройти со мной на мой наблюдательный пост, то, может быть, поможете мне разобраться тут кое в чем. Видите ли эту маленькую фелуку? Она определенно приближается к нам, но совершенно сверхъестественным образом — при настоящем, довольно чувствительном ветре, на всех парусах, и не производя ни малейшей зыби на воде.

Рауль нежно пожал руку Джиты и посоветовал ей перейти в ее каюту, опасаясь вредного влияния на ее здоровье свежего ночного воздуха. Затем он поспешил за Итуэлом и, различив указанную фелуку, насколько позволял ночной полумрак, содрогнулся при виде ее близости к люгеру. Когда он видел ее последний раз вечером, она находилась по крайней мере в полумиле от «Блуждающего Огня» и, продолжая продвигаться с прежней скоростью, должна была в настоящее

время уйти уже на целую милю вперед; оказывалось, однако, что она переменяла направление и шла прямо на люгер.

— Вы давно за ней следите? — спросил Рауль.

— С тех пор, как она, по-видимому, не трогалась с места, прошло минут двадцать. Ее направление к нам еще можно было бы, пожалуй, объяснить сильным течением в этом месте; но мне совершенно непонятно, почему она не идет вперед.

— Это береговое судно, Итуэл, во всяком случае. Не думаю, чтобы англичане пожелали вторично испробовать нашей картечи.

— Бог один знает! Люди на том фрегате сущие дьяволы. Посудите сами: при весьма удовлетворительном ветре и так медленно двигаться! Тут что-нибудь неспроста.

Приходилось остановиться на том предположении, что на фелуке тайком подбирается неприятель, потому что, действительно, это маленькое судно направлялось прямо к люгеру. Следовало приготовиться к обороне.

Однако Раулю очень не хотелось будить своих людей; как человек спокойный и твердый, он не любил поднимать фальшивой тревоги. К тому же матросы его были утомлены беспокойным днем и починкой повреждений на судне и спали теперь тяжелым сном усталых людей. Раулю все не хотелось допустить мысли, что англичане осмелятся вторично попытать свои силы.

Между тем фелука все приближалась, а следовательно, росла и опасность быть захваченными. Принимая все это во внимание, Рауль решил предварительно опросить приближавшуюся фелуку, рассчитывая на то, что при первом его зове поднимется весь его экипаж, так как нападение с фрегата отчасти предполагалось и все матросы спали с оружием под боком.

— Эгэй! Вы, там, с фелуки! — крикнул Рауль, когда судно было уже настолько близко, что не требовалось никакого рупора. — Что это за судно и почему оно так наплывает на нас?

— «Красавица Корсика», — отвечали ему с фелуки на полуфранцузском, полуитальянском наречии. — Нас наняли в Падюлелла, и мы держимся берега, потому что наше судно не ходко. А на вас нас тянет течением.

— Я не могу допустить такой близости, я стану стрелять! Вы знаете, что наше судно вооружено.

— А, синьор! Мы друзья республики и не хотим вам вредить. Мы надеемся, что вы не обидите бедных судовщиков. Мы пройдем у вас за кормой.

Это заявление было так внезапно и неожиданно, что Рауль не успел ничего возразить; к тому же было уже и поздно: быстрым движением фелука надвинулась к люгеру, чем окончательно подтвердила все опасения Итуэла.

— Все наверх, надо помешать столкновению! — крикнул Рауль, бросаясь за оружием. — Скорее сюда, ребята, наверх! Тут измена!

Едва раздался его громкий голос, как палуба стала быстро наполняться молодцами-матросами.

Фелука быстро надвинулась на люгер, и в тот момент, когда готово было произойти столкновение судов, послышался плеск весел, и пламя, вырвавшееся из открытого люка фелуки осветило быстро удалявшуюся шлюпку.

— Брандер! Брандер! — закричало разом несколько человек, и ужас, прозвучавший в этом возгласе, ясно показывал все страшное значение этой новой опасности, самой ужасной из всех, какие могут ожидать моряка.

Но среди раздавшихся голосов не слышно было голоса Рауля Ивара. Он исчез, и секунду спустя уже послышался его громкий клич:

— Антуан, Франсуа, Грегуар! Сюда, за мной! Пусть остальные приготовят все к отплытию!

Позванные матросы следом за Раулем перебрались на борт горевшей фелуки и с опасностью быть отрезанными от своего судна перерезали и отвязали канаты, которыми англичане успели соединить фелуку с люгером; затем благополучно перебрались обратно, хотя секунда промедления стоила бы им жизни.

— В путь, живее, ребята, если мы хотим спасти наш прекрасный люгер от пожара! — распорядился Рауль.

Нельзя было терять ни секунды. Повинуясь ветру и течению, люгер плавно пошел, но сначала за ним же потянулась и фелука, палуба которой уже представляла одну сплошную огненную скатерть. Но вот к общему восторгу люгер совершенно отделился и, освобожденный от всех пут, легко подвигался вперед, оставляя неподвижным на прежнем месте горевшее предательское судно в виде одной сплошной огненной массы.

Все происшедшее заняло не более пяти минут и выполнено было с поразительной находчивостью и быстротой, с полным самообладанием — скорее из инстинктивного чувства самосохранения, чем повинуясь рассудку.

До сих пор Рауль только редко подавал голос, отдавая приказания; теперь же он подошел к Джите, поднявшейся на палубу и глядевшей на яркое пламя, осветившее большое пространство моря, со смешанным чувством восхищения и ужаса, и заговорил с ней таким шутивным тоном, как будто бы все это зрелище было устроено с единственной целью доставить им развлечение.

— Наше освещение уступит разве только свечам в церкви Святого Петра, дорогая моя, — улыбнулся он ей. — Надо признаться, мы счастливо избежали беды, благодаря вашему Богу, если хотите.

— И вы были орудием его благодати, Рауль! Я все видела — я бросилась на палубу, как только слышала ваш призывный клич. О, как я боялась за вас, когда вы перешли на горевшее судно!..

— А ловко задумали англичане, да не выгорело. На этой фелуке, еще с вечера захваченной ими, был большой запас смолы и других горючих материалов, и они думали более сильным огнем потушить наш Блуждающий Огонек. Напрасно, мы прогорим еще долго после того, как их пламя погаснет.

Теперь, когда миновала всякая опасность, можно было от души любоваться красивым зрелищем; все лица, выражавшие живейшее любопытство, были ярко освещены, и из окружающего мрака поочередно выступали блестящие при сильном пламени мачты, паруса, пушки и другие предметы, находившиеся на люгере. Но такому сильному пламени немного понадобилось времени, чтобы поглотить весь отданный в его распоряжение горючий материал, и час спустя одни головни тлели над поверхностью воды.

Они приветствуют судью мира, пока он на своем месте, но они могут свергнуть его на следующий год. Они чтят своего священника, но, не сойдясь с ним в цене или в вере, они рассчитают его без страха. Они обладают естественной способностью все предвидеть и все знать, и если бы Парк возвратился из своего долгого путешествия в Африку, чтобы показать им, где истоки Нила, они ему ответили бы: — Мы это знаем.

Галлек

Рауль совершенно верно понял намерения своего врага. На фелуке фрегат нашел большой запас смолы, и Гриффин, жаждавший мщения за свою утреннюю неудачу, задумал употребить ее с целью поджечь люгер. Так как он сам вызвался подвести брандер, что всегда сопряжено с большим риском, то капитан Куф дал свое согласие. Все было задумано очень предусмотрительно: захваченная вечером фелука была спрятана позади фрегата, чтобы скрыть шлюпку, которую к ней привязали; затем позднее она как будто была отпущена, что нарочно для устранения сомнения действительно сделали с двумя другими — и не случись тут подозрительного и пронизательного Итуэла, злостный умысел не был бы открыт; а не будь Рауля с его самообладанием, смелостью и дарованиями, предприятие несомненно бы удалось, хотя и было открыто.

Куф с другими офицерами с палубы фрегата следил за всем происходившим с живейшим интересом, и в ту минуту, как матрос крикнул, что оба судна сейчас столкнутся, вдруг показалось пламя. За дальностью расстояния казалось, что горят оба судна; и даже когда люгер значительно отошел от оставшейся на месте фелуки, он продолжал еще с фрегата казаться горевшим вместе с нею, так как находился на одной линии с фелукой и фрегатом. С минуты на минуту англичане ждали взрыва запасного пороха на люгере, и так как этого не последовало, то решили, что его потопило.

Между тем Гриффин, работая изо всех сил веслами, направлялся к берегу — частью для того, чтобы не попасть под огонь, который должен был по его расчетам охватить корсара, частью с намерением перехватить Рауля, если бы тот захотел спастись в лодке. Он переждал некоторое время, а затем, видя, что ночная тьма сгущается, возвратился на фрегат, тщательно объезжая сгоревшее и еще дымившееся судно.

Вот каково было положение вещей, когда капитан Куф на рассвете следующего дня вышел на палубу. Он нарочно отдал приказ, чтобы его разбудили чуть свет, и теперь с нетерпением ожидал полного рассвета, чтобы убедиться в положении вещей. Туман начал понемногу редеть, его взор охватывал все большее пространство вокруг, и вот он, наконец, ясно видит устье реки, то есть место стоянки люгера.

Никаких следов судна! Фелука давно догорела и пошла ко дну, кое-какие обломки ее течением прибило к берегу; но «Блуждающий Огонь» исчез бесследно! Ни поломанных мачт, ни обгорелых парусов, ни оторванной шлюпки — ничего, ничего! Очевидно, все дотла было уничтожено пожаром.

Куф спустился к себе в каюту с высоко поднятой головой — он был удовлетворен за все предшествовавшие неудачи и сел за свой письменный прибор, очень довольный собой и своим поступком. Однако, надо отдать ему справедливость, некоторая доля великодушного сожаления примешивалась к его чувству торжества: можно было гордиться уничтожением самого опасного из французских корсаров, но нельзя было не пожалеть о погибших такой позорной смертью семидесяти или восьмидесяти человеках.

Но как бы то ни было, а дело сделано, и теперь надо послать о нем рапорт высшему начальству. И вот он написал следующее письмо главнокомандующему английским Средиземным флотом:

«С фрегата Его Величества „Прозерпины“, близ устья Голо, остров Корсика, 23-го июля 1799 года.

Милорд,

честь имею довести до вашего сведения о совершенном уничтожении известного республиканского корсара «Блуждающий Огонь», командиром которого был знаменитый Рауль Ивар. Вот как было дело: узнав о том, что этот славный пират показался вблизи Неаполя и Рима, где он совершил немало грабежей, я направился к острову Эльбе, куда прибыл 21-го числа настоящего месяца. В бухте Порто-Феррайо мы застали люгер с английским флагом. На наши запросы мы получили сначала весьма сбивчивые и неясные ответы, а когда убедились в том, что этот люгер и есть отыскиваемый корсар, то было уже поздно, и ему удалось ускользнуть от нас. Тогда мы последовали за ним; но, желая скрыть свою цель, переждали до следующего дня в противоположной стороне, после чего снова направились к Порто-Феррайо, рассчитывая застать его опять в этой гавани.

Так оно и случилось. Тут мы задали ему гонку и не без потерь с нашей стороны, но еще с большим ущербом для него, загнали этого морского разбойника сюда, где и подпустили ему брандера, воспользовавшись взятой нами фелукой, нагруженной смолой и другим горючим материалом. В этом последнем деле особенно отличился второй лейтенант Гриффин, тогда как раньше, при погоне, — первый лейтенант Винчестер, раненный при этом в ногу.

Позвольте поздравить вас, милорд, с бесследным уничтожением такого смелого пирата. Надо полагать, что с ним вместе погиб и весь экипаж. По-человечески можно сожалеть о гибели стольких людей, но это сделано было по долгу службы нашему отечеству и из уважения к церкви — люгер был переполнен непристойными женщинами, песни которых слышали люди с брандера. Предполагаю осмотреться еще немного, не найду ли хоть каких-нибудь остатков «Блуждающего Огня»; а затем отправлюсь в Ливорно.

Честь имею, милорд, пребывать Вашим покорным слугой.

Ричард Куф.

Контр-адмиралу, досточтимому лорду Нельсону, герцогу де Бранте, и т. д., т. д.»

Куф дважды перечел это письмо и в третий раз прочел его вошедшему к нему в эту минуту Гриффину.

Оба остались довольны, и Гриффин попросил позволения взять шлюпку и съездить на место пожара, чтобы посмотреть, не осталось ли чего-нибудь от погибшего корсара.

— Я велю спустить мою гичку, и мы отправимся вместе, — отвечал капитан. — Винчестера мы не будем беспокоить, пусть еще отдохнет со своей раной. Я полагаю, что лучше было бы не тревожить адмирала сообщением действительного числа наших убитых и раненых, как вы находите?

— Вы совершенно правы, капитан, к чему пунктуальная точность!

— Вот именно. А относительно женщин, можно допустить, что их там было до двадцати человек? А?

— Этого я не знаю; но, подъезжая к люгеру, я слышал один женский голос, и весьма вероятно, что их там была не одна; к тому же судно было переполнено людьми, они как рой пчел высыпали на палубу, и я ясно видел лицо Рауля Ивара, когда его осветило пламенем. Я мог бы убить его одним выстрелом из ружья, но подумал, что это было бы неблагородно.

— И вы были правы! — заметил Куф.

Затем они вышли на палубу, спустились в приготовленную гичку и велели себя везти к месту предполагаемой гибели люгера.

Здесь они изъездили все вокруг и не нашли никаких следов «Блуждающего Огня».

В этом не было ничего удивительно, так как «Блуждающий Огонь» в это время спокойно стоял на якоре в Бастии, его матросы водворяли новую мачту взамен поврежденной, а Карло Джунтотарди, его племянница и Рауль Ивар поднимались по главной улице этого города, подобно Порто-Феррайо построенного на горе, и не боялись ни английских фрегатов, ни брандеров и никаких других опасностей. Но все это было совершенно неизвестно капитану Куфу и его помощнику, которые давно уже практиковали привычку самодовольного самовосхваления после каждого совершенного ими поступка, и они, — конечно, не без основания, — считали славного корсара окончательно погибшим.

Куф любил охоту, а потому он взял с собой ружье, рассчитывая воспользоваться ожиданием западного ветра и высадиться на берег пострелять в прибрежных болотах. После двух-трех часов бесплодных поисков остатков люгера он сообщил свой план Гриффину.

— Тут должны водиться бекасы в этих болотах, Гриффин, и я думаю денька через два, когда спадет лихорадка, Винчестер будет не прочь полакомиться кусочком дичи. И теперь как раз время бекасов!

— Но еще вероятнее, капитан, что несколько человек со сгоревшего корсара спаслись на обломках и скрываются на берегу, — отвечал Гриффин. — Они, может, высматривают наши лодки и все вооружены длинными ножами; с ними было бы более чем нежелательно встретиться, хоть будь их только трое-четверо.

— Может быть, вы и правы, Гриффин, и я отказываюсь от своего намерения. Вернемся на фрегат.

Через полчаса гичка уже прикреплена была на своем обычном месте, а три часа спустя на фрегате подняли паруса, и он двинулся в путь. Всю ночь «Прозерпина» медленно подвигалась вперед. Капитан Куф по своему обыкновению распорядился, чтобы его разбудили, чуть станет светать — в то военное время ему необходимо было собственными глазами убеждаться в том, чем одарила их ночь. Так и теперь он стоял на палубе, когда к нему подошел Гриффин. После обмена обычными приветствиями капитан сообщил лейтенанту, что намерен зайти в городок Порто-Феррайо, чтобы сообщить любезному вице-губернатору Андреа Баррофальди об участии «Блуждающего Огня»; отсюда он предполагал уже прямо отправиться в Ливорно, где мог отправить заготовленное письмо адмиралу Нельсону.

— Парус! — крикнул сторожевой.

Капитан и Гриффин разом обернулись.

— С какой стороны? — спросил капитан.

— Вот за тем островком. Это люгер и как две капли воды похож на тот, что мы сожгли прошлой ночью, — отвечал Бен Браун, матрос, обладавший самым острым зрением.

— Как люгер? Второй из этих разбойников! Пойти посмотреть его с того конца.

Убедившись, что то действительно был люгер, капитан отдал распоряжение немедленно направить фрегат к нему и, подойдя на расстояние пушечного выстрела, дать по нему залп, чтобы тем вернее обеспечить его захват.

Как читатели, может быть, уже догадались, этот люгер был уже знакомый нам «Блуждающий Огонь». Желая избежать встречи с опасным врагом, Рауль Ивар с рассвета начал зорко присматриваться и, завидя слишком хорошо знакомый ему фрегат, направил свое судно полным ходом в неширокий проход между островами, рассчитывая на большую подвижность люгера, с одной стороны, и массивность и относительную неповоротливость фрегата, с другой.

Так и вышло. После нескольких тщетных попыток подойти к люгеру на расстояние выстрела, повернув не один раз, капитан Куф должен был отказаться от попытки одолеть врага и решил вернуться в Порто-Феррайо.

— Оставим его, Гриффин, будет с нас и одного разбойника, — говорил капитан Куф, видя невозможность продолжать преследование. — К тому же он не выставляет флага, и мы не знаем, может быть, это и дружественное судно, тем более, что он, по-видимому, вышел из гавани дружественного нам Порто-Феррайо.

— Рауль Ивар дважды это проделал, — пробормотал Иэльвертон, который, принадлежа к числу не присутствовавших при уничтожении «Блуждающего Огня», был одним из многих, сомневавшихся в его действительной гибели. — Эти двойнички поразительно похожи между собой и в особенности этот, как говаривал один американский негр о своих двоих сыновьях.

Но никто не обратил внимания на это замечание, сделанное вполголоса, так как большинство не сомневалось в несуществовании больше «Блуждающего Огня». «Прозерпина» снова повернула на этот раз уже прямо в знакомую бухту, где и стала на якорь приблизительно на том самом месте, где дважды бросал якорь люгер Ивара. Гичка была спущена на воду, и капитан в сопровождении Гриффина поехал с официальным визитом к вице-губернатору.

Так как ветер был небольшой, то путешествие заняло немало часов, и было как раз время визитов, когда капитан Куф и Гриффин поднимались по крутой улице к дому вице-губернатора. Куф облачился в полную парадную форму, и его появление на пристани Порто-Феррайо произвело некоторое впечатление; Вито Вити поспешил предупредить Баррофальди о посещении английских офицеров. Таким образом Андреа Баррофальди имел возможность приготовить извинительную речь за тот обман, в который он введен был Раулем Иваром.

Он встретил гостей вежливо, но с достоинством, и торжественность приема ничуть не потеряла от того, что все фразы с той и другой стороны приходилось постоянно переводить. Это обстоятельство сначала несколько стесняло разговаривающих; но так как с обеих сторон было что сообщить, то они скоро отбросили церемонии и приступили к делу, как умели. Вице-губернатор рассказал, как Рауль Ивар представился ему под именем англичанина сэра Смита, сына лорда, на что капитан Куф ему заметил, что такого лорда нет в списке английских пэров и что фамилия Смит не аристократическая фамилия; затем Баррофальди сообщил, как Ивар обманул его, указав на Цицерона, однофамильца будто бы с римским Цицероном, в ряду известных английских писателей, и хотел уже перечислить все подробности своих бесед с ним, когда Куф попросил Гриффина поскорее передать вице-губернатору известие о кончине этого недостойного разбойника и всего его экипажа, опасаясь, что дальнейшее промедление в сообщении столь важного известия может вызвать неудовольствие Андреа Баррофальди. Гриффин стал

рассказывать последний эпизод с «Блуждающим Огнем», и по мере приближения его описания к концу на лице вице-губернатора начало появляться выражение все большего и большего страха, между тем как Вито Вити ясно обнаруживал все признаки недоверия.

Когда Гриффин довел свой рассказ до конца и с удовольствием похоронил Рауля вместе со всем его экипажем, оба чиновника переглянулись с некоторым удивлением, и после короткого молчания Андреа Баррофальди сказал:

— Во всем этом кроется какая-то ошибка, синьор лейтенант, потому что Рауль Ивар жив и люгер его цел: сегодня на заре он обогнул наш мыс и даже захватил было одну из наших фелук, но затем отпустил ее в благодарность, как он заявил, за хороший прием, который он встретил на нашем острове. Он имел дерзость переслать мне свой привет и выразил надежду побывать еще как-нибудь у меня и лично засвидетельствовать свое почтение.

Капитан Куф и Гриффин были поражены как громом; напрасно Куф делал предположения, что это, по всей вероятности, был виденный ими сегодня люгер, поразительно похожий на «Блуждающий Огонь». В конце концов приходилось поверить сообщению вице-губернатора и, как это не было обидно, признать Рауля живым и невредимым, а люгер его уцелевшим.

— И везет же ему, Гриффин, — заметил Куф, — чертовски везет! Хорошо еще, что я не успел послать рапорт Нельсону!..

Гриффин сказал несколько участливых слов, но он и сам чувствовал себя так незаслуженно и глубоко оскорбленным, что не годился на роль утешителя.

Баррофальди удвоил свою любезность, чтобы несколько рассеять мрачное настроение посетителей, и пригласил их с собой позавтракать. Что из этого произошло — читатель узнает в свое время.

Глава XIII

Если вы никогда не видели дней более счастливых; если вы никогда не слышали звука погребального колокола; если вы никогда не сидели за столом богача; если вы никогда не утирали слезы, падавшей с ваших ресниц; если вы знаете, что такое высказать и внушить сострадание, — позвольте мне затронуть ваши чувства.

Шекспир

Приглашаем читателя перенестись несколько вперед и остановиться в другой части моря, хотя и не особенно далеко от прежнего места действия, — при входе в большой залив около восемнадцати миль в диаметре, берега которого изрезаны мысами и бухточками.

Здесь наблюдатель увидит одну из лучших картин земного шара. Направо — каменистый, высокий остров, покрытый черным туфом, по которому весело вьется виноградник, и оживленный живописными историческими развалинами; узкий пролив отделяет его от утесистого мыса, выдающегося с континента; далее ряд возвышенностей, перемешанных с очаровательными долинами, усеянными красиво разбросанными деревушками; кругом то ласкающая, то внушительная природа. Еще дальше по берегу того же залива громоздятся горы-исполины, остроконечные вершины которых тянутся к облакам на шесть и семь тысяч футов, а склоны изрыты рытвинами и пропастями; по ним разбросаны опять башни, деревушки, монастыри, города, замки, виллы — все величаво и красиво. Если к этому еще прибавить целую флотилию судов и клубы дыма, вырывающегося из конусообразной горы у входа в залив, то вы получите некоторое представление о том, что так поражает каждого иностранца при въезде в Неаполь с моря.

Среди других судов находился и знакомый уже нам фрегат «Прозерпина», капитан которого Куф находился в это время на корабле адмирала Нельсона по приглашению последнего.

Небольшого роста, с желтоватым цветом лица, худой и потерявший правую руку, Нельсон нетерпеливо ходил взад и вперед по каюте, тогда как капитан Куф стоял из уважения к нему, несмотря на его приглашение сесть.

— Ну, что же, Куф, готовы ли вы к отплытию? — говорил адмирал, лицо которого было не из привлекательных, потрясая обрубком руки.

— Мы поджидаем только депеш, за которыми отправили на берег, милорд, а затем снимемся.

— Прекрасно. А этот Гриффин кажется весьма достойным молодым человеком. Я доволен его рапортом об этом брандере, от которого все-таки улизнул этот мошенник француз — как его звать? Все забываю эти французские имена.

— Рауль Ивар, милорд. Но, простите, я также не силен во французском языке, я слишком для этого англичанин.

— За это я вас ценю еще больше, Куф. Но что мне нравится в этом Гриффине, так это смелость, энергия — подвести брандер всегда страшно, рискованно, тут жизнь ставится на карту!.. А все-таки со временем он порадует, что его затея не удалась.

Нельсон задумчиво приостановился; на лице его появилось особенно приятное выражение, и он продолжал:

— Вы удивлены, Куф? Я сейчас только одобрил его поведение, но видите ли, никому не помогает уснуть воспоминание о взорванных на воздух или потопленных братьях. Мы имеем приказ жечь, топить, уничтожать — такова наша политика в этой битве насмерть; но тяжело видеть славное и святое дело омраченным жестокостью. Можно позавидовать смерти людей в пылу сражения — они только предупредили неизбежный для каждого конец; но есть что-то глубоко возмущающее в этом истреблении нам подобных, как какой-то ветоши после заразы. Но во всяком случае надо, как бы то ни было, положить предел грабежам этого люгера; все меры надо принять, Куф, чтобы осадить этих расходившихся тигров-французов.

— Я это знаю, милорд, и не менее вашего не люблю республиканцев.

— Я в вас уверен, Куф; я ни минуты не сомневался в вас и всегда вас уважал.

И Нельсон улыбнулся капитану такой доброй, сердечной улыбкой, что его лицо сделалось от нее почти красиво.

Продолжению разговора помешало появление мичмана с докладом о приходе каких-то мужчины и женщины, имевших неотложное дело к адмиралу.

— Впустите их, — сказал Нельсон. — Оставайтесь, Куф, вы поможете мне — меня здесь осаждают разбирательством всевозможных недоразумений.

Дверь отворилась, и вошли двое людей: мужчина лет пятидесяти и молоденькая девушка лет девятнадцати. Наружность первого не представляла ничего особенного; вид он имел озабоченный, а глаза были опущены в землю; но молодая девушка была олицетворением жизни, грации и красоты, присущим Джите Караччиоли потому что это и была она со своим дядей, Карло Джунтотарди.

Нельсон был поражен милой и скромной наружностью Джиты, и, хотя сам продолжал стоять, так же как и капитан Куф, ей он предложил сесть. С первых же слов он увидел, что не может обойтись без переводчика, так как ни дядя, ни племянница не говорили по-английски, а он сам слишком плохо знал итальянский язык, чтобы вести на нем объяснение. После некоторого колебания он направился к двери, ведущей в следующую каюту, из которой по временам слышны были голоса, и между ними женский; еще на секунду приостановясь у самой двери, он кончил тем, что приотворил ее и сказал с мягкостью, доказывавшей, что особа, к которой он обращался, имела над ним большое влияние.

— Мне приходится просить вас об одолжении, на что я никогда бы не решился без крайней надобности. Дело в том, что мне нужен посредник между мной и второй красавицей Неаполя, а кому же, как не первой, это выполнить?

— Очень охотно, дорогой Нельсон, — отвечали из глубины каюты красивым и звучным голосом. — Сэр Вильям поглощен своими древностями, и я уже начала скучать от бездействия.

После этих слов в первую каюту вошла замечательно красивая дама; но искусственность, прикрашенность и что-то не совсем естественное в выражении ее лица много уменьшало ее привлекательность рядом с чистотой и невинностью, сиявшими в чертах Джиты. Первая могла изображать Цирцею, вторая являла прекрасную модель весталки.

Прекрасная дама достигла уже того возраста, когда красота, достигшая вершины своего расцвета, требует уже помощи и подспорья в шикарном и изысканном, если и не вполне изящном костюме. На молодой девушке, напротив, был самый простой неаполитанский костюм с темным корсажем, а голову ее украшали одни ее чудные волосы — но никакая знаменитая портниха не смогла бы лучше обрисовать ее стройную талию и чарующее личико. При первом взгляде на Джиту на лице дамы промелькнули выражение удивления и даже легкая тень тревоги; но она была слишком хорошей актрисой, чтобы не суметь скрыть своего ощущения, а потому в ту же минуту вполне овладела собой и улыбнулась.

— Так вот для кого меня вызвали! — проговорила она с напускной лаской. — Капитан Куф, сэр Вильям присоединяется к приглашению адмирала и просит вас отобедать сегодня в семейном кругу.

— А что на это говорит хозяйка — если не дома, то корабля? — спросил Куф, который не сводил глаз с красавицы с тех пор, как она вошла.

— Она говорит, не принимая звания, которое вы ей пожаловали, как бы оно ни было почетно, что присоединяет и свое приглашение к остальным и просит капитана Куфа сделать нам удовольствие своим присутствием.

Тут Нельсон вмешался в разговор и заметил, что старик итальянец и молодая девушка, оба такого почтенного и скромного вида, все еще ждут своей очереди.

— Предупреждаю вас, господа, что я буду изображать только верное эхо и точно передавать слова обеих сторон, — заметила дама.

— Прежде всего спросите имя этого почтенного старика, если вы будете так любезны, — обратился Нельсон к красавице.

— Карло Джунтотарди, благородная дама; когда-то бедный ученый в Неаполе, а теперь сторож башен князя на высотах Арджентаро, — почтительно отвечал дядя Джиты, который, как и его племянница, отказался сесть, так что все стояли.

— А я Джита Караччиоли, ваше сиятельство, дочь сестры его, — отвечала Джита в свою очередь.

Если бы бомба разорвалась на его судне, Нельсон, наверное, не задрожал бы так, как теперь. На красивом лице дамы также отразилось выражение затаенной досады, не без примеси страха. И Куф уловил имя Караччиоли и двинулся вперед с любопытством, видимо, заинтересованный. Но все скоро успокоились — дама раньше других; один лишь Нельсон сделал пять-шесть шагов по комнате, помахивая своей искалеченной правой рукой, прежде чем поднял опущенные глаза.

— Желала бы я знать, покончим ли мы когда-нибудь со всеми этими неприятностями, — сказала дама по-английски. — Но я думаю, что тут какое-нибудь недоразумение. Я расспрошу ее. Синьорина, — продолжала она по-итальянски строгим тоном, как бы заранее уже не доверяя тому, что услышит, — имя Караччиоли одно из славнейших и благородных имен Италии, и его не часто носит дочь смотрителя башен какого бы то ни было князя.

Джита вздрогнула и казалась смущенной; но слишком чистая и благородная сама по себе, она не могла долго оставаться угнетенной, когда ее обвиняли чуть не в преступлении, и хотя яркий румянец, напоминавший вечернюю зарю ее отечества, сбежал с ее щек, она подняла глаза на нахмуренное лицо дамы и ответила:

— Я знаю, что вы хотите сказать, ваше сиятельство, и сознаю, что вы правы; но жестоко было бы запретить дочери носить имя ее отца. Моего отца звали Караччиоли, и это имя осталось мне единственным от него наследством. Какие он имел права на него, об этом спросите моего дядю.

— Объясните же, синьор Джунтотарди, скажите нам сначала историю этого имени, а затем причину, приведшую вас сюда.

— Благородная дама, моя сестра — одна из самых набожных и добродетельных женщин в Италии, теперь уже умершая, была замужем за доном Франческо Караччиоли, сыном дона Франческо из известной знаменитой семьи, того дона Франческо, который в настоящее время приговорен к смерти за то, что повел флот против короля. Джита, которая находится здесь перед вами, единственный ребенок от этого брака. Правда, церковь не освятила того союза, которому обязан своим рождением отец моей племянницы, но благородный адмирал и минуты не колебался признать его своим сыном; он дал ему свое имя и не оставлял своим покровительством до тех пор, пока тот не женился на сестре бедного ученого. Тогда сын впал в немилость со стороны отца. Но тут в скором времени смерть избавила обоих — и мужа и жену от неудовольствия отца. Вот и вся наша история, благородная синьора, она очень проста.

— Известно ли князю Караччиоли, что у него есть внучка?

— Я сильно в этом сомневаюсь, синьора. Ребенок осиротел в раннем детстве, и я считал бесполезным обратиться к такому важному человеку, не рассчитывая, чтобы ему приятно было признать свое родство с нашей скромной семьей.

Эти слова, по-видимому, успокоили даму, и она передала Нельсону весь разговор.

— Возможно, — продолжала она, — что они пришли сюда по поводу того же дела, о котором мы уже столько слышали, и так бесплодно. Хотя не думаю, что им за дело до человека совершенно им незнакомого? Что вам надобно, Джита? Вот это дон Горацио Нельсон, славный английский адмирал, о котором вы, наверное, много слышали.

— Я знаю его, ваша светлость. Мой добрый дядя сейчас сказал вам, кто мы, и теперь вам не трудно угадать причину, приведшую нас сюда. Мы прибыли только сегодня утром из Санта-Агаты, с того берега залива, и узнали здесь от одного нашего родственника о только что совершившемся аресте дона Франческо, вслед за тем услышали, что его приговорили к смерти за измену королю офицеры, находящиеся на этом самом корабле; а иные идут еще дальше, синьора, и говорят, что казнь над ним будет совершена еще до солнечного заката.

— Если бы это и действительно так было, какое вам до этого дело? Вы его не знаете.

— Он отец моего отца, ваша светлость; и хотя я его никогда не видала, я почитаю в нем родственника.

— Все это прекрасно, Джита, но ведь не можете же вы любить человека, которого никогда не видали и который даже не знает, что вы его внучка?! Вы еще так молоды, и, как девушке, вам надо поступать очень осторожно. Даже мужчины зачастую действуют весьма опрометчиво, вмешиваясь в политику в настоящее смутное время.

— Синьора, меня сюда привели не политические вопросы, а естественное родственное чувство и чувство верности и долга.

— Что же вы имеете нам сказать? — нетерпеливо воскликнула красавица. — Подумайте, что вы отнимаете время у человека, занятого множеством самых важных дел.

— Я это знаю, ваша светлость, и постараюсь высказаться как можно короче. Я пришла просить этого знатного иностранца о помиловании моего деда. Мне сказали, что король ни в чем не откажет ему, и ему стоит только попросить.

Если кто до сих пор отдавал предпочтение более зрелой красоте прекрасной дамы перед девственной прелестью молодой девушки, то, видя их теперь рядом, он, наверное, отказался бы от своего мнения. В то время как прелестное личико Джиты дышало надеждой и светилось почти молитвенным настроением, темная туча заволокла чело англичанки, сгладив с него все следы мягкости и женственности. Не будь свидетелей, Джиту, по всей вероятности, грубо выпроводили бы; но дама была слишком большая дипломатка, и она сумела сдержать себя ради известной цели.

— Адмирал не неаполитанец, он англичанин и не имеет права изменить судебный приговор вашего короля. Ему неловко вмешиваться в постановления вашего государства.

— Никогда не может быть неловко вмешаться для спасения жизни своего ближнего. Даже более, это достойный поступок перед Богом.

— Что вы можете об этом знать? Сознание, что в ваших жилах течет кровь Караччиоли, заставляет вас забыть свой пол и свое положение и порождает в вас какие-то романтические понятия о долге.

— Вы ошибаетесь, синьора. Уже восемнадцать лет я знаю, что несчастный адмирал Караччиоли мой дед; на так как он ни разу не выразил желаний видеть меня, то и я никогда не испытала желаний представиться ему, чтоб не показаться навязчивой. До сегодняшнего дня я никогда не думала о семействе Караччиоли иначе, как глубоко сожалея о проступке моей бабушки; теперь к

этому сожалению присоединяется еще тяжелое сознание жестокой судьбы соучастника ее вины, и является чувство жалости к нему.

— Ты смело говоришь о твоих благородных и славных родственниках, девушка!

Дама произнесла эти слова еще суровее, с нахмуренными бровями. Быть может, в ее личной жизни были события, делавшие для нее невыносимым провозглашение святости правил чистой и строгой нравственности.

— Не я говорю, ваша светлость, это Бог так говорит. Именно ради греха моего деда адмирал не должен допустить, чтобы он умер так внезапно. Смерть ужасна для иных, кто не верит в искупление Сына Божья; а тем более она ужасна без подготовки. Правда, дон Франческо уже не молод; но вы, может быть, заметили, синьора, что под старость совесть у человека особенно черствеет, ему точно никогда не предстоит умереть. Я говорю о тех, кто всю жизнь прожил в свое удовольствие.

— Вы слишком молоды, синьорина, чтобы проповедовать новые взгляды; к тому же вы забываете, что адмиралу время дорого. Можете теперь удалиться, я передам ему все, что вы мне сказали.

— У меня еще другая просьба, ваша светлость, — повидать дона Франческо, чтобы получить его благословение.

— Его нет на нашем судне, он на фрегате «Минерва», и вас, конечно, допустят к нему. Пойдите, несколько слов помогут вам добиться желаемого. Вот, возьмите. Прощайте, синьорина.

— Могу я сколько-нибудь надеяться, ваша светлость? Подумайте только, как заманчива должна быть жизнь, кто в ней пользовался так долго достатком и занимал почетное место! Самый слабый луч надежды, принесенный его внучкой, сделал бы ее в глазах деда вестницей Неба.

— Я не могу сказать вам ничего определенного — дело в руках неаполитанского суда, и мы, англичане, в него не вмешиваемся. Уходите теперь оба, адмиралу надо заняться другими неотложными делами.

Джита печально и медленно удалилась со своим дядей. В дверях каюты они встретились с лейтенантом, под караулом которого находился несчастный приговоренный и который шел теперь к адмиралу с последней просьбой дона Франческо позволить ему умереть смертью солдата, а не казнью разбойника. Мы не будем здесь приводить последовавший за тем разговор, что увело бы нас далеко; скажем только, что в этой просьбе ему было отказано.

Глава XIV

Как многие другие тираны, смерть любит наносить удары, которые выказывают высшую гордость ее могущества и самовластной воли.

Юнг

Весьма возможно, что Нельсон так и не узнал в точности того, что говорила Джита; по крайней мере ее просьба была оставлена без всяких последствий. Вообще в этом деле поступили почти с неприличной поспешностью и не пожелали даже смягчить род казни князя Караччиоли. Куф остался обедать у адмирала, а Карло Джунтотарди и его племянница отправились на лодке к неаполитанскому фрегату, на котором в это время находился пленником несчастный Караччиоли.

Их свободно пропустили на фрегат, где Джунтотарди сообщил вахтенному офицеру о цели их прихода, и тот послал спросить арестанта, желает ли он принять посетителей; при этом сказано было имя одного только дяди.

Князю Франческо Караччиоли было под семьдесят лет; он принадлежал к одной из известнейших фамилий в Италии и всю жизнь занимал высокие и важные должности. Нам нет надобности касаться того преступления, в котором его обвиняли, мотивов, могущих служить ему оправданием, неправильностей в преследовании его, позорной поспешности, с которой его судили, обвинили и казнили, — все это уже всем известно из истории. В то утро его арестовали, и военный совет из его сограждан почти немедленно вынес ему смертный приговор; теперь он находился в ожидании исполнения этого приговора уже на том судне, на котором должна была совершиться казнь.

Офицер, явившийся к нему от имени Джунтотарди, застал этого несчастного с его духовником, только что исповедавшим его. Караччиоли равнодушно выслушал просьбу и, предполагая, что это или какой-нибудь старый слуга их дома, или поставщик, которому не уплачено что-нибудь по счету, согласился его принять и даже задержал духовника, собиравшегося уже уходить.

— Я рад буду расплатиться, если за мной есть еще какие-либо долги! — сказал Караччиоли.

При этих словах дверь отворилась, и вошла Джита со своим дядей. Наступила минута общего молчания: арестант старался припомнить тех, кого он видел перед собой, а Джита была слишком огорчена и испугана. Наконец она подошла к приговоренному и заговорила, опускаясь перед ним на колени:

— Дедушка, благословите дочь вашего единственного сына.

— Дедушка?! Мой сын?! Его дочь! — повторил дон Франческо. — Да, у меня был сын, я признаю это со стыдом и раскаянием; но он давно умер, и я никогда не слышал, чтобы после него осталась дочь.

— Эта дочь перед вами, синьор, — сказал Джунтотарди, — а ее мать была моя сестра. Вы считали нас ниже себя, и мы не хотели вас беспокоить.

— Как же вы теперь надеетесь получить признания ваших прав со стороны приговоренного к смерти преступника, друг мой?

— Нет, нет, — послышался нежный голос у его ног, — дочь вашего сына желала только благословения от отца ее отца, за которое она отблагодарит горячими молитвами о спасении вашей души.

— Я этого не достоин, отец, — обратился неаполитанский адмирал к своему духовнику. — Взгляните на это нежное растение, до сих пор пренебрежительно оставленное в тени, которое

словно поднимает теперь свою головку, чтобы оделить меня своим благоуханием в преддверии моего смертного часа. Нет, я этого не заслужил.

— Сын мой, если бы небо оказывало милосердие только по заслугам, люди должны были бы утратить всякую надежду. Но скажите, разве у вас действительно был сын?

— Это был мой грех, отец, в котором я искренне каялся впоследствии. Да, у меня был сын, которому я дал право носить мое имя и о котором заботился как отец — хотя он и не жил у меня во дворце до его опрометчивой женитьбы; но и тут я имел в виду простить его и обеспечить со временем, но его преждевременная смерть предупредила меня. Однако я ничего не знал о том, что у него была дочь. Но посмотрите, отец, разве не выражают эти черты чистой искренности?

— Зачем же бы стали вас обманывать, и тем более в такую минуту? — воскликнула Джита, все еще оставаясь на коленях и подняв к нему руки, как бы собираясь его обнять. — Мы у вас не просим ни положения, ни богатства; мое единственное желание получить ваше благословение и успокоить вас сообщением, что после вас остается на земле родная вам по крови девушка, которая будет молиться за ваше спасение.

— Святой отец, тут не может быть никакой ошибки, потому что эта девушка поразительно похожа на свою бабушку, и я сердцем чувствую правду в ее словах. Не знаю, считать ли мне это позднее открытие счастьем или несчастьем.

— Ваше благословение, дедушка! Благословите меня, чтобы мне хоть один раз услышать над собой родное благословение.

— Бог да благословит тебя, дитя мое! Да благословит Он тебя так, как я тебя благословляю! — произнес старик, наклоняясь, чтобы поднять ее, обнимая и нежно целуя. — Да, ты моя внучка, сердце меня не обманывает.

— Да, ваша светлость, — сказал Карло, — она дочь вашего сына, Франческо, и моей сестры, которые были повенчаны. Я никого не желаю обмануть, а всего менее человека, обреченного на смерть.

— У меня нет состояния, которое я мог бы ей передать, нет отличий, которые бы перешли на нее, не могу ей даже дать имя, которым бы она гордилась!

— Не тревожьтесь, дедушка, мы свыклись со своим положением, и богатство только стеснило бы нас.

— Помнится мне, отец, что подозрение в желании эксплуатировать мое богатство было главной причиной неудовольствия по поводу брака моего сына. И вот эти люди оставляли меня в покое, пока я был богат и знатен, и пришли ко мне теперь, когда мои земли конфискованы, мое имя обещано, когда я в горе и несчастьи. Я не встречал таких сердец... Но что это?

В эту минуту дону Франческо подали бумагу, которую он лихорадочно схватил и страшно побледнел, узнав ее содержание.

— Мне отказано в моей последней просьбе, — глухо заговорил он, — и я умру смертью разбойника.

— Сын Божий умер на кресте, — заметил священник.

— Дедушка, — заговорила Джита, овладевая своим волнением и с лицом, преображенным духовным порывом, — вы принимаете тень за существование! Что за дело до рода смерти, раз она открывает райские двери? Вам не страшны страдания, я знаю, сама я, как ни молода, не

испугалась бы их перед грядущим блаженством. Князь ли, нищий — разве не станут они равными перед лицом Бога?

— И эту девушку я знаю только за час до смерти! Это мне наказание за нерадение к моему долгу. Я вижу, что я теряю, но, увы, вижу в ту минуту, когда уже поздно воротить потерянное. Джита, дитя мое, возьми этот крест, это крест моей матери, она его носила на груди, как я его носил после нее; сохрани его на память о твоём несчастном деду и молись за него. Но теперь тебе надо уйти, час моей смерти приближается, а это зрелище не для молоденькой девушки. Господь да хранит тебя, дорогое мое дитя! Это короткое свидание принесло мне облегчение... Да, вот возьми этот мешок золота, его принес мне один из моих родственников в надежде, что оно поможет мне, но мне ничего не поможет. При твоих скромных привычках его тебе хватит надолго.

Джита с глазами полными слез оттолкнула мешок с золотом, но прижала к груди крест и набожно поцеловала его.

— Нет, дедушка, мне не надо золота, мне довольно креста, который я сохраню на всю жизнь.

Дон Франческо с глубокой нежностью смотрел на юную Джиту; он еще раз обнял и благословил ее. В эту минуту на часах пробило половину пятого, и Караччиоли узнал, что ему остается только полчаса до казни, назначенной в пять. Он счел необходимым отпустить внучку, чтобы иметь еще немного времени для беседы наедине со своим духовником. Прощание было трогательно и торжественно, и когда дверь затворилась за Джитой, дед почувствовал такую тоску, точно он сейчас простился с долго любимым, самым дорогим и близким существом.

Палуба «Минервы» имела печальный, похоронный вид; симпатии неаполитанцев были на стороне осужденного, и фрегат был окружен множеством лодок с людьми, сожалевшими о несчастной участи Караччиоли и желавшими его проводить. На судне никто не подозревал о родственной связи Джиты с князем, но ее расстроенное, милое личико вызывало общее участие. Ее дяде насилу удалось найти перевозчика, согласившегося отвезти их, так как все были наняты съехавшейся толпой, среди которой было много знати.

— Вы отвезете нас в сторонку, чтобы мы могли дождаться окончания казни, она близко затрагивает нас! — сказал Карло лодочнику.

— Я это знаю, синьор Карло, — отвечал перевозчик — лаццарони в белой рубашке, фригийской шапке и коротких штанах. Его обнаженные руки и ноги играли мускулами, годными служить моделью для скульптора. На ногах его были простые башмаки.

При звуках его голоса Джита слегка вскрикнула и взглянула на него. Перед ней сидел Рауль Ивар, которого она сначала не узнала в этом костюме. Едва заметным жестом он предостерег ее, чтобы она не выдала его секрета; а ее дядя, погруженный в свои мысли, был далек от того, чтобы угадать, кто скрывался перед ним под видом лодочника, и, приняв ее возглас за страх, заметил:

— Не тревожься, Джита, минута еще не наступила, и мы успеем помолиться.

Но Джита была далеко не спокойна. Она сознавала всю опасность, которой ради нее подвергался любимый ею человек. Его присутствие нарушало ее настоящее торжественное настроение; она даже предпочла бы, чтобы его не было сейчас с нею, хотя и не могла не чувствовать к нему нежной благодарности за его заботу. Джита не скрывала от Рауля своего родства с князем Караччиоли, и он прекрасно понимал, что привело ее сюда. А она робко оглядывалась, боясь где-нибудь увидеть «Блуждающий Огонь»; но Рауль был слишком умен, чтобы допустить подобный промах, — люгера нигде не было видно.

Между тем к «Минерве» подъезжали все новые и новые суда, и море около нее было буквально запружено ими. Рауль направил свою лодку в пространство между «Минервой» и фрегатом

Нельсона, где не было такой тесноты, и остановился, подняв весла, чтобы дождаться окончания казни. Джита и ее дядя сосредоточенно молились, а Рауль, хотя и не присоединился к их молитве, но тем не менее всем сердцем сочувствовал им.

Торжественное молчание, вызванное ожиданием, царило на палубах всех соседних с «Минервой» судов. Было жарко; море как бы застыло в мертвой неподвижности, даже малейшее дуновение легкого ветерка не нарушало печальной картины. На палубе не заметно было никаких признаков жизни, и только род виселицы, наскоро приспособленной среди корабельных снастей, и особая платформа под ней напоминали о том, что должно было сейчас совершиться. Рауль опытным глазом различал назначенную для того веревку среди множества такелажных канатов; но, конечно, ни Джита, ни ее дядя не видели всего этого.

Прошло минут десять томительного ожидания; лодки все прибывали, и соседним судам разрешено было стать таким образом, чтобы увидеть это назидательное, как полагали, зрелище, могущее послужить предостережением. Но вот раздался свисток боцмана с судна контр-адмирала, и Рауль увидел, как в поданную гичку спустились двое морских офицеров и двое мужчин в штатском платье. Гичка легко поплыла к притягивавшему общее любопытство кораблю «Минерва» и остановилась в каких-нибудь десяти футах от маленького ялика Рауля, который, к величайшему своему удивлению, узнал в подъехавших капитана Куфа, лейтенанта Гриффина, Андреа Баррофальди и Вито Вити. Прибавим от себя, что двое последних вызвались сопровождать первых в небольшое плавание единственно с целью поимки ужасного беглеца, «Блуждающего Огня».

Всякий другой на месте Рауля почувствовал бы себя не совсем приятно при подобных обстоятельствах; но Рауль только посмеивался. Он рассчитывал на свою неузнаваемость в чужом платье и слишком хорошо был знаком со всеми подобными опасностями, а потому нисколько не утратил своего хладнокровия и самообладания. Не зная в лицо Куфа и Гриффина, но зная, что «Прозерпина» стоит тут же, Рауль легко догадался о том, кто были офицеры с Баррофальди и подестой, а также верно определил объединявшую их цель.

Не прикрываясь, с открытым лицом в своей красной фригийской шапочке он смело смотрел на них. Джита и даже ее дядя не могли бы надеяться, что их не узнают; так как они ближе были знакомы с жителями острова Эльбы, то оба они молились с покрытыми головами.

— Не нравится мне это дело, — говорил Куф Гриффину. — Я знавал старика Караччиоли, это хороший человек, и кто разберет в настоящее смутное время, где кроется измена? А! Вон, на том ялике, я вижу старика с молоденькой девочкой, что сейчас были у Нельсона.

— Что у них может быть общего с князем Караччиоли и изменой? Старик смотрит книгоедом, а молодая девушка хороша сложена, но, вероятно, боится нарушить благоприятное впечатление, что так старательно закрыла себе лицо.

Рауль подавил в себе порыв негодования, а Куф, мало стеснявшийся привычных гребцов, возразил:

— Я близко видел эту девочку у адмирала и могу вас уверить, что ей нет причины прятать свое лицо. Она замечательно красива, редко можно встретить такую красавицу. К сожалению, она по-итальянски объяснялась с миледи, и та, очевидно, добрую половину объяснения сохранила при себе. Однако чего бы это так засмотрелся на нее блюститель порядка Порто-Феррайо? Спросите-ка его, Гриффин, по-итальянски, что за птичку почуял он в гнездышке?

— Синьор подеста, — сказал Гриффин, — скажите, что вас отвлекает от «Минервы»? Уж не Венера ли?

Между тем Вито Вити слегка толкнул локтем вице-губернатора и, указывая ему на закутанную фигуру в ялике Рауля, проговорил:

— Я сильно ошибусь, если это не маленькая Джита, вон там, Джита, появившаяся у нас, как комета, и исчезнувшая с быстротой... быстротой... чего бы, синьор Андреа?

— С быстротой «Блуждающего Огня», — подхватил Гриффин, — а так как их исчезновение совпало, то, может быть, не было бы нелогично заподозрить в этом какую-нибудь связь?

Подеста не успел ответить, так как в эту минуту раздался пушечный выстрел, поднялся столб дыма и взвился желтый флаг.

В то время суда четырех различных национальностей сошлись одновременно в гавани, так что, кроме местных, неаполитанских, были еще английские, русские и турецкие — все для защиты «своих прав, домашнего очага и алтаря» от французов. Итак, суда под четырьмя различными флагами являлись свидетелями последующей печальной сцены.

Сигнал, поданный с «Минервы» поднятием флага и пушечным выстрелом, разом приостановил все обычные, ежедневные занятия и работы на всех других судах. Экипажи всех судов столпились на своих палубах с возбужденными лицами и блестящими глазами. На лицах всех национальностей как людей начальствующих, так и простых матросов не было того выражения, которое является при виде исполнения заслуженного наказания; нет, в их мрачных физиономиях все ясно говорило об их сочувствии к осужденному, все в них не оставляло ни тени сомнения в том, что они все всей душой на стороне приговоренного. Однако не слышно было ни звука ропота, не видно ни жеста протеста и возмущения. Невидимое покрывало власти все прикрывало, и вся эта громадная толпа недовольных людей покорялась решению суда, как велению судьбы. Строгая дисциплина обязывала к молчанию, но общее внутреннее убеждение было то, что в данном случае они являлись свидетелями несправедливости и бесчеловечности. Одни турки обнаруживали апатию и тупую покорность и холодно смотрели на все совершавшееся перед ними, как истые фаталисты.

Джита перестала молиться, когда услышала выстрел, и подняла полные слез глаза к фрегату. Взгляды всех обратились туда же, и все увидели приведенную в движение роковую веревку, а затем приговоренного в сопровождении священника на приготовленной платформе. Несчастный Караччиоли без мундира, с обнаженной шеей, на которую уже надета была петля для предупреждения какой-либо неожиданности и которая своим трением не переставала напоминать ему о своем назначении, со связанными выше локтя за спиной руками, шел с обнаженной седой головой — естественной принадлежностью его почти семидесятилетнего возраста.

Глухой ропот прошел в толпе на всех судах при этом зрелище, и все головы склонились в молитве. Этот знак общего сочувствия послужил минутным утешением несчастному, конец которого был так близок. И старик Караччиоли охватил прощальным взглядом все окружающее и невольно вновь поддался земным чувствам, которые ему удалось было подавить в себе после ухода Джиты. Это была невыразимо тяжелая минута для такого человека, как дон Франческо Караччиоли. С детства баловень судьбы, благородного происхождения, богач, всегда на виду в общественном положении, всеми уважаемый и почитаемый, он теперь лишен был даже права выбора рода смерти. Никогда не поражала его до такой степени красота природы представшего его глазам дивного Неаполитанского залива, как теперь, за минуту до вечной разлуки со всем этим. Караччиоли бросил невольный взгляд упрека по направлению судна адмирала Нельсона, а затем обвел глазами всю собравшуюся толпу, вырисовывавшуюся наподобие ковра из человеческих голов, раскинутого на море. Взгляд приговоренного был тверд, хотя все возмущалось внутри его. Он узнал Джиту по ее костюму и костюму ее дяди и, поднимаясь на

маленькую платформу, с усилием послал ей свое благословение свободной кистью руки, произнеся его громко вслух. Бедная девушка упала на колени на дно лодки и погрузилась в горячую молитву, не поднимая головы и не поднимая глаз до окончания печального акта.

— Передайте Нельсону, отец, — обратился Караччиоли к сопровождавшему его священнику, — что я молюсь в эту последнюю минуту за него и за всех тех, которые содействовали моему осуждению. Легко счастливому человеку, не испытывавшему искушений, осудить своего ближнего, лучше, вернее довериться Божьему милосердию, нежели своим собственным заслугам. Никогда еще не трогала меня так глубоко вся эта чудная картина, которую я вижу в последний раз.

Сильный голос старика дрожал, но не от страха, — он не ощущал этого унижительного чувства, — а от волнения.

— Сын мой, — отвечал ему священник, — ваше настоящее душевное настроение может только возбудить общую зависть. Станьте на последнюю молитву.

Караччиоли опустился на колени, и его духовник с ним рядом.

— Желал бы я, чтобы Нельсон не имел ничего общего со всем этим, — проговорил капитан Куф.

Он невольно оглянулся на палубу судна адмирала и различил миледи, служившую утром посредницей между Джитой и Нельсоном. Та стояла со своей служанкой, жадно всматриваясь в открывавшееся перед ней зрелище; ни один из близких ей мужчин не чувствовал себя в силах присутствовать при этом ужасном акте. Куф отвернулся от нее с отвращением и снова взглянул на «Минерву»: мощные руки неаполитанских матросов тянули за веревку, надетую на шею несчастного Караччиоли, все еще стоявшего на коленях, и вздернули его наверх, оставляя доброго священника одиноким на платформе, также коленопреклоненным в молитве. Затем последовала ужасная минута борьбы жизни со смертью, и все было кончено: тело неаполитанского адмирала, еще минуту назад одушевленное жизнью, повисло неподвижно, такое же безжизненное, как кусок дерева, с которого оно свешивалось.

Глава XV

Спи, спи на море, несчастный!

Ропот волн теперь усыпляет тебя; его рука не служит более тебе подушкой, и твоя рука не вытрет более его лба. Он недостаточно близко, чтобы повредить тебе или спасти тебя. Земля — для него; море должно быть твоей могилой!

Дана

Весь длинный летний вечер тело дона Франческо Караччиоли не снимали с веревки к общему негодованием не только его сограждан, но и иностранцев. Затем тело положили в шлюпку, привязав к ногам тяжесть, отвезли на добрую милю и бросили в море. Между суеверными людьми и любителями чудесного составила легенда по поводу его всплытия две недели спустя, как бы в укор погубившим его.

Что касается Джиты, то она незаметно исчезла — Рауль удалил ее от такого тяжелого для нее зрелища, пока внимание Вито Вити и его товарищей было отвлечено совершавшейся казнью. Куф не более минуты оставался в виду «Минервы» по окончании ее, а затем отправился на свой фрегат, который полчаса спустя на всех парусах вышел из Неаполитанского залива. Но оставим на время «Прозерпину» и перейдем на ялик Рауля.

После совершения казни над доном Караччиоли Джита и ее дядя ничего другого не желали, как снова вернуться к своему скромному существованию, так как к свиданию со знатым родственником привело их единственно лишь то, что они оба совершенно лишены были светского честолюбия, которое ставит положение и богатство непременно условиями счастья.

Выйдя за пределы тесно стоявших судов и лодок, Рауль направил свой ялик к садам Портичи, достаточно удаленным от обычных мест стоянки судов и в то же время не настолько, чтобы к ним нельзя было доехать за час. По мере того как легкий ялик подвигался вперед, Джита начала успокаиваться; она осушила слезы и огляделась, как бы спрашивая, куда это ее везут.

— Я не спрашиваю у вас, Рауль, как вы очутились здесь в настоящую минуту, но я хотела бы знать, куда вы нас теперь везете. Наш дом в настоящее время в Санта-Агата, по ту сторону залива; мы ежегодно проводим там месяц у сестры моей покойной матери, имеющей все права на привязанность с нашей стороны.

— Если бы мне не было уже все это известно, Джита, меня бы здесь не было. Я был сегодня утром у вашей тети, а оттуда последовал за вами в Неаполь, где узнал о суде и приговоре над вашим дедом; я видел, как вы вошли на корабль английского адмирала, и, ловко спровадив вашего лодочника, поджидал вас. Все это произошло так же естественно, как непосредственно самое чувство, побудившее меня еще раз сунуть свою голову в пасть льву.

— Поводился кувшин по воду ходить, там ему и голову сложить, Рауль, — заметила Джита с упреком, не загнув, однако, преобладавшего оттенка нежности в ее голосе.

— Вам все известно, Джита. На мою глубокую и горячую любовь вы холодно отвечаете положительным отказом выйти за меня замуж; вы бежите от моих преследований в Порто-Феррайо, рассчитывая на весь риск для меня в посещениях этого враждебного французам острова; наконец, вы здесь, среди англичан и других врагов Франции и что же? Вы видите, чего вы этим достигли: сам адмирал английского флота, Нельсон, не в состоянии помешать Раулю Ивару последовать за той, которую он любит.

Рауль положил весла. Вокруг стояла такая тишина, что, казалось, сама природа затаила дыхание; присутствие старика дяди, вечно погруженного в собственные размышления и не замечавшего ничего происходившего перед ним, не могло помешать объяснению влюбленных.

— Я могу только повторить то, что я уже вам говорила, — отвечала Джита. — Я не покину родной земли, а вы не откажетесь от вашей славной республики, которой вы так гордитесь. Я — итальянка, вы — француз. Наконец, что всего важнее, я призываю Бога, поклоняюсь Ему и обожаю Его; а вы пропитаны новыми идеями вашей нации. Неужели всего этого не достаточно, чтобы развести нас, хотя бы мы чувствовали взаимное расположение?!

— О, Джита, любовь преодолевает все преграды, она выше всего в мире! — с горечью воскликнул Рауль. — Но оставим этот разговор до другого раза. Теперь я должен прежде всего позаботиться о том, чтобы доставить вас в дом вашей тети, если вы не пожелаете вернуться на «Блуждающий Огонь».

— Разве здесь «Блуждающий Огонь»? О, Рауль! Какая неосторожность! Наконец, ваш экипаж возмутится против вас за то, что вы его так часто подвергаете серьезной опасности ради удовлетворения вашей прихоти.

— Мой экипаж предан мне, он любит риск и приключения. А что до большой опасности, то я пришел к такому убеждению, что нет лучшего способа скрыться, как замешаться в толпе — здесь, среди этого множества самых разнообразных судов, мой люгер пройдет незамеченным. Однако вот и рыбак, который нас сейчас примет.

Лодочка Рауля подходила в эту минуту к речке, на которой спокойно стоял привязанный к берегу ялик, и рыбак, до тех пор сосредоточенно следивший за своей удочкой, поднял голову, пылливо взгляделся в подъезжавших и, узнав Рауля, вытащил лесу из воды, убрал рыболовные принадлежности и двинулся им навстречу. Внимательно всмотревшись в переодетого рыбаком человека, Джита узнала в нем Итуэла Вольта, которому достаточно было сказать несколько слов, чтобы ввести его в курс всех ближайших событий. Когда ялики стали борт о борт, Рауль и его пассажиры перешли в лодку Итуэла, а свою лодочку Рауль привязал к берегу, рассчитывая, что ее владелец, чьей собственностью он воспользовался без разрешения, найдет ее в какой-нибудь счастливый день. Затем, взяв каждый по веслу, переодетые гребцы сильными взмахами быстро направились к противоположной стороне залива.

Лодки, разбегающиеся по всем направлениям Неаполитанского залива, не обращают на себя ничьего внимания, настолько это привычное здесь явление; а потому в море на своей легкой шлюпке, взятой с их люгера, Рауль и Итуэл чувствовали себя в полной безопасности.

Солнце уже низко стояло над горизонтом, но еще можно было различить предметы. «Прозерпина», подвигавшаяся в том же направлении, пользуясь благоприятным ветром, летела на всех парусах и скоро почти поравнялась с лодкой Рауля. Чувствовалось что-то преднамеренное в этом настойчивом приближении, и наши гребцы не могли этого не заметить; а когда судно круто повернулось к ним, то и Джита испугалась.

— Ничего не бойтесь! — закричал Гриффин по-итальянски. — Мы хотим только предложить взять вас на буксир. Ловите веревку, вот!

Веревку бросили, и так как она попала на голову Итуэлу, то ему ничего не оставалось другого, как схватить ее. При всей своей ненависти к англичанам, и этому судну в особенности, Итуэл обладал склонностью, общей для его соотечественников, по возможности беречь себя от излишнего утомления; к тому же ему показалось даже забавным заставить английский фрегат тащить лодку французского корсара. Рауль продолжал грести, наблюдая, чтобы лодка не наехала на фрегат.

Все это случилось так внезапно и неожиданно, что Джита не могла удержаться и шепотом высказала Раулю свое опасение, как бы с фрегата не узнали переодетых перевозчиков.

— Не тревожьтесь, дорогая Джита, — отвечал ей также тихо Рауль, — они далеки от мысли, что мы можем быть здесь. Во всяком случае «Блуждающему Огню» нечего опасаться их в настоящую минуту.

— Вы судовщики с Капри? — спросил Гриффин, стоявший на палубе рядом с капитаном Куфом и двумя итальянцами.

— Да, синьор, — отвечал Рауль простонародным говором и насколько возможно более изменяя свой голос. — Мы судовщики с Капри и возили вино в Неаполь. Да вот запоздали, хотели посмотреть на то, что происходило на «Минерве». Ну уж и знать же ваша! Они, кажется, меньше беспокоятся о жизни князя, чем мы у себя о каких-нибудь жалких перепелах. Простите, Джита, надо им отвести глаза!

— Не знаете ли вы, какое судно прошло мимо вашего острова сутки тому назад?

— Там много судов проходит, синьор, — турецкие, английские, русские.

— Это все ваши союзники, а я говорю о враждебном судне. Не заметили ли у вас французского люгера день или два назад?

— Как же, как же... Я понимаю теперь, о чем вы говорите, синьор. Именно такое судно и прошло совсем подле нас, это верно, я видел своими глазами. Это было вчера вечером, а по свирепому виду экипажа надо полагать, что то были французы.

— Рауль! — остановила его Джита, испуганная его неосторожностью.

— Они заподозрили бы нас, Джита, если бы мы стали отрицать то, что им уже известно. Да, синьор, судя по оснастке и матросам это — французское судно.

— Не подниметесь ли вы к нам на борт, приятель? — продолжал Гриффин. — Тут у меня имеется дукат, который, вероятно, придется вам по карману.

— Берегитесь, Рауль! — удерживала его Джита. — Я вижу там вице-губернатора и подесту, они узнают вас, и тогда все пропало.

— Напротив того, малейшее колебание может нас погубить; доверьтесь моей находчивости, Джита. Когда же и где видано, чтобы нищий отказывался от дуката.

Рауль шепнул два слова Итуэлу и затем ловко поднялся на борт «Прозерпины». Никто не мог подозревать найти его в образе неаполитанского лаццарони, да к тому же свет падал от одной луны, а чиновники Порто-Феррайо далеко не отличались догадливостью. Рауля, как отчаянного храбреца, даже забавляло это новое приключение.

Случайно подесте поручено было предлагать ему вопросы, причем Гриффин служил переводчиком.

— Подойдите сюда, приятель, — не без важности начал Вито Вити, — и говорите нам только одну правду. Да обдумывайте хорошенько свои ответы, от них многое зависит.

— Слушаю, синьор, и постараюсь отвечать вам очень обдуманно, потому что от этого действительно многое зависит.

— Что у вас там на острове все говорят так, как вы?

— У меня несколько французский акцент, синьор, потому что моя мать была француженкой, а нам всегда хоть что-нибудь да передается от матери.

— Это совершенно верно. Ну, а теперь скажите мне, где и когда видели вы французский люгер?

— Я так полагаю, синьор, что я должен вам сказать сначала, где я его видел, а потом — когда?

— Вот именно, сообщите нам сначала, где вы его видели?

— Вот видите ли, как вам это сказать, он направлялся к Искии, куда должен придти ночью, потому что с суши дул хороший ветер с вечера и до рассвета.

— Это прямо противоречит сообщению, сделанному нам тамошним епископом, — заметил Гриффин. — Он нам указал как раз противоположное направление: по его словам, люгер огибал мыс, чтобы войти в залив Салерно.

Рауль внутренне содрогнулся, так как сообщение епископа было совершенно верным. Однако он не растерялся.

— Если вы имеете сведения от епископа, ваша светлость, то я не удивляюсь ошибочности его показания — он почти слеп. При всем нашем уважении к нему мы совершенно не полагаемся на его указания там, где наши глаза могут нам служить; но что касается евангельских истин, то там мы верим каждому его слову, потому что он изучил священные книги, когда еще обладал хорошим зрением.

— Можно ли положиться на показания этого чудака? — заметил капитан Куф. — С другой стороны, если он не лжет, то мы совершенно напрасно прогуляемся в Салерно. Не легко гоняться за «Блуждающим Огнем» на одном фрегате; нам надо бы иметь в своем распоряжении два судна. Он слишком подвижен и слишком смел.

— Я удивлюсь, почему не дал вам Нельсон другого судна в подспорье, ведь дело не в битве, а в поимке, и, конечно, небольшой французский люгер подвижнее огромного английского фрегата.

Рауль не мог не проворчать проклятия сквозь зубы; но заметил это один только вице-губернатор, который стоял к нему ближе других.

— Раз этот корсар встанет между Искией и Прочидой, нам будет труднее выгнать оттуда, чем выманить лисицу из ее норы. Что же до атаки на лодках, то, я полагаю, с вас пока слишком достаточно того, что уже было.

— Я того же мнения, капитан. Наши матросы все еще под впечатлением понесенной неудачи и, пожалуй, утратили некоторую долю самоуверенности, — подтвердил Гриффин с откровенностью действительно храброго человека. — Надо дать им время оправиться.

— Так! — пробормотал Рауль, забывая, что его могут услышать.

— А все-таки мы должны его захватить, Гриффин, во что бы то ни стало.

Разговор на английском языке двух офицеров был совершенно непонятен ни Андреа Баррофальди, ни подесте, и первый сначала безучастно присутствовал при допросе мнимого судовщика, пока два его восклицания не обратили на себя его внимания и не возбудили смутного еще пока, неопределенного подозрения, могущего впоследствии иметь серьезное значение для молодого моряка.

Глубоко оскорбленные за тот обман, который позволил себе проделать над ними знаменитый французский корсар, желая прежде всего бежать от насмешек своих горожан, вице-губернатор со своим другом ухватились за предложение капитана Куфа, сделанное им в минуту дружеского участия, как за единственный выход из их неприятного положения. Им были предложены две койки в каюте капитана и общий с ним стол, и достойные представители власти города Порто-Феррайо надеялись оказать англичанам содействие в поимке корсара и затем с честью вернуться домой. Но уже сутки, проведенные на корабле в непривычных для них условиях, повергли вице-губернатора в некоторое уныние и совершенно убедили его в полной бесполезности для желанного дела. Тревожные мысли не давали покоя несчастному Баррофальди и в силу лихорадочного возбуждения изощрили до некоторой степени его обычную простоту и доверчивость.

Присутствие Джиты и ее дяди при казни Караччиоли уже тогда показалось ему странным; и вот теперь он вторично различает их в этой взятой на буксир лодке. Само одновременное исчезновение этих трех лиц из Порто-Феррайо, не обратившее на себя до сих пор его внимания, хотя о нем и поговаривали в городе, показалось ему теперь подозрительным. Но все-таки все последующее мы должны отнести скорее к несдержанности Рауля, выдавшего себя своими восклицаниями, нежели к проницательности недалекого вице-губернатора.

В ту минуту, когда Куф высказал свое неперемное намерение захватить люгер, Андреа подошел к Гриффину и шепнул ему что-то на ухо.

— Черт возьми! — воскликнул Гриффин. — Если вице-губернатор не ошибается, то наше дело наполовину сделано, капитан.

— Вице-губернатор пороку не выдумает, но он все же хороший человек, — сказал Куф. — Ну, что он вам такое сообщил, Гриффин?

Гриффин отвел его в сторону, и после короткого между ними разговора отданы были надлежащие распоряжения, и они оба быстро сошли с палубы.

Глава XVI

— Из какой вы страны, скажите?

— Из Мантуи.

— Из Мантуи, сударь? Черт возьми! И вы идете в Падую, не боясь за свою жизнь?

Шекспир

Те пять минут, в которые капитан и лейтенант отсутствовали, Рауль с самым простоватым видом осматривал пушки и другие предметы, находившиеся на корабле; но ничто не ускользало от его тонкой наблюдательности. Исчезновение офицеров несколько тревожило его, и он уже начинал сожалеть о своей отчаянной смелости, как вдруг его позвали в каюту капитана. Спускаясь туда, так как послушаться было довольно рискованно, он заметил, что оба чиновника с острова Эльбы идут за ним следом.

В каюте горела лампа, и едва вошел в нее Рауль, как очутился под ярким освещением. Куф и Гриффин стояли перед столом, и вице-губернатор и подеста поместились по сторонам их; все предвещало судебный допрос. В первое мгновение Рауль почувствовал, что предпочел бы находиться перед судом инквизиции, чем перед этими судьями.

— Вы, должно быть, озябли, — обратился к нему Гриффин. — Сделайте мне удовольствие, наденьте этот черный шелковый платок на шею.

В ту эпоху черный шелковый платок на шее считался необходимой принадлежностью одежды офицера — морского или сухопутного. Рауль это знал, но сознавал в то же время, что и послушаться было рискованно.

— Вы изволите шутить, ваша светлость! Где нам, судовщикам, думать о ночной свежести; но, если вы этого желаете, я надену. Вы делаете князя из бедного судовщика, синьор: жена примет меня за важного генерала.

— Для полноты сходства наденьте-ка вот и это платье, дружище, — прибавил Гриффин, подавая ему свой мундир, так как был приблизительно одного с ним роста.

Почти не оставалось никаких сомнений в намерении офицеров, но Рауль пока не видел выхода из своего положения и надел мундир. Таким образом он принял вид морского офицера в верхней части туловища, оставаясь судовщиком в нижней.

— Итак, вице-губернатор, здесь светло, и вы его видите в мундире, что вы теперь скажете?

— Я скажу, что господин офицер посетил меня недавно в Порто-Феррайо и что я его вижу сегодня с особенным удовольствием. Вы, как видно, любите маскарад, синьор Смит, и масленица длится у вас круглый год.

— Господа, — воскликнул Рауль, срывая с себя мундир и платок, — я вижу, что больше нет надобности притворяться.

— Знаете ли вы, что вы теперь пленник его величества короля великобританского?

— Это победа не из славных, — насмешливо возразил Рауль, — но, как бы то ни было, а я в ваших руках. Уже не в первый раз приходится мне быть военным пленником на этих судах.

— Ваше положение в настоящем случае несколько иное; мы вас арестуем, как шпиона.

— Как шпиона! — повторил Рауль, содрогаясь. — Но я не имел намерения пробраться на борт вашего фрегата, я поднялся только по вашему приглашению; бесчестно было бы утверждать противное.

— Подозрение на вас падает не за ваше появление на палубе нашего фрегата, а за ваше выслеживание переодетым наших судов в заливе.

Все это было слишком верно, и несчастный молодой моряк только теперь увидел всю опасность своего положения. Он не мог внутренне не сознаться, что хотя желание увидеть Джиту было главной побудительной причиной его приезда в Неаполитанский залив, но он в то же время не пропустил бы случая разузнать что-нибудь важное для себя, если бы это оказалось возможным. Итак, он обвинялся в преступлении, подлежащем самому строгому наказанию по законам военного суда; он не видел для себя никаких смягчающих вину обстоятельств. И причиной всего этого была его страсть к Джите.

— Что говорит бедняга, Гриффин? — спросил Куф, которому, несмотря на все его нерасположение к французам, было жаль видеть такого молодца в безнадежном положении. — Не налегайте на него слишком круто сразу. Чем он объясняет свое переодевание?

— Что же может он сказать в свое оправдание, капитан? — насмешливо заметил Гриффин. — Очевидно, он на все готов ради своей республики, единой и неделимой.

— Господа, — заявил Рауль по-английски, — нет надобности в посредничестве между нами, я, как видите, говорю на вашем языке.

— Мне очень жаль, что вы очутились в таком скверном положении, господин Ивар, — сказал Куф. — Я предпочел бы для вас более почетную поимку.

— Совершенно естественно, капитан, так как в том случае был бы захвачен и «Блуждающий Огонь». Но это бесполезные слова. Я — ваш пленник и должен покориться своей участи. Однако было бы несправедливо, чтобы остальные мои спутники разделили эту участь со мной, и я попросил бы вас, в виде особой милости, позволить добрым людям в моей лодке спокойно доехать до Сорренто, куда они отправляются.

— Можете вы дать нам слово, что между вашими спутниками нет ни одного француза?

— Да, капитан, между ними нет ни одного француза, даю вам честное слово.

— Не мешало бы нам самим их порасспросить, капитан, — сухо заметил Гриффин.

— Я уже поручил Винчестеру пригласить их на борт корабля.

— В лодке есть молодая девушка. Она не привыкла бывать на палубах больших судов, — торопливо воскликнул Рауль, — и я просил бы вас о снисхождении к ней, капитан. Пусть поднимутся мужчины, а синьорину оставьте в покое.

— Не беспокойтесь, мы позаботимся о ней, в особенности ввиду вашего видимого участия к ней. А теперь я должен оставить вас под стражей; вы останетесь в этой комнате по крайней мере до завтра. Гриффин, распорядитесь.

Через минуту солдат уже водворен был в комнате, и оба офицера, оставив Рауля под его караулом, поднялись на палубу в сопровождении обоих итальянцев.

Между тем Итуэл, Джита и ее дядя в это время оставались в лодке в очень тревожном и неприятном состоянии. На палубе фрегата было тихо, оттуда не доносилось ни звука, и у них не было никаких данных, чтобы остановиться на каком-нибудь определенном предположении. Беспокойство Джиты еще более увеличивалось оттого, что «Прозерпина» в эту минуту находилась прямо против того места на берегу, к которому им надо было причалить, а между тем она продолжала подвигаться с прежней скоростью, и о них никто не думал.

Но вот фрегат начал убавлять ход; на палубе появился капитан, засуетилось несколько человек матросов, лодку подтянули к борту корабля, и в нее соскочил один из матросов. Осмотревшись по сторонам, он несколько оттолкнул лодку из-под борта и дал свисток, тогда с борта фрегата спустили канаты, которые англичанин матрос ловко зацепил за крючья и кольца лодки, и ее подняли на борт судна со всеми сидящими в ней людьми. Джита невольно слегка вскрикнула, когда почувствовала, что поднимается на воздух, и закрыла лицо руками; ее дядя на секунду был выведен из своего состояния столбняка ее криком. Итуэл в первое мгновение хотел броситься в воду, рассчитывая, что ему будет по силам доплыть какую-нибудь милую расстояния до берега, но вовремя сообразил, что ему не уйти от погони за ним на лодке, и решил не сопротивляться, не находя пока другого выхода.

Не трудно представить себе ощущение, охватившее американца, когда лодку бережно поместили на палубе того самого судна, на котором он был когда-то пленником и под угрозой наказания за дезертирство, в случае если он будет узнан.

Как только лодка была установлена, к ней подошел боцман фрегата, чтобы помочь выйти из нее сидящим в ней людям. Он внимательно всматривался в каждого из них, но наружность Джиты немедленно заставила его забыть об остальных. Действительно, она была неотразимо

привлекательна и трогательна со своим кротким личиком, при мягком лунном свете, и одинаково очаровала всех, как матросов, так и офицеров.

— Однако этот Ивар не может пожаловаться, что попал на неприятельский фрегат в дурном обществе, — заметил Куф. — Эта молоденькая девушка, по-видимому, итальянка, Винчестер, и у нее вид очень скромный.

— Это маленькая Джита, — воскликнул Вито Вити. — Красавица Джита, как вы сюда попали, да еще в таком дурном обществе?

Джита была вся в слезах; но не зная, насколько был скомпрометирован Рауль, постаралась овладеть своим волнением, чтобы не повредить любимому человеку. Она вытерла глаза, поклонилась вице-губернатору и подесте и затем ответила на предложенный ей вопрос:

— Синьоры, для меня большое облегчение встретить моих соотечественников и старых знакомых на палубе иностранного судна, и я надеюсь на ваше покровительство. Нельзя обвинить в сообществе с дурной компанией сироту, которая едет со своим дядей, всегда заменявшим ей отца.

— Она права, вице-губернатор. Этот ее дядя Карло Джунтотарди так поглощен своими молитвами и духовными размышлениями, что почти не имеет даже общений с бедными грешниками; он, можно сказать, совсем отрешился от всего земного. Но вы должны знать, Джита, что один из ваших судовщиков не кто иной, как Рауль Ивар, один из опаснейших французских корсаров, чума и бич всего итальянского побережья. Если бы церковь удостоила его своим вниманием, то только для того, чтобы предписать всем истинно верующим молить небо об истреблении его корабля.

— Рауль Ивар! — повторила Джита таким удивленным тоном, что в свою очередь поразила Вито Вити. — И вы в этом вполне уверены, синьор подеста?

— Он сам признался.

— Сам признался, синьор?

— Как же, ваш судовщик с Капри, ваш лаццарони сам сознался, что он ни более, ни менее как командир этого исчадья ада, «Блуждающего Огня».

— Разве «Блуждающий Огонь» вреднее прочих корсаров? — спросила было Джита, но затем замолчала, боясь быть нескромной.

— Сдается мне, что я именно эту девушку видел сегодня у Нельсона, Винчестер; ей что-то надобно было по поводу того казненного князя.

— Что может быть общего у этих людей со злополучным Караччиоли?

— Не знаю. Девушка долго беседовала с царицей эскадры, нашей леди адмиральшей; но говорили они по-итальянски, и я ничего не понял, а госпожа, как вы сами можете судить, мне их разговора не передала. Да сдается мне, что и Нельсон от нее мало что узнал.

— По многим причинам желал бы я, чтоб Нельсон отпустил эту леди на все четыре стороны. Если бы вы знали, капитан, что говорят на этот счет почти вслух по всей эскадре! Коснись это кого-нибудь другого, шум подняли бы невообразимый; но имя Нельсона всем зажимает рты.

— Ну, хорошо уж, каждый волен отвечать сам за свои поступки. И не вам бы осуждать Нельсона, Винчестер; он так участливо отнесся к вашей ране. Сам он, бедняга, стал таким калекой со своей изуродованной рукой, что в каждом раненом видит своего собрата. Откровенно говоря, я бы и сам был не прочь, чтобы оспа попортила эту адскую красоту. Но спросите, Гриффин, действительно ли эта девушка была сегодня на корабле адмирала?

Вопрос был предложен, и Джита спокойно и без колебаний отвечала утвердительно.

— А теперь попросите ее объяснить нам, каким образом очутилась она в обществе Рауля Ивара?

— Синьоры, — отвечала Джита также естественно, потому что она и не думала скрывать этого, — мы с дядей живем на горе Арджентаро, где дядя смотритель княжеских башен. В прошлом году один пират захватил нас в плен, дядю и меня, и увез в Африку. Тогда синьор Ивар пришел туда на своем люгере и освободил нас. С тех пор мы считаем его своим другом, и он иногда навещает нас в нашем доме. Сегодня мы встретили его в его лодочке около адмиральского английского судна, и так как нанятый нами перевозчик куда-то пропал, то в силу старого знакомства мы согласились на его предложение отвезти нас в Сорренто, где мы гостим в настоящее время у сестры моей матери.

Рассказ Джиты дышал такой искренностью, что, переводя его для капитана, Гриффин от себя прибавил, что не сомневается в его правдивости.

— Так, так, Гриффин, вы, молодые люди, всегда покровительствуете хорошеньким девушкам. Впрочем, она, действительно, внушает доверие и смотрится такой скромной и честной. Уверьте ее, что ей нечего бояться, но что все-таки ей нельзя будет оставить нас раньше, как завтра утром.

После этого Джиту и ее дядю проводили в отдельные пустые каюты, куда позаботились положить для них матрасы, чтобы они могли отдохнуть за ночь.

Рауль, как уже было сказано, сидел под сильным караулом, и у него было отобрано всякое оружие, а также все, что могло бы ему послужить к самоубийству.

— Бедняга! — пожалел его Куф. — Ему не миновать виселицы! И зачем лишать его возможности самому с собой покончить? По крайней мере, мы были бы избавлены от этой тягостной обязанности.

— Я думаю, капитан, что его повесят на его собственном люгере, если нам удастся его захватить.

— Вы правы, Гриффин. Если только нам удастся его найти!

Затем офицеры и оба их итальянские гостя перешли в свою каюту, и тут капитан вспомнил еще об одном недопрошенном пленнике, четвертом из пассажиров лодки Рауля, и велел его привести Итуэл Болът, видя, что общее внимание сосредоточено на Джите, надеялся остаться незамеченным и забытым и с этой целью украдкой снова забрался в свою лодку, где и притаился на дне, притворяясь спящим и рассчитывая улизнуть за борт, как только стемнеет. Но его нашли, подняли и повели к капитану.

Рискуя попасться на глаза своим старым врагам, Итуэл, отправляясь с Раулем в Неаполитанский залив, принял все от него зависящие меры предосторожности, гарантирующие его неузнаваемость: поверх его рыжих, длинных и жестких волос Рауль, искусный в переодевании, напялил ему черный, кудрявый парик и даже подкрасил его бакенбарды и брови; к тому же сам костюм много изменял его наружность.

В ожидании этого четвертого пленника капитан говорил Гриффину:

— Наверное, это какой-нибудь бедняга матрос из экипажа «Блуждающего Огня», и было бы жестоко подвергать его строгому наказанию за его обязательное послушание своему командиру. Мы отошлем его как простого французского пленника в Англию при первой возможности.

В эту минуту ввели Итуэла. Прекрасно понимая все, что говорилось по-английски, Итуэл чувствовал холодный пот при одной мысли о том, что его будут спрашивать на французском языке, основательно предполагая в нем француза: единственный для себя выход он видел в том, чтобы притвориться немым.

— Слушайте меня внимательно, приятель, — начал Гриффин весьма порядочным французским языком, — и отвечайте одну правду — вам от этого лучше будет. Вы из экипажа «Блуждающего Огня»?

Итуэл отрицательно и энергично покачал головой, с усилием издавая при этом звук, какой мог бы издать немой, желая произнести слово Неаполь.

— Что такое бормочет этот шут? — спросил Куф. — Возможно ли, чтобы он не понимал французского языка? Попробуйте заговорить с ним по-итальянски, Гриффин.

Гриффин повторил свой вопрос по-итальянски, и с тем же успехом: в ответ получил те же глухие звуки, как будто у этого человека был забит рот. Присутствующие переглянулись с недоумением. Но тут выдало Итуэла его характерное носовое произношение, и чем больше усилия он прилагал, чтобы подражать звукам немого, тем громче заговорил его природный недостаток, и Андреа Баррофальди, которого эта особенность Итуэла поразила еще в кабачке Бенедетты, теперь невольно вспомнил об этом и, сопоставляя близость этого человека к Раулю, мгновенно сообразил в чем дело. Ободренный первым своим успехом, достойный вице-губернатор, не говоря ни слова, подошел к Итуэлу и смело сорвал с него парик. Рыжие волосы американца рассыпались по плечам. Куф засмеялся.

— Каково, вице-губернатор, вы нынче всех лисиц выгоняете из их нор! Однако, Гриффин, будь я повешен, если я не видел уже этого чудака раньше!

— Мне также знакомо его лицо, капитан. Позвольте позвать кого-нибудь из наших мичманов, те как раз признают.

Призвали старшего из мичманов, мистера Роллера.

— Посмотрите на этого человека, Роллер, — обратился к нему Гриффин, — не напоминает ли вам кого-нибудь его физиономия?

— Да, это лаццарони с той лодки, что мы взяли на борт сейчас.

— Совершенно верно, но нам с капитаном кажется, что мы его видели еще где-то раньше — не припомните ли вы?

Роллер внимательнее всмотрелся в совершенно неподвижного Итуэла, даже обошел его кругом и вдруг хлопнул по плечу:

— Ты таки вернулся, товарищ! — воскликнул он. — Добро пожаловать! Надеюсь, что тебе теперь здесь будет не хуже прежнего. Это Болът, капитан, наш матрос, бежавший с нашего судна, когда мы в последний раз были в Англии. Его тогда поймали и посадили на плашкот, откуда он опять бежал с двумя или тремя французскими пленниками, стащив одну из казенных лодок, как мы слышали. Неужели вы этого не помните, мистер Гриффин? Еще он вздумал выдавать себя за американца.

Итуэлу теперь ничего не оставалось, как покориться судьбе.

Лицо капитана Куфа омрачилось: по своему положению он не мог снисходительно относиться к дезертирам, а в настоящем случае дурное настроение еще усиливалось тайным голосом совести, нашептывавшим ему, что не совсем-то справедливо было силой вербовать иностранцев, заставляя их против желания служить чужому государству. Но именно такое фальшивое положение и заставляло его удваивать строгость к дезертирам, как будто их недостатками оправдывая себя перед самим собой.

— Вы слышали, что говорит мистер Роллер? — обратился к Итуэлу капитан. — Я теперь совершенно ясно припоминаю вас.

— Будь вы на моем месте, капитан Куф, вы бы также бежали.

— Молчите! Лейтенант, распорядитесь заковать в кандалы этого человека. Завтра мы разберем его дело.

Когда все было исполнено и Итуэла в цепях отдали под стражу, капитан простился со своими гостями, отпустил лейтенанта и удалился в свой кабинет, чтобы приготовить рапорт адмиралу обо всем случившемся. Больше часа употребил он на написание этого документа и, наконец, остался доволен последней редакцией. Он излагал адмиралу обстоятельства поимки Рауля Ивара, а также и Итуэла, и в заключение настоятельно просил о присылке ему в помощь еще одного судна ввиду слишком большой подвижности «Блуждающего Огня», делающегося совершенно неуловимым при слишком незначительном ветре для такого огромного фрегата, как «Прозерпина».

Окончив письмо, капитан положил его в конверт, запечатал и пошел на палубу. Было девять часов вечера, и Винчестер стоял около борта. Матросы на вахте по большей части задремали в разных положениях; все вокруг было тихо, легкий ветерок едва заметно напоминал о своем присутствии, вода спала неподвижно, красавица луна серебрила ее поверхность. Вершина Везувия окуталась дымкой, из которой по временам выскакивало пламя; Капри виднелся в тумане в нескольких милях.

По распоряжению Куфа все мгновенно пришло в движение. На воду спущена была лодка, появился Роллер в плаще, чтобы уберечься от ночного холода, и Куф дал ему свои инструкции.

Через полчаса лодка Роллера совершенно скрылась из вида, а Куф еще с добрый час прохаживался со своим первым лейтенантом по палубе; затем, убедившись в том, что ночь не предвещала ничего дурного, он спустился в свою каюту.

Роллер подошел к судну адмирала в полночь. Нельсон еще не спал; он занимался делами у себя в каюте. Прочтя рапорт, он немедленно разбудил своего секретаря, так как его подвижной натуре мучительны были малейшие промедления. Приказ был продиктован, записан, переписан, подписан и в два часа ночи уже разослан по назначению. Тогда только его служащие получили позволение идти отдыхать.

Поужинав с аппетитом в каюте адмирала, Роллер перебрался на фрегат, куда назначил его Нельсон, и уже в четыре часа ночи на этом корабле направился к Капри.

Глава XVII

Приступите к делу, господин секретарь: почему собрались мы на совет?

Шекспир. «Генрих VIII»

На следующее утро с палубы «Прозерпины» увидели, что они находятся на расстоянии не более мили от Капри. Пользуясь дневным светом, пустили в ход подзорные трубы, желая высмотреть, нет ли где признаков присутствия «Блуждающего Огня» вдоль крутых и живописных берегов этого острова. Но на этом обширном водном пространстве под громадными, окаймляющими его горами и при необыкновенной прозрачности воздуха самые большие суда теряли в своих размерах, и весьма возможно, что «Блуждающий Огонь» мог неделями стоять на якоре близ устья какой-нибудь речки, не будучи никем замечен.

Куф последним поднялся на палубу уже около семи часов утра. Он окинул взглядом присутствующих и обратился к Гриффину:

— Я вижу вдали два судна, выходящие из залива; интересно бы знать, что это за суда?

— Вот они как на ладони! Это фрегат и корвет, очевидно, посланные нам в помощь.

Час спустя оба приближающихся судна подошли уже на расстояние человеческого голоса; командиры фрегата и корвета пересели в гички, Роллер на своей лодке, взятой на буксир первым, сопровождал их, и все подплыли к «Прозерпине».

Капитаном нового фрегата, «Терпсихоры», был сэр Фредерик Дэшвуд, молодой баронет, полный отваги и жизни, отдававший предпочтение деятельной жизни моряка перед спокойным и праздным прозябанием, обеспеченным шестью тысячами фунтов стерлингов дохода и в двадцать два года достигший звания командира хорошего судна.

Командиром корвета был некто Лейон, старик шестидесяти лет, добившийся настоящего своего положения путем долгой и трудной службы.

Оба одновременно поднялись на палубу «Прозерпины», где их встретил капитан Куф со своими офицерами.

— Здравствуйте, Куф, — приветствовал его Дэшвуд, подавая концы пальцев. — Что это вздумалось Нельсону послать нас сюда в такое чудное утро? Я, впрочем, отчасти знаю: на нас возлагается обязанность выследить и захватить люгер, как сообщил мне лейтенант, подавая вот этот пакет от нашего маленького Нелли, в которого все старые служаки, кажется, влюблены, как в хорошенькую девушку.

— Нет, сэр Фредерик, — возразил Лейон, — я никогда не позволю себе называть адмирала иначе, как лордом Нельсоном, или милордом, со времени его пожалования в герцоги Бронте.

— Вот данные нам инструкции, господа, — начал Куф. — Нам предписывается составить военный совет: мне, сэру Дэшвуду, капитану Лейону, Винчестеру — старшему лейтенанту моего фрегата, и Сприггсу — старшему лейтенанту фрегата «Терпсихора», с целью произвести расследование и произнести приговор над Раулем Иваром, французским гражданином, обвиняемом в шпионаже, и Итуэлом Вольтом, матросом, обвиняемом в дезертирстве. Все в порядке, и вот приказы, лично относящиеся к вам, господа.

— С нами Бог! Я был далек от мысли о подобного рода приказе! — воскликнул Лейон, не любивший этого рода обязанностей офицеров.

— Совершенно разделяю с вами вашу антипатию к этим обязанностям, капитан Лейон, — сказал Куф, — но это неизбежно. Теперь вы потрудитесь, господа, вернуться на ваши суда, так как я нахожу более удобным бросить якорь близ Капри, где мы можем простоять некоторое время, —

вероятно, очень недолго, — и прийти к соглашению по этому делу. Вам дан будет сигнал, когда можно будет открыть наш военный совет.

Капитаны вошли в свои гички и вернулись на свои суда, после чего все три корабля направились к назначенному месту, где и бросили якоря. Десять минут спустя с «Прозерпины» раздался выстрел из пушки и поднят был флаг, означавший открытие заседания военного совета.

Не входя в подробности, скажем только, что все требуемые законом формальности были тщательно соблюдены в данном случае. Быстрота действия вполне соответствовала решительному характеру адмирала, надеявшегося воспользоваться этим разбирательством и судом для облегчения поимки не дающегося в руки «Блуждающего Огня».

Члены совета явились в полной парадной форме, торжественно произнесли присягу и сохраняли на своих лицах подобающую важность во все время суда. Не теряя напрасно времени, отдали распоряжение ввести арестантов.

Рауль Ивар и Итуэл Болът появились одновременно, хотя из различных частей судна; до сих пор между ними не дозволено было никаких переговоров. Когда они заняли указанные места, им прочли обвинительный акт, и так как оба понимали английский язык и в переводчике не оказалось надобности, то прямо приступили к делу. Так как Раулю предстояло судиться первому и Итуэл мог явиться свидетелем по его делу, то этого последнего на время удалили, чтобы ему были неизвестны показания обвиняемого.

— Теперь следует привести к присяге синьора Андреа Баррофальди, — заявил Медфорд, офицер, исполнявший роль королевского прокурора. — Но сначала я сам присягну, как посредник между членами суда и свидетелями, не знающими английского языка. Вот католическая Библия, синьор: я скажу вам итальянский текст присяги, а вы повторите его за мной.

По принесении обеих присяг королевский прокурор задал Баррофальди обычные вопросы о его имени, возрасте, звании и тому подобном и затем уже приступил к более существенному.

— Синьор вице-губернатор, знаете ли вы этого человека?

— Как же, синьор! Я имел честь принимать его у себя на острове Эльбе.

— Под каким именем и при каких обстоятельствах вы его знали?

— Он назвал себя сэром Смитом и рекомендовался, как капитан на службе английского короля.

— Как называл он судно, командиром которого явился?

— «Крыло-и-Крыло», люгер; но я позднее узнал, что это был «Блуждающий Огонь», французский корсар. Капитан удостоил меня двумя визитами под фамилией сэра Смита.

— А теперь вам известно, что его имя Рауль Ивар и что он капитан французского корсара?

— Знаю ли я это? Гм! Я знаю только то, что мне сказали: что сэр Смит — Рауль Ивар, а «Крыло-и-Крыло» — «Блуждающий Огонь».

— Показание такого рода не может нас удовлетворить, нам недостаточно того, что «говорят», синьор Баррофальди. Не можете ли вы лично подтвердить верность сообщенных вами сведений?

— Не могу, синьор.

Совещание на минуту было прервано. Послали за Вито Вити, с которого также сняли присягу, при этом его внимание было исключительно поглощено крестом на переплете Библии.

— Синьор Вити, — обратился к нему королевский прокурор после предварительных вопросов, — видели вы арестованного до настоящей минуты?

— Да, синьор, и даже чаще, чем мне было бы приятно об этом вспомнить. Не полагаю, чтобы когда-либо двое высокопоставленных должностных лиц города были более одурачены, чем вице-губернатор и я. Но, видно, бывает, что самые умные люди обращаются в грудных младенцев, точно туман застилает им глаза.

— Сообщите совету, при каких обстоятельствах все это случилось, синьор подеста.

— Да вот как, синьор. Андреа Баррофальди, как вам известно, вице-губернатор острова Эльбы, а я недостойный градоначальник Порто-Феррайо. Само собой, наша обязанность наблюдать за всем, что относится к общественному спокойствию, и в особенности осведомляться о поводах прибытия к нам иностранцев. Вот, недели две-три тому назад заметили люгер или фелуку...

— Что же это было, люгер или фелука? — спросил королевский прокурор, держа перо наготове, чтобы записать ответ.

— И то, и другое, синьор.

— Значит, было два судна?

— Нет, синьор. Я хочу только сказать, что эта фелука была люгер. Томазо Тонти пытался сбить меня на этот счет; но я недаром прослужил градоначальником приморского города, успел приглядеться ко всевозможным фелукам: есть корабли-фелуки, фелуки-люгеры...

При этом ответе члены совета не могли сдержать невольной улыбки, а Рауль готов был расхохотаться.

— Итак, синьор подеста, — продолжал королевский прокурор, — арестованный прибыл к вам в Порто-Феррайо на люгере.

— По крайней мере, мне так сказали, синьор, так как сам я не видел его на палубе этого судна. Он говорил, что он капитан на судне «Крыло-и-Крыло», состоит на службе английского короля и зовут его сэра Смит.

— Он вам это сказал? А вы не знаете, что этот люгер — знаменитый французский корсар, называющийся «Блуждающий Огонь»?

— Теперь я знаю, что это говорят, синьор, а тогда мы с вице-губернатором думали, что он называется «Крыло-и-Крыло».

— Ну, а сами-то вы лично не знаете, что находящийся здесь перед вами арестант действительно Рауль Ивар?

— Да как же я могу это знать, синьор? Мне не доводилось принимать у себя корсаров, если они не назывались сэром Смитом.

Королевский прокурор и члены совета с недоумением посматривали один на другого. Никто из них ни на минуту не сомневался в том, что арестованный ими человек и есть именно Рауль Ивар, но им необходимо было законное доказательство для произнесения приговора.

Спросили Куфа — не признался ли подсудимый в своем тождестве с упомянутым лицом? Но ни Куф, ни другие офицеры не могли сказать, чтобы он положительно сознался, хотя в том, что он говорил, как бы отчасти заключалось признание. Словом, суду, по-видимому, грозила опасность оказаться в положении невозможности доказать то, в чем никто не сомневался, — положение далеко не составляющее редкого явления. Но вот Куф вспомнил об Итуэле и о Джите и, написав их

имена на клочке бумаги, передал его прокурору. Тот наклоном головы дал понять председателю совета, Куфу, что понял его мысль; вслед за тем предложил Раулю, в свою очередь, переспросить свидетеля.

Рауль прекрасно понимал свое положение. Хотя прибыл он в Неаполитанский залив не как шпион, но раз уже оказался скомпрометированным в этом отношении, он видел ясно, что его враги не упустят случая осудить его, если получат законные доказательства.

Видя теперь затруднительное положение, в которое поставлены были судьи невозможностью доказать подлинность его личности, он решил извлечь все возможное в свою пользу из этого обстоятельства. До настоящей минуты ему не приходило в голову отрицать свое имя, теперь же он совершенно естественно пожелал прибегнуть к этому средству спасения.

Он обратился к градоначальнику с вопросами на английском языке, на котором обращались к нему самому.

— Вы говорите, синьор подеста, что видели меня в Порто-Феррайо на острове Эльбе?

— Да, синьор, и я имею честь состоять в должности в этом городе.

— Вы говорите, будто бы я заявил вам, что состою на службе английского короля в качестве капитана фелуки «Крыло-и-Крыло»?

— Да. «Крыло-и-Крыло», вы так назвали эту фелуку.

— Насколько я понял, мистер подеста, вы назвали это судно люгером, — сказал Лейон.

— Фелука-люгер, синьор капитан, ни более ни менее, честное слово.

— Все присутствующие здесь почтенные офицеры как нельзя лучше знают, что фелука-люгер и такой люгер, каков, как говорят, «Блуждающий Огонь», две вещи совершенно различные. Далее, синьор, скажите, слышали ли вы когда-нибудь от меня, будто я француз?

— Нет, вы не так были глупы, чтобы назваться им человеку, который ненавидит французов. Клянусь, если бы все подданные великого герцога ненавидели этих врагов так, как я, он был бы могущественнейшим князем в целой Италии.

— Без сомнения, синьор. Теперь позвольте мне спросить вас, называл ли я когда-нибудь эту фелуку иначе, как «Крыло-и-Крыло»? Упомянул ли когда-нибудь о «Блуждающем Огне»?

— Нет, вы всегда говорили: «Крыло-и-Крыло», никогда иначе; но...

— Извините, синьор, но я попрошу вас ограничиться только одними ответами на мои вопросы. Итак, фелуку я всегда называл «Крыло-и-Крыло», а себя капитаном Смитом — не правда ли?

— Совершенно верно, синьор: «Крыло-и-Крыло», капитан Смит, сэр Смит, потомок славной английской фамилии, сколько мне помнится.

Рауль улыбнулся, так как он помнил, что, возбужденный беседой с двумя итальянцами, он случайно, совершенно не преднамеренно обмолвился двумя-тремя словами в этом роде, а затем уже его собеседники сами ухватились за них и раздули их. Однако он считал неуместным противоречить подесте, который до сих пор не говорил ничего такого, что могло бы ему повредить.

— Когда молодой человек из тщеславия желает прослыть знатным, господа, то это еще не дает права считать его шпионом, это доказывает только его легкомыслие, — спокойно заметил

Рауль. — Вы говорите, синьор, что я никогда не выдавал себя за француза; но разве не сказал я вам, что родом с Гернси?

— Да, вы мне сказали, что поколение Смит — уроженцы этого острова. Признаюсь, я никогда не слышал об этом острове, но вице-губернатор знает, — он все знает, вице-губернатор; я думаю, в целой Италии не найдется равного ему по учености.

— Хорошо, хорошо! Теперь, будьте любезны, синьор подеста, заявите этим господам, если вы по совести и согласно данной вами присяге можете это подтвердить, что вы лично ручаетесь в том, что я имею какое-нибудь отношение к этой фелуке «Крыло-и-Крыло».

— Я могу только сказать, что знаю это с ваших собственных слов. На вас был точно такой мундир, как на этих офицерах, и вы себя назвали командиром «Крыла-и-Крыла».

— Прекрасно; вот это значит, действительно, помнить о присяге — ваши показания удивительно точны. Итак, все ваше сообщение сводится к тому, что вы не знаете, называется ли фелука, о которой вы говорите, «Блуждающим Огнем», ни того, француз ли я, и еще того менее, что я Рауль Ивар; но что вы помните, что я назвался Джэком Смитом, уроженцем Гернсея.

— Да, вы называли себя Джэком Смитом, а не Раулем Иваром. Но, синьор, я видел, как вы направляли пушки против лодок фрегата, на котором мы теперь находимся; и вы тогда подняли французский флаг. Это доказывает, что вы ему враг, насколько у нас понимают эти дела в Порто-Феррайо.

Рауль почувствовал, что это последнее заявление говорит против него; но в то же время ему чего-то не доставало, чтобы стать настоящим доказательством.

— Видели вы, что я стрелял или отдавал приказание стрелять, синьор? Вы хотите сказать, что «Крыло-и-Крыло» враждебно выступило против лодок с «Прозерпины»; но уверены ли вы, что я был в то время на палубе этой фелуки?

— Нет, синьор, но вы мне говорили, что вы на ней командиром.

— Разберемся хорошенько, — сказал королевский прокурор, — вы намерены отрицать то, что вы француз и враг англичан, подсудимый?

— Я намерен, сэр, отрицать все, что не будет доказано.

— Но ваше произношение, обороты, которые вы употребляете, говоря по-английски, сама наружность ваша — все говорит, что вы француз.

— Извините, господа, но теперь во многих странах говорят по-французски, далеко не в одних французских владениях. И вы приговорите человека за то только, что его выговор не обнаруживает в нем англичанина.

— Мы желаем держаться полной справедливости и законности, подсудимый, — сказал Куф, — и вы имеете полную возможность воспользоваться нашими сомнениями. Однако я должен вас предупредить, что мы уверены в том, что вы француз и Рауль Ивар. Если вам удастся доказать противное, ваша удача, но доказать вы должны несомненно и ясно.

— А как же предполагает почтенный совет могу я это доказать? Меня арестовали в ночь, а утром уже повели на допрос, не дав больше времени, чем Караччиоли. Дайте мне время вызвать свидетелей, и я вам докажу, кто я такой и что.

Он произнес эти слова с полным самообладанием как человек, уверенный в своей невинности, что произвело некоторое впечатление на судей. Но они не сомневались в том, что перед ними не кто другой, как самый опасный из их врагов, Рауль Ивар, с люгера «Блуждающий Огонь», и нельзя

допустить, чтобы он ускользнул от них. Слова Рауля вызвали лишь с их стороны большую осмотрительность с целью устранить малейшее обвинение в пристрастии.

— Не имеете ли вы еще какого-нибудь вопроса предложить свидетелю, подсудимый? — спросил председатель.

— В настоящую минуту ничего больше; вы можете продолжать допрос, сэр.

— Пусть приведут Итуэла Больта, — сказал королевский прокурор, читая это имя на листе лежащей перед ним бумаги.

Рауль внутренне содрогнулся, так как свидетельство американца, о котором он совершенно забыл, могло его погубить.

Между тем Итуэла ввели, сняли с него присягу и приступили к допросу.

— Ваше имя Итуэл Больт? — обратился к нему королевский прокурор.

— Так говорят здесь. Что касается меня, то я не отвечаю на подобный вопрос.

— Вы отрицаете, что это ваше имя?

— Я ничего не отрицаю и ничего не утверждаю; я не желаю иметь дело ни с этим судебным разбирательством, ни с этим судном.

Рауль вздохнул свободнее, потому что, говоря правду, он мало доверял твердости и бескорыстию Итуэла и боялся, что того могло подкупить обещание помилования.

— Не забывайте, что вы дали присягу и вас будут судить как бы за неявку, если вы откажетесь давать показания.

— Я имею некоторое понятие о законах, — невозмутимо возразил Итуэл, — и я знаю, что никогда свидетель не должен давать ответа, могущего повернуться против него.

— Так что неопределенность ваших ответов проистекает из страха навлечь обвинение против вас самих?

— Я отказываюсь отвечать на этот вопрос, — заявил Итуэл с достоинством.

— Знакомы вы лично с подсудимым?

— И на это я также не отвечу.

— Знаете вы человека, называющегося Раулем Иваром?

— Какое кому дело до того, знаю я его или нет? Я американец и имею полное право заводить знакомство между всеми национальностями, когда это в моих выгодах или доставляет мне удовольствие.

— Служили вы когда-нибудь на одном из судов Его Величества?

— Какого Величества? Насколько мне известно, в Америке нет другого Величества, кроме Того, которое на небе!

— Имейте в виду, что все ваши ответы записаны и ими могут воспользоваться при другом случае.

— Это противозаконно.

— Видели вы судно, известное под именем «Блуждающего Огня»?

— Разве возможно запомнить все суда, виденные на океане!

— Служили вы когда-нибудь под французским флагом?

— Я не обязан входить в подробности своих личных дел. Я родился в свободной стране и волен служить кому захочу.

— Бесплезно предлагать дальнейшие вопросы этому свидетелю, — сказал капитан Куф. — Этот человек хорошо известен на нашем фрегате и будет, вероятно, подвергнут суду, после того как мы покончим с настоящим разбирательством.

Итак, Итуэлу позволено было удалиться. И все еще не было законных доказательств к обвинению подсудимого. Еще свежий в памяти всех суд над Караччиоли, возбудивший общее негодование за свою поспешность, заставлял теперь судей действовать со всей возможной осмотрительностью. Дело обставлялось довольно серьезными затруднениями, и судьи сделали вторичный перерыв заседания, чтобы переговорить между собой.

Капитан Куф подробно рассказал все обстоятельства поимки Рауля и высказал предположение в его шпионаже; но именно потому, что это было одно предположение, ничем до сих пор не доказанное, совет склонялся скорее к отсрочке суда за отсутствием необходимых доказательств, чем к опрометчивому произнесению приговора. После всестороннего обсуждения настоящего дела Куф указал еще на одно, по его мнению, действительное средство помочь суду выбраться на настоящую дорогу, и после непродолжительных пререканий по этому поводу военный совет возобновил свое заседание.

— Пусть приведут молодую девушку, известную под именем Джиты, — распорядился прокурор, делая вид, что просматривает свои заметки.

Рауль содрогнулся, и лицо его омрачилось темной тенью беспокойства; но он быстро подавил свое волнение, по крайней мере наружно, и принял свой прежний невозмутимо спокойный вид.

Прошло некоторое время, прежде чем дверь отворилась, и появилась Джита, так как ее вместе с ее дядей перевели в отдаленную часть корабля из той каюты, в которой они провели ночь, с целью скрыть от них все происходившее на военном совете. Войдя в комнату, Джита остановила на Рауле взгляд, полный нежного участия; но скоро ее всю охватило торжественное снятие присяги, ощущение неловкости от новизны положения, смущение невинной девушки перед предстоящей ей важной ролью, и она сосредоточила все свое внимание на том, что происходило перед ней. Не имея времени дать себе ясный отчет в том, какие могли быть последствия ее показаний, и разобрав только то, что от нее требовалась одна правда в ответах, она, ненавистница лжи, не колеблясь, вполне естественно обещала говорить правду, благоговейно поцеловала крест и готова была даже опуститься при этом на колени.

Все это было крайне тяжело для Рауля, не замедлившего увидеть все последствия подобного начала. Но он так глубоко уважал невинную искренность Джиты, что ни жестом, ни взглядом не хотел смутить эту любовь к истине, составлявшую самую сущность ее характера. И она присягнула, не подозревая о печальных последствиях исполнения этой формальности, не тревожась за свою любовь к Раулю.

Нis et ubique? — В таком случае мы сделаем иначе. Приблизьтесь, господа, положите ваши руки на мою шпагу. Клянитесь на моей шпаге.

Шекспир. «Гамлет»

— Ваше имя — Джита? — спросил королевский прокурор, просматривая свои бумаги. — Джита, а далее как?

— Джита Караччиоли, синьор, — отвечала молодая девушка таким мягким, нежным голосом, что сразу расположила к себе всех присутствующих.

Однако имя Караччиоли заставило всех вздрогнуть и переглянуться.

— Караччиоли!.. — повторил прокурор с удивлением. — Это одно из известнейших имен Италии; уж не претендуете ли вы на родство с ним?

— Синьор, я не претендую ни на что известное; я бедная, простая девушка и живу со своим дядей в княжеских башнях на горе Арджентаро.

— Но почему вы носите знаменитое имя Караччиоли?

— Синьор, — горячо заговорила Джита, — это имя моего отца, покрытое вчера страшным позором, когда в виду тысячной толпы неаполитанцев отец моего отца был повешен на одном из ваших судов.

— И вы считаете себя внучкой этого несчастного адмирала?

— Я выросла с этой мыслью. Пусть небо дарует его душе тот мир, в котором здесь отказано было его телу! Да, преступник, как вы его называете, был моим дедом, хотя это мало кому было известно, пока он жил в почете, всеми уважаемый.

Водворилось глубокое молчание: неожиданность сообщения и неподдельная искренность девушки не могли не произвести сильного впечатления.

— Вспомните, что вы обязались показывать одну правду, — снова обратился к Джите королевский прокурор. — Скажите, знали ли вы Рауля Ивара, француза, командира «Блуждающего Огня»?

Сердце Джиты сильно забилося, и она невольно покраснела, вся в тревоге. Она не имела никакого понятия о судопроизводстве, а сейчас забыла даже о деле, ради которого была приглашена. Но затем ее душевная чистота восторжествовала, совесть ее была покойна, и она признала, что ей нечего краснеть за свое чувство к Ивару.

— Синьор, — отвечала она, опуская веки перед пытливо устремленными на нее глазами всех присутствующих, — я знаю Рауля Ивара, о котором вы спрашиваете. Вот он сидит между тех двух пушек. Он француз и командир люгера «Блуждающий Огонь».

— Недаром я рассчитывал на эту свидетельницу! — воскликнул Куф, не скрывая своего удовольствия.

— И вы говорите, что сами все это знаете, не понаслышке? — переспросил королевский прокурор.

— Господа! — обратился Рауль к судьям, вставая. — Позвольте мне говорить! Жестоко продолжать этот допрос, жестоко относительно этой дорогой девочки, которой предстоит тяжелое и неожиданное для нее открытие, я в этом уверен; позвольте ей удалиться, и я обещаю вам не скрывать от вас ничего, на что вы имеете теперь право после ее свидетельского показания.

После некоторого совещания между собой судьи отпустили Джиту; но она уже успела прочесть на лице Рауля что-то такое, что подняло в ней мучительную тревогу, и не могла уйти, не выяснив себе выражения его лица, которое так поразило ее своей резкой переменной.

— Сказала я что-нибудь такое, что может вам повредить, Рауль? — спросила она его с беспокойством. — Я дала клятву на святом Евангелии и на Кресте говорить правду; но если бы я могла предвидеть, что эта правда повредит вам, никакая земная власть не вынудила бы от меня присяги, и я могла бы молчать.

— Ничего, Джита, так или иначе правда всплыла бы наружу; вы узнаете все в свое время. Итак, господа, между нами нет больше недоразумений, — начал Рауль, когда затворилась дверь за Джитой, — я Рауль Ивар, как вы и предполагали. Я стрелял в ваши лодки, капитан Куф, я избег вашего брандера, я же устроил вам веселую гонку вокруг острова Эльбы; я обманул синьора Баррофальди и его друга подесту и все это сделал из любви к прекрасной и скромной девушке, которая сейчас ушла из этой комнаты. Никакой другой мотив не руководил мной ни при моем появлении в Порто-Феррайо, ни здесь — в Неаполитанском заливе — клянусь вам в этом честью француза!

Во всяком другом случае ненависть к враждебной национальности одержала бы верх; но в заявлении Рауля было столько неподдельной горячности, оно дышало такой очевидной искренностью, что внушало невольно уважение, и хотя, может быть, суд не вполне поверил его словам, но смеяться никто не позволил себе над положением этого мужественного и благородного человека.

— После вашего признания, господин Ивар, нам не нужны больше никакие свидетели, — заговорил Куф, — но я должен вас предупредить, что падающее на вас обвинение в шпионаже может иметь серьезные последствия.

— Я объяснил уже, какая была у меня побудительная причина проникнуть в Неаполитанский залив. Своего отношения к нации, враждебно настроенной против моей родины, прилагающей все старания повредить ей, я отрицать не стану, я служу моему отечеству, и вы, как храбрые патриоты, не можете не оценить моей преданности моему государству. Что же касается появления моего на этом фрегате, то вам известно, что я не добровольно сюда попал, меня позвали, и мне нечего говорить о повсеместно признаваемых правах гостеприимства.

Члены суда обменялись выразительными взглядами, и на минуту воцарилось молчание. Затем королевский прокурор снова приступил к своим обязанностям и сказал:

— Вы обвиняетесь, подсудимый, в том, что переодетым проникли в Неаполитанский залив с целью заручиться некоторыми сведениями, могущими пригодиться вашей родине в ее борьбе с нами. В только что сделанном вами признании вы даете иной мотив своему поступку, но нам недостаточно одного вашего заявления, мы должны опираться на законные доказательства; если вы можете нам их представить, сообщите.

Рауль колебался. Он не сомневался в том, что подтверждение его заявления Джитой придавало бы ему большой вес; но ему очень не хотелось снова призывать ее перед судьями. Его чувство

деликатности не допускало выставлять Джиту предметом общего любопытства после его признания. Эта выставка напоказ самых священных чувств была неприятна и ему самому.

— Можете вы доказать свои слова, Рауль Ивар? — обратился к нему снова королевский прокурор.

— Боюсь, что это мне не удастся. Если бы мне, впрочем, разрешили вызвать моего товарища, то может быть...

— Итуэла Вольта? Отчего же, мы слушаем его показания и посмотрим, можно ли будет дать им цену.

— В таком случае я попрошу вызвать Итуэла.

Отдан был приказ, и Итуэл появился перед судьями. После снятия обычного предварительного допроса Итуэл заявил, что он только в таком случае будет отвечать как свидетель, если ему позволят говорить свободно и снимут с него кандалы. При этом он поднял руки, и судьи увидели на них ручные цепи, надетые на него каптенармусом. Взгляда упрека и двух слов со стороны Куфа было достаточно, и ручные кандалы были с него сняты.

— Теперь я могу говорить более добросовестно, — заметил Итуэл с сардоническим смехом, — а то, знаете ли, когда железо впивается в человеческое тело, то хочется говорить одни только любезности. Спрашивайте меня, если у вас есть о чем меня спросить.

— По-видимому, вы англичанин.

— Неужели? В таком случае моя наружность обманывает. Я уроженец Северной Америки.

— Знаете вы подсудимого, Итуэл Вольт, человека, называемого Раулем Иваром?

Итуэл не знал, что ему на это ответить. При всей своей суеверной набожности он, однако, не смотрел на присягу, как на священное действие, связывающее человека в известном отношении, и несколько бы не задумался сбросить всякое стеснение, чтобы выручить товарища из беды; но, делая заведомо ложное показание, он боялся подорвать к себе доверие и тем лишиться на будущее время возможности помочь Раулю. Лживый по натуре человек, верующий по-своему, Итуэл представлял резкую противоположность Раулю, почти атеисту, ничем не пренебрегавшему в военное время, но избегавшему ненужной и несвойственной ему по натуре лжи в иных случаях, когда обе стороны являлись не замаскированными, лицом к лицу.

Внимательно всматриваясь в выражение лица Рауля, Итуэл, казалось, начинал угадывать, в чем дело.

— Мне кажется, что да, по крайней мере, насколько я... — протянул Итуэл неопределенно, но, уловив в эту минуту выражение одобрения на лице Рауля, продолжал уже увереннее, — да, как же, я его узнаю.

— Известно вам, что заставило Рауля Ивара явиться в Неаполитанский залив?

— Собственно говоря, нет, господа судьи; эта поездка сюда капитана Рауля мне не вполне понятна; его дела здесь не поддаются точному определению.

Тогда суд предложил Раулю со своей стороны предложить несколько вопросов свидетелю.

— Итуэл, — обратился к нему Рауль, — разве вы не знали, что я люблю Джиту Караччиоли?

— Я, капитан! Я много раз слышал это от вас, но, вы знаете, я не знаток в такого рода делах.

— Разве не случилось мне много раз приставать к враждебному берегу единственно с целью увидеть ее, быть подле нее?

Итуэл, пораженный сначала заявлением Рауля, теперь начал понимать дело.

— Ничто не может быть вернее, капитан, хотя я много раз противился вашему желанию в таких случаях.

— Разве не Джита, одна только Джита была причиной моего приезда в этот залив?

— Именно. Это так же верно, господа судьи, как то, что отсюда виден Везувий. Это было единственным делом капитана Рауля здесь.

— Сейчас вы заявили, что поведение подсудимого в Неаполитанском заливе для вас туманно и необъяснимо, свидетель, а теперь вы говорите совершенно другое, — заметил прокурор.

— Совершенно верно, господин судья, но это именно то, что и есть. Я прекрасно знал, что любовь была в основании всего, но ее-то я и называю причиной туманной, неясной и необъяснимой.

— Как же вы узнали, что именно это чувство побудило подсудимого приехать сюда?

— Эти вещи понимаются сами собой, господа, когда живешь с человеком. Сначала мы заехали туда на гору, где живет тетка этой девушки, и когда мисс Джиты там не оказалось, поехали к Неаполю. Вот и все.

Все это, действительно, так и было, и Итуэл говорил вполне естественным тоном, внушающим доверие.

— Вы говорите, что сопровождали Рауля Ивара сначала к жилищу родственницы той молодой девушки, а затем сюда. Но откуда, собственно, вы приехали? — спросил его капитан Куф, стараясь равнодушным тоном замаскировать расставляемую ловушку.

— Это смотря по тому, с какого времени начать считать, — невозмутимо ответил Итуэл, не поддаваясь. — Собственно первый мой выезд был из Америки.

— Нет, мы возьмем последний, предшествовавший вашему появлению здесь.

— А, я понимаю вас, капитан Куф, мы съехали с люгера, известного под названием «Блуждающего Огня».

— Я так и думал. Теперь скажите мне, где вы оставили люгер?

— Мы, собственно говоря, нигде его не оставили, так как едва мы с него сошли, как его и след простыл.

— Но где это было?

— На море, само собой, капитан Куф, подобной вещи не могло случиться на земле.

— Вне всякого сомнения. Но, видите ли, так как точное доказательство настоящего положения вещей может иметь очень важное значение для решения участи подсудимого, то нам и было бы желательно проследить все это дело обстоятельно.

— Я оставил люгер приблизительно в полуверсте от того места, где теперь стоит ваш фрегат, — вмешался Рауль, — но его здесь нет, как вы видите.

— Где же он теперь? Вы присягнули говорить правду, свидетель, отвечайте!..

— Я право затрудняюсь, капитан Куф; именно ввиду моей присяги, я по совести не могу вам ответить на этот вопрос. Никто не знает, где в настоящее время находится люгер, кроме тех, кто на нем.

Куф был немного смущен этим ответом, а капитан Лейон иронически улыбался и сам обратился к Итуэлу:

— Вы совершенно верно заметили, что только людям на борту люгера известно, где они находятся; но не скажете ли вы нам, где вы условились найти друг друга, когда сошли с судна, предпринимая ваше смелое путешествие?

— Я протестую против этого вопроса, как противозаконного, — отвечал Итуэл с такой силой и порывистостью, что прокурор вздрогнул, а прочие члены суда переглянулись с удивлением.

Затем, ввиду важности и затруднительности положения, суд удалился для совещания. После того как каждый высказал свое мнение по этому поводу решено было все-таки вторично предложить свидетелю этот вопрос, принимая во внимание его значение для дальнейших действий фрегата. Суд вернулся в комнату, где происходило разбирательство дела, и прокурор снова обратился к Итуэлу:

— Свидетель, суд постановил, что вы обязаны отвечать на этот вопрос. Итак, в каком месте условился Рауль Ивар встретится со своим экипажем?

— Не думаю, чтобы капитан Рауль о чем-нибудь условливался со своим экипажем; я, по крайней мере, не слышал. Да и не такой человек капитан Рауль. Он решает все один, а другие его слушаются, вот какой человек капитан Рауль.

— Бесплезно его спрашивать, — опять вмешался Рауль. — Я оставил судно здесь, как уже говорил вам, и в случае, если бы подал сигнал, прошлой ночью меня ожидали бы близ скал Сирен, но так как сигнал не был дан и время для него уже прошло, то более чем вероятно, что мой старший лейтенант отправился на другое условленное между нами место, о котором свидетель не знает и которого я, конечно, никогда вам не назову.

Рауль сохранил полное самообладание и твердость, держал себя так спокойно и с таким достоинством, что не мог не внушать к себе невольного уважения. Его ответ сделал бесполезным дальнейший допрос Итуэла, и после нескольких незначительных замечаний со стороны прокурора оставалось только выслушать оправдание подсудимого.

— Господа, — начал Рауль, — я не скрыл от вас своего имени, своей национальности, характера и профессии. Я — француз и ваш враг так же, как и враг Неаполитанского короля; я одинаково истреблял как ваши, так и его суда. Если вы отпустите меня на мой люгер, я примусь опять за прежнее. Все враги Франции — враги Рауля Ивара. Такие достойные моряки, как вы, господа, не могут этого не понять. Я молод, у меня не каменное сердце, и меня не могут не трогать красота, скромность и добродетель другого пола. Я полюбил Джиту Караччиоли и вот уже год как добиваюсь ее согласия выйти за меня замуж. Должен признаться, что она не поощряет меня в этом направлении, но от этого она ничего не теряет в моих глазах. Мы расходимся с ней во взглядах на религию, и я думаю, что, отказав мне в своей руке, она сочла за лучшее удалиться из Арджентаро, чтобы больше не встречаться со мной. Таковы девушки, господа, но мы, как вам должно быть известно, мы не так легко соглашаемся на подобную жертву. Я узнал, куда отправилась Джита, и последовал за ней. Ее красота, как магнит, притягивала мое сердце. Необходимо было войти в Неаполитанский залив и пройти среди неприятельских судов, чтобы разыскать ту, которую я любил; но это совсем не то, что взяться за гнусное ремесло шпионажа. Кто бы из вас, господа, поступил иначе? Я вижу молодых среди вас, они должны сознавать силу красоты; да и другие, более пожилые господа, верно, испытали в свое время подобные страсти,

присущие всем людям. Господа, мне больше нечего сказать, вы знаете все остальное. Если вы осудите меня, то осудите как несчастного француза, сердце которого оказалось слишком слабым, но не как подлого и вероломного шпиона.

Сила и искренность этой речи не прошли бесследно, и если бы решение зависело от воли сэра Фредерика, подсудимый был бы немедленно оправдан. Но Лейон не понимал любви и к тому же обладал неудержимым духом противоречия, не допускавшим его легко соглашаться с чужими мнениями. Подсудимого увели, а судьи приступили к обсуждению дела.

Было бы несправедливостью перед капитаном Куфом не сказать, что он почувствовал некоторую долю сострадания к мужественному врагу; и если бы решение зависело от него, то он отпустил бы его на борт «Блуждающего Огня», дал бы ему отъехать на известное расстояние и затем снова начал бы свою погоню за ним. Но решение зависело не от него одного, да к тому же его связывало присутствие королевского прокурора, не обладавшего большей мягкостью, чем сам Лейон.

Результат совещания, длившегося добрый час, оказался роковым для подсудимого. Двери открыли, подсудимого ввели и прочли приговор. Он заключался в том, что Рауля Ивара, пойманного переодетым среди враждебных ему союзных эскадр, как шпиона, присудили к повешению завтра на одном из английских судов, по указанию главнокомандующего.

Так как Рауль и не ожидал ничего другого, то он выслушал приговор спокойно и вежливо и с достоинством поклонился военному совету, после чего его увели, чтобы заковать в кандалы, согласно установленному для подобных случаев обычаю.

Глава XIX

Свет не более как заглавие книги, и это заглавие не заключает ничего.

— Свет не более, как лицо.

Если кто-нибудь покажет свое сердце, его упрекнут в наготу и будут презирать.

Юнг

Болт не был призван к суду, так как относительно его судьбы возникало много затруднений и разногласий. Капитану Куфу дано было полномочие неограниченного произвола в подобных случаях, но в нем заговорило чувство гуманности по отношению к иностранцу, насильно завербованному в число английских матросов. Куф решил взять Итуэла обратно на свое судно на том основании, что он не может быть подвергнут суду, пока не докажет своей национальности — к такому выходу из затруднительного положения нередко прибегали капитаны, желавшие

избежать необходимости произнесения смертного приговора. Во всяком случае Куф решил переговорить об этом с адмиралом, который далеко не был чужд снисходительности, когда не был под влиянием прекрасной сирены, у которой он находился в положении покорного раба.

После произнесения приговора над Раулем и после того, как он был уведен из комнаты совещания военного совета, суд поспешил немедленно отправить лодку к Нельсону, чтобы отвезти ему копию с судебного приговора для подписи. Затем возникли горячие прения относительно местонахождения люгера «Блуждающий Огонь» в настоящее время и способах изловить его, что всех сильно занимало. В одном все были согласны, это — что люгер не должен быть далеко, — но где именно? Этого никто не мог сказать. Офицеры были отправлены на все прибрежные высоты Капри, откуда можно было обозреть море по всем направлениям на большом протяжении; но все было безуспешно, люгер как в воду канул.

Большая часть дня прошла таким образом, потому что полное затишье в воздухе не позволяло ни одному из судов двинуться в путь. Капитан Куф настолько был уверен в том, что преследуемый люгер находится неподалеку, что даже сделал уже некоторые приготовления к новой атаке, рассчитывая на этот раз на большой успех ввиду соединенных сил трех судов. Но вот возвратилась и последняя лодка, посланная на разведку к острову Искии, и с тем же результатом — нигде никаких признаков «Блуждающего Огня».

Куф разговаривал с другими двумя капитанами в то время, когда ему принесли это последнее известие.

— Меня уверяли, — сказал он, — что этот Рауль Ивар имел смелость входить во многие из наших портов под английским флагом и оставаться в них, не возбуждая подозрения, сколько ему заблагорассудится. Не пробрался ли он и теперь в глубь залива? Около городского мола такое множество разнообразных судов, что при некоторых незначительных изменениях во внешнем виде такое небольшое судно, как люгер «Блуждающий Огонь», могло не обратить на себя ничьего внимания. Что вы об этом думаете, Лейон?

— Действительно, капитан Куф, таков закон природы: мелкие предметы теряются перед лицом крупных, и то, что вы говорите, вероятно. Нет лучшего средства укрыться, как затеряться в массе.

— Может быть, это и верно, Лейон, — проговорил сэр Фредерик, — но мне что-то не верится, чтобы французское судно, большое ли, маленькое ли, осмелилось бросить якорь перед самым носом Нельсона.

— Это было бы вроде того, как если бы ягненок улегся перед волком, — сказал Куф. — Винчестер, не наша ли идет лодка?

— Как же, капитан, это возвращаются с ответом от Нельсона. Рулевой!

— Рулевой! — сурово крикнул Куф. — Вы невнимательны к вашим обязанностям! Наша лодка почти подошла к нам, а вам и дела нет!

Рулевой ничего не возразил, приученный к строгой дисциплине и безмолвному послушанию. Офицер, отвозивший Нельсону постановление военного совета, поднялся на палубу «Прозерпины» и вручил капитану Куфу ответ адмирала.

— Посмотрим! — сказал Куф, вскрывая пакет у себя в каюте, куда он удалился с обоими командирами. «Одобряю. Приговор должен быть приведен в исполнение на палубе фрегата „Прозерпина“ завтра днем между восходом и закатом солнца».

Затем следовала хорошо всем знакомая подпись Нельсона. Это было то, чего и ожидал Куф, даже чего он желал; но он предпочел бы больший простор в выборе времени для исполнения

приговора. Не следует думать, будто Куф отличался особенной мстительностью и жестокостью. Нет, он рассчитывал на другое: объявлением подписанного адмиралом смертного приговора он надеялся добыть от Рауля сведения о местонахождении люгера, а затем, опираясь на его признание, испросить для него помилование и задержать его у себя в качестве военнопленного. Куф не был высокого мнения о корсарах и предполагал, что человек, для своих личных выгод вступивший в борьбу, не остановится перед возможностью спасти свою жизнь ценой выдачи тайны; морскому офицеру, состоящему на службе у французской республики, он не решился бы сделать подобное предложение.

Сэр Фредерик и Лейон были того же мнения, а потому возможность взятия «Блуждающего Огня» все они считали делом решенным.

— Однако это очень печально, Куф, — заметил сэр Фредерик своим ленивым тоном, — когда нет другого выбора, как предать своих друзей или быть повешенным.

— Так, так, Дэшвуд, — отвечал Куф, — никто, вероятно, и не находит его положение приятным. Чего бы я не дал, чтобы поскорее покончить с этим ненавистным люгером! Ну, да теперь недолго ждать.

В эту минуту в каюту буквально ворвался Гриффин, не предупредив даже о своем приходе обычным стуком в дверь.

— Что случилось, Гриффин? — холодно спросил его Куф.

— Простите, капитан, — начал Гриффин, тяжело дыша, так как он торопился сообщить новость, — часовой, оставленный на высотах Кампанеллы, сейчас дал знать, что он видит люгер на юго-востоке, приблизительно в окрестностях горы Пиане, и это нам как нельзя более теперь кстати: ветер уже поднимается.

— Превосходная новость! — воскликнул Куф, потирая руки от удовольствия. — Распорядитесь, Гриффин! Скажите Винчестеру, чтобы снимались с якоря и другим бы судам об этом передали. Ну, господа, игра начинается, и остается только хорошо ее разыграть. Теперь распределим наши обязанности. Так как «Прозерпина» лучшее из трех судов (при этом сэр Фредерик иронически улыбнулся, а Лейон поднял брови, как будто услышал нечто совершенно новое для себя), то она пойдет вперед, а вы, сэр Фредерик, только после солнечного заката последуете за мной; вы же, Лейон, переждете, когда наступит уже совершенная ночь. Таким образом мы преградим все пути отступлению и, наверное, удачно выполним свое дело; окруженный со всех сторон нашими судами и лодками, загнанный в залив, он принужден будет сдаться.

— Прекрасно задуманный план, капитан Куф, — заметил Лейон. — Только иногда случается, что вместо того, чтобы его вогнать между берегом и нами, мы сами окажемся загнанными к берегу, а неприятель останется снаружи. Что тогда делать?

— Пуститься за ним в погоню, и тогда видно будет, что надо кому из нас делать. А теперь, господа, простите за негостеприимность, но «Прозерпине» пора пуститься в путь, так как путь ей предстоит не малый, а сами вы знаете, можно ли очень рассчитывать на ветер в это время года.

Куф так торопился, что его гости немедленно поднялись. Вернувшись на свой фрегат, сэр Фредерик потребовал себе обед, на который пригласил некоторых из своих офицеров. После обильного обеда он часа два пиликал на скрипке, затем отдал необходимые приказания первому лейтенанту и больше уже не заботился о своем фрегате.

Капитан же Лейон, поднявшись на свой корвет, прежде всего распорядился, чтобы принялись за починку по меньшей мере в восьмой или девятый раз нескольких старых парусов, после чего он приступил в одиночестве к довольно умеренному обеду.

Совсем иное происходило на «Прозерпине». Работа кипела, и в скором времени фрегат на всех парусах уже огибал вершину Ана-Капри. Дул попутный ветер, и ход судна не обманул ожидания командира.

Когда солнце зашло и все кругом оделось легким туманом, с фрегата «Прозерпины» можно было смутно различить вдали темную точку — то была «Терпсихора», двинувшаяся по следам первого фрегата. Сэр Фредерик ужинал у себя в каюте с приглашенными офицерами, но на палубе у него находился умелый и добросовестный старший лейтенант, строго придерживавшийся данных ему инструкций, и настолько опытный, что в случае какой-нибудь неожиданности мог распорядиться и самостоятельно.

На корвете капитана Лейона в это время шла усиленная починка старых парусов, которые обязательно надо было исправить прежде, чем отправиться в путь. Но вот и для корвета наступило время отплытия, и он снялся с якоря.

Когда он шел уже полным ходом, капитан Лейон позвал к себе в каюту своего старшего лейтенанта.

— Посмотрите, Мак Бин, — сказал Лейон, указывая ему на разложенную на столе карту, — капитан Куф должен теперь находиться как раз около Пиане, а сэр Фредерик вот здесь. Должен же стоять чего-нибудь этот люгер, если на него пускают такую солидную облаву! Говорят, эти корсары большие любители золота, да если принять во внимание стоимость самого судна, да перерыть там все сундуки — меня бы не удивило, если бы этот приз дал от восьми до десяти тысяч фунтов стерлингов! Недурно было бы для экипажа корвета, но сущая безделица, если разделить между экипажами трех судов. И этим учетом мы обязаны адмиралу. Что вы об этом думаете?

— Совершенно то же самое, что вы мне сейчас сказали, капитан. Придется делить на три части долю каждого лейтенанта, как и каждого капитана.

— Вот именно. Нет никакой необходимости пройти так далеко, как предписал капитан Куф, потому что в случае, если загонят этот люгер в залив, он естественно прежде всего захочет выбраться из него к этому мысу, и тут-то мы его и встретим. Вы следите за моей мыслью?

— Вполне, капитан, и обо всем позабочусь.

— Если мы возьмем люгер перед наступлением полной темноты, когда капитан Куф и сэр Фредерик не будут даже знать, где он, то как они могут нам помочь овладеть им?

— И вы желаете, чтобы мы смотрели во все глаза в эту ночь, капитан Лейон?

— Несомненно. Чем лучше будем смотреть, тем скорее захватим добычу. Согласитесь, что было бы жаль разделить на троих то, что мы можем получить одни.

Вот с какими мыслями отправились три капитана на поимку люгера. Куф главным образом из честолюбия желал овладеть им, отчасти, может быть, и удовлетворяя чувство мести за причиненные ему потери. Сэр Фредерик думал только о том, чтобы как-нибудь убить время, предоставив все заботы своему старшему лейтенанту; капитаном Лейоном руководил личный корыстный расчет.

Час или два спустя после захода солнца, собираясь лечь спать, Куф послал за своим старшим лейтенантом, приглашая его к себе, если он еще не лег в постель. Винчестер занят был составлением своих личных заметок, но сейчас же пошел на призыв капитана.

— Добрый вечер, Винчестер, — дружески и фамильярно обратился к нему капитан, из чего лейтенант понял, что его призвали не для выговора. — Садитесь и попробуйте этого славного винца.

— Благодарю, капитан. Это, действительно, очень хорошее вино. Я слышал, капитан, что адмирал подписал решение Совета, и этого француза повесят завтра на нашем судне?

— Так гласит бумага; если же он укажет нам, где стоит его люгер, он будет помилован. Но теперь обстоятельства так сложились, что мы возьмем этот проклятый «Блуждающий Огонь» и будем за это обязаны только самим себе.

— Так оно и лучше, капитан. Неприятно слышать, когда человек выдает своих товарищей.

— Я с вами согласен, Винчестер; однако нам во что бы то ни стало надо захватить этот люгер. Но я вас позвал собственно по поводу Вольта. Надо как-нибудь порешить с этим плутом.

— Это совершенно несомненный случай дезертирства, капитан, и даже дезертирства к врагам. Я предпочел бы видеть повешенными десять подобных ему негодяев, чем того француза.

— Вы не злопамятны, Винчестер. Забыли вы Порто-Феррайо и гонку на лодках? Или вы любите ваших врагов, как предписывает Евангелие?

— Все шло совершенно правильно в том деле, о котором вы говорите, капитан, и мне не в чем упрекнуть мистера Ивара. Совсем другое дело — Больт! Беглый негодяй, предоставляющий другим отстаивать интересы своей родины, в то время когда сам поступает на службу ее врагов!

— Вот в этом-то и вопрос, Винчестер. Интересы «своей» ли родины отстаивал он на нашем фрегате?

— Мы его взяли как англичанина на наше судно. Или, капитан, вы верите его рассказам о том, что он янки? Будь это правда, то мы уже оказали ему величайшую несправедливость, какая только возможна, но я не верю этим уверткам и всех, прибегающих к ним, считаю не иначе, как бунтовщиками, поступаю с ними соответствующим образом.

— Прекрасное средство усыпить свою совесть, Винчестер. Но дело становится слишком серьезным, когда касается жизни человека. А я не уверен в том, что он не американец, также и относительно некоторых других из нашего экипажа.

— Но в таком случае почему он не представит доказательств своей национальности?

— Это не всегда возможно. Откуда ему взять все нужные для того бумаги?

— Но тогда вам остается только отпустить всех, в чьем происхождении вы не уверены, капитан!

— Большая разница — отпустить или повесить, Винчестер. Нам недостает рук в настоящую минуту, мне бы надо было по меньшей мере еще человек восемнадцать-двадцать, чтобы привести фрегат в полный порядок. А Больт совсем не бесполезный человек, он мастер на все руки — словом, мы не можем обойтись без него.

— Как же думаете вы поступить, капитан?

— Я думаю опять взять его в свой экипаж. Если он действительно американец, то в его поступке нет ни дезертирства, ни измены. Нельсон дал мне произвольную власть, и я воспользуюсь ею, чтобы успокоить нашу совесть и получить пользу. Через год, может два, мы вернемся в Англию, и там можно будет основательно разобрать вопрос о его национальности, а до тех пор, я полагаю, Больт только может радоваться предлагаемым ему условиям.

— Может быть, капитан. Но что скажет экипаж при виде такой безнаказанности проступка?

— Я уже думал объявить его королевским свидетелем. Знаете вы, что это такое? Это когда, за неимением никого другого, свидетелем является соучастник обвиняемого, получающий таким образом помилование в награду за выдачу товарища. Болът, как вам известно, служил свидетелем в деле Ивара.

— Это возможно, капитан, но тяжеленько тогда придется бедняге — матросы ненавидят доносчиков более, чем преступников.

— Все же это лучше, чем быть повешенным, Винчестер. Плут будет рад, что дешево отделался. К тому же вы присмотрите, чтобы его уж не слишком преследовали. Итак, Винчестер, распорядитесь, чтобы с него сняли кандалы и объявите ему о его судьбе, прежде чем ляжете спать.

Вот каким образом решена была участь Итуэла Болъта, по крайней мере, в настоящую минуту. Если бы разбирательство его дела досталось Нельсону, то можно было бы безошибочно предсказать, что он был бы безусловно отпущен, так как весь нравственный облик адмирала был слишком возвышен, чтобы заведомо допустить всю вопиющую несправедливость требования службы со стороны насильно завербованного в матросы иностранца. Но теперь все сложилось иначе, и Винчестер, согласно приказанию капитана Куфа, разбудил каптенармуса и велел ему расковать американца.

— После всего происшедшего сегодня, Болът, — обратился к нему лейтенант, повышая голос настолько, чтобы его могли слышать все присутствующие поблизости матросы, — капитан приказал снять с вас цепи и вернуть вас к вашим прежним занятиям. Вы должны оценить снисходительность капитана, Болът, и не забывать, что вы были на волос от смерти. С завтрашнего утра вы вступаете в свою прежнюю должность.

Итуэл был достаточно хитер, чтобы промолчать в ответ. Он прекрасно понял, в силу каких соображений его пощадили, и решил, что не пропустит первого могущего представиться случая для вторичного бегства. Однако мысль Куфа выдать его за государственного свидетеля, предавшего своего друга, вовсе ему не нравилась, так как, по общему убеждению матросов, это был большой грех, чем тысяча преступлений. Винчестер не мог уловить того, что происходило в голове Болъта; поболтав еще немного с дежурным офицером, зевнув раза два, он отправился в свою каюту, бросился на койку и через какие-нибудь пять минут уже спал крепким сном.

Глава XX

Последний проблеск надежды, являющийся взору несчастного, блестит, как белый парус, который видят в море, когда горизонт наполовину покрыт тучами, наполовину освещен дневным светилom и который виден на границе темных волн и неба.

«Остров»

Рано утром на следующий день капитаны Куф и Лейон стояли уже на палубах своих судов, пылливо всматриваясь в окружающие предметы. Даже сэр Фредерик Дэшвуд разрешил дежурному офицеру разбудить себя и сообщить о положении вещей.

Куф поднялся еще за полчаса до восхода солнца и теперь вместе с подошедшим к нему Гриффином присутствовал при появлении первых лучей, озаривших дивную панораму полного пробуждения дня.

— Я не вижу ровно ничего там, вдоль берега, — заметил Куф.

— Я различаю что-то темнеющее вот около тех развалин, о которых мы слышали столько чудесного. Но ничего похожего на оснастку люгера.

— А в той стороне, Гриффин? Но это слишком велико для «Блуждающего Огня».

— Это, должно быть, «Терпсихора», капитан; она как раз должна быть в этом месте. Но вот какие-то удаляющиеся паруса, туда, к северу; возможно, что это люгер.

— Это непременно люгер, он, очевидно, все время скрывался в окрестностях Амальфи.

«Прозерпина» шла хорошим ходом по направлению предполагаемого люгера; но по мере того, как расстояние между двумя судами уменьшалось, возникало все больше и больше сомнений относительно того, люгер ли это на самом деле.

«Терпсихора» следовала за первым фрегатом; но уже два часа спустя все убедились, что судно, ошибочно принятое за люгер, было не что иное, как корвет Лейона. В своем желании опередить оба фрегата и захватить люгер раньше, чем другие его заметят, капитан Лейон нарушил предписание Куфа и обманул его ожидания.

— Не может быть никакого сомнения, что это большое судно и даже, по всей вероятности, именно корвет Лейона! — воскликнул капитан Куф с явной досадой. — Но, черт его знает, что он там делает? Разве он заметил что-нибудь подозрительное?! Мы это сейчас сами узнаем.

У всех пропала надежда на удачу. Решили, что часовой, сообщивший о люгере, ошибся, приняв за него какую-нибудь фелуку. Но как-никак, а ошибка была сделана на фрегате «Прозерпина», и виновником оказывался очень опытный и пользующийся общим доверием офицер, который давно уже дослужился бы до звания лейтенанта, если бы не его несчастное пристрастие к вину. Теперь он подъезжал к борту фрегата на лодке со своего сторожевого поста, и Куф не мог скрыть своего раздражения против своего любимца и, как всегда в таких случаях, ушел к себе в каюту, приказав, чтобы того ему прислали немедленно, как только он появится на палубе «Прозерпины».

— Что же это значит, сударь! — закричал Куф, пронзительным и резким голосом, когда в дверях показалась голова злополучного офицера с красным и в то же время смуглым лицом, с правильными чертами. — За кем это вы нас заставили гоняться? И теперь благодаря вам мы туда зашли, откуда неизвестно когда выберемся по милости ветра.

Клинч по опыту знал, что в таких случаях надо дать гневу начальники излиться беспрепятственно, а потому не возражал; единственно, что он позволял себе в таких случаях, это выражение некоторого недоумения и сожаления на своем лице, как будто говорившем: «Но что же я такое сделал? А если я действительно в чем-нибудь виноват, то вы видите, как я об этом сокрушаюсь».

И это немного комическое его выражение всегда влияло смягчающим образом на расхвалившегося командира.

— Извольте же объясниться, по крайней мере, — закончил, наконец, Куф, передохнув.

— Будьте любезны, капитан, скажите мне, что я должен вам объяснить? — возразил Клинч с ясно выраженным недоумением.

— Это мне нравится! Но, послушайте, как можно было понять ваш сигнал? Разве вы действительно видели «Блуждающий Огонь»?

— Видел, и я вижу, капитан, что поданные мной сигналы были поняты совершенно правильно. Я видел люгер около южной части Капри — я не мог ошибиться, слишком характерна внешность этого люгера, и кто раз его видел, тот навсегда запомнит.

— Но куда же он в таком случае девался?

— Я полагаю, капитан, что, пользуясь ночной тьмой, люгер проскользнул незамеченным и ушел из залива в открытое море; на это у него хватило смелости. Но что это был именно тот люгер, это несомненно, я его видел на расстоянии не более четырех миль!

— Четырех? Я полагал, что на восьми, по крайней мере. Почему вы не дали нам знать о расстоянии?

— У меня не имелось для этого надлежащих сигналов, да и к тому же...

— Что к тому же? Говорите.

— Я полагал, что на фрегате никто не может сомневаться в том, что небольшой люгер не может быть виден на расстоянии восьми-девяти миль.

На самом деле «Блуждающий Огонь», которого действительно видел Клинч, прошел ночью между обоими фрегатами никем не замеченный под благодатным покровом ночи и направился в пространство между Парни и Искией, пересекая как раз последнее место стоянки трех судов. Оставляя люгер, Рауль условился относительно сигналов со своим старшим лейтенантом Пентаром; но тот напрасно прождал в обоих указанных пунктах: он не получил никакого сигнала от своего капитана, да и не мог получить, как мы знаем. Замеченные с люгера корвет и два фрегата были им приняты за отправлявшиеся на Мальту и в Сицилию, а сам люгер до наступления ночи спасало от посторонних глаз частью отсутствие верхних парусов, что практикуется корсарами именно во избежание быть замеченными, частью скалы, до некоторой степени прикрывавшие его. Клинч же не мог видеть дальнейшего движения «Блуждающего Огня», так как поспешил со своими матросами отыскать какую-нибудь деревушку, где можно было бы приютиться на ночь, как только увидел, что «Прозерпина» откликнулась на подаваемые сигналы.

— Где вы переночевали, Клинч? Надеюсь, не под открытым небом на той возвышенности? — спросил Куф после того, как уже исчерпан был весь материал, касающийся люгера.

— Как нельзя лучше, капитан, в деревне, где нас и приютили, и накормили.

— И вы не надеялись растерять ваших людей, Клинч? Вино и хорошенькие девушки — такая приманка для наших матросов.

— Как видите, мы возвратились в полном составе. И вообще мне ни разу не случилось терять моих людей.

— Вероятно, вы выбрали с собой женатых?

— Напротив, я совершенно не этим руководствовался. Наши семьянины еще хуже холостых, капитан, они рады избавиться от своих жен.

— Да, это, пожалуй, верно. А вы сами женаты, Клинч? Я слышал, что-то говорили.

— Ради самого неба, капитан Куф! Это одна из сказок наших мичманов. Если верить половине того, что они сочиняют, можно утратить все нравственные и религиозные понятия. На нашем фрегате в настоящее время такие сумасбродные мичманы, что надо только удивляться тому, как справляется с ними Винчестер.

— Мы с вами тоже были молоды, Клинч, не будем слишком строги к молодежи. Но расскажите-ка, как же вы устроились на ночь?

— Так хорошо, как только может быть вне Англии. Бок о бок с одной старой женщиной по имени Джунтотарди — итальянской фелукой, наверное, сооруженной шестьдесят лет тому назад.

— А!.. Но вы немного понимаете по-итальянски, если не ошибаюсь?

— Я так много ездил по свету, что кое-что удержал из каждого языка — все, знаете, пригодится, когда захочешь достать чего-нибудь поесть или выпить. Так вот она мне рассказала целую историю, так как была в большой тревоге и сильно огорчена. К ней, видите ли, приехали погостить брат и племянница да отправились в Неаполь, откуда должны были возвратиться еще третьего дня вечером, а между тем их нет и до сих пор. Она спрашивала, не повстречалась ли нам их лодка.

— С нами Бог, Клинч, мы напали на след, и я сожалею, что вы об этом ничего не знали. Наш арестант ссылался на то, что был в этой местности, и от этой женщины мы могли бы кое-что разузнать, если бы ее половчей выспросить. Надеюсь, что вы расстались друзьями?

— Лучшими в мире, капитан. Мне всегда друг тот, кто меня пригреет и накормит.

— Я в этом не сомневаюсь, Клинч, вы верный человек.

Легкая судорога передернула лицо честного моряка, и его глаза забегали по всей комнате, кроме лица его командира. Он знал, что давно пора ему было повиситься по службе, и также знал, что служило ему помехой.

— Я служу верой и правдой своему королю, а он кормит меня ложкой подшхипера и укрывает в трюме, — проговорил Клинч, отпивая грог.

— Мы с вами давно вместе служим, Клинч, — мягко возразил ему Куф, — мне знакомо ваше положение, и вы не обидитесь на меня, если я скажу вам, что всему виной ваш любимый враг, который вам тем более вредит, чем вы чаще к нему прибегаете. Вы понимаете меня, Клинч?

— Да, капитан, и я не могу не согласиться с вами. Но тяжела жизнь без всякой надежды впереди.

Эти слова, произнесенные с неподдельной тоской, вообще свойственной Клинчу, тронули Куфа. Он вспомнил, как они оба с Клинчем одновременно служили мичманами и какая теперь разница в их служебном положении.

— Конечно, тяжела жизнь без надежды, — начал опять Куф, — но надежда — это последнее, что должно умереть в человеке. Вы должны еще раз испробовать свои силы, прежде чем окончательно отказаться от всякой надежды.

— Если я об этом думаю, капитан, то не столько ради себя, сколько ради моих родных. Когда мой отец, пользующийся общим уважением купец в Плимуте, отдал меня в морскую службу, он

надеялся, что я со временем стану выше его по общественному положению. И вот, вы видите, я занимаю положение скорее низшее сравнительно с ним.

— Но это может быть переходной ступенью, Клинч. Почему вы ставите крест на возможности вашего повышения?

— Подшкипер в мои годы, капитан, — это безнадежно.

— Но вы, должно быть, моих лет, Клинч? Сколько вам?

— Тридцать два, капитан. А моя мать мечтала видеть меня на более видном месте... И еще одна молодая особа, подарившая всю свою привязанность человеку недостойному.

— Вот это новость для меня, Клинч! — с любопытством обернулся к нему Куф. — Я почему-то никогда не думал о возможности женитьбы с вашей стороны. К тому же люди вашего положения редко женятся.

— Мы с Джейн решили ждать более благоприятного времени и не торопиться со свадьбой.

— А справедливо ли это, Клинч, держать таким образом молодую девушку на буксире без ее ведома, куда ее ведут, в таком возрасте, когда она могла бы, может быть, найти хорошую гавань и бросить якорь на всю жизнь?

Глаза Клинча поднялись к лицу его капитана и подернулись слезой. Он не дотрагивался до своего стакана с тех пор, как разговор принял это последнее направление, а на лице, обыкновенно бесстрастном, отразилось сдерживаемое глубокое волнение.

— Это не моя вина, капитан, — отвечал он, понижая голос, — вот уже шесть лет, как я прошу ее забыть обо мне, но она и слышать не хочет. Ей представлялись случаи выйти замуж, и я уговаривал ее, но она отвечала мне на это, что считает святотатством даже думать об этом и что выйдет не иначе как за моряка, или останется незамужней.

— Вероятно, вы ей внушали какие-нибудь романтические идеи относительно нашей службы, и поэтому вам и трудно было убедить ее, что вы ее уговариваете ради ее же блага.

— Джейн Вестон и романтические идеи! О нет, капитан, нет. В ее характере нет и тени чего-нибудь романтического, так же как не найти его на белой бумаге над заглавными словами «молитвенник». Она вся сердце. И это сердце она целиком отдала мне, и мне никогда с ней не расквитаться! Для меня необъяснимая загадка, как мог я так твердо укрепиться там.

Клинч еще хорошо сохранился, и его можно было назвать даже красивым человеком, хотя ветер, солнце, усталость и пристрастие к вину наложили свою печать на его лицо, от природы открытое, честное и привлекательное. В настоящую минуту на этом лице преобладало выражение почти отчаяния от сознания его неудавшейся жизни. Куф был искренне тронут его страданиями, и опять ярко вспомнилось ему время их общего мичманства, когда для дальнейшей карьеры за Куфом было одно только преимущество более высокого происхождения. Клинч был превосходный моряк, смелый, как лев, и пользовался значительной долей общего уважения, устоявшего даже перед его несчастным недостатком. Забывая различие положения, Куф протянул руку своему старому товарищу и сердечно пожал ее, говоря ему ласковые, дружеские слова, полные доверия, от чего Клинч уже давно отвык.

— Мой честный друг, — говорил он ему, — еще не все пропало, в вас еще не все умерло, надо взять себя в руки, напрячь все силы, и кто знает, может быть, через каких-нибудь несколько месяцев представится случай, который даст вам возможность жениться на вашей бедной Джейн и порадовать сердце вашей старой матери.

Бывают минуты в жизни человека, когда ласковое участие производит внезапный поворот в его судьбе. Так было и теперь с Клинчем. Нежные письма его невесты, никогда не позволявшей себе ни малейшего упрека, каждый раз повергали его в глубокое отчаяние, но не изменили его привычек. Дружеское же, гуманное обращение к нему его капитана, человека значительно высшего перед ним по своему рангу, совершенно потрясло его. Он плакал и сжимал почти судорожно руку капитана.

— Что мне делать, капитан? — воскликнул он. — Я всегда добросовестно исполняю свои обязанности, но когда я не бываю занят, на меня нападает такая невыносимая тоска, что единственным исходом служит вино.

— Я бы посоветовал совершенно отказаться от него, Клинч; отказаться даже от вашей ежедневной порции. Знаете, раз уже человек имеет подобного рода влечение, ему трудно ограничиться известной мерой, а стоит перейти границу, и он утрачивает самообладание и теряет рассудок. Нам теперь предстоит очень большое дело, и я могу возложить на вас важное поручение, которое сразу выдвинет вас. Ночь, проведенная вами под крышей той старой женщины, может принести вам большое счастье. Только не загораживайте себе пути к этому счастью.

— Бог да благословит вас, капитан Куф! Бог да вознаградит вас! — дрожащим голосом повторял Клинч. — Я употреблю все старания, чтоб последовать вашему совету.

— Думайте о вашей матери, думайте о вашей бедной Джейн! Когда подобная женщина вверяет все свое счастье человеку, то надо быть негодяем, чтобы не оправдать ее ожиданий.

Клинч застонал. Капитан коснулся открытой раны, но это было сделано с целью излечить. Отерев пот, выступивший у него на лбу, Клинч овладел собой до некоторой степени и казался более спокойным.

— Если бы дружеская рука указала мне, капитан Куф, где я могу найти те земные блага, которых лишился, моя благодарность не имела бы границ!

— Так вот, я и хочу вам сказать: Нельсон придает большое значение поимке этого люгера, и офицер, причастный к успеху этого предприятия, может смело рассчитывать на его внимание. А я вам доставлю все от меня зависящие средства выдвинуться. Ступайте, оденьте ваш лучший мундир, чтобы в вас видели джентльмена, каким, я знаю, вы можете быть, и приготовьтесь к немедленному отплытию на лодке. Я вам дам поручение, которое послужит началом вашему счастью, если вы останетесь верны вашей матери, Джейн и себе самому.

Эти речи вдохнули новую жизнь в душу Клинча, и как бы яркий луч прорезал густые потемки его будущности. Даже сам Куф был поражен жизнью, блеснувшей в его чертах, и живостью его движений и не мог не упрекнуть себя за свое невнимание до настоящей минуты к участи человека, имевшего некоторые права на его дружбу.

Не прошло и получаса, как Клинч в своем лучшем мундире появился на палубе корабля. Это вызвало всеобщее удивление, но, подчиненные строгой дисциплине военного судна, офицеры ни словом не выразили своего любопытства. Клинч переговорил с капитаном с глазу на глаз, получил от него приказания и спустился с сияющим лицом в капитанскую гичку, лучшую из лодок фрегата, уже спущенную на воду по распоряжению Куфа. Едва он сел в нее, как гичка двинулась по направлению возвышенности Кампанеллы, находившейся в трех милях от фрегата. Никто не знал, куда и зачем он был отправлен, но каждый предполагал, что его поручение имеет отношение к люгеру и требует для своего успеха опытного моряка. Что же касается Куфа, то тревожное и озабоченное выражение, не сходившее с его лица с самого утра, сменилось спокойным и удовлетворенным, когда он увидел, с какой быстротой удалялась его гичка.

Глава XXI

Его счастье сковано с его жизнью. Тот, кто хотел бы лишиться его одного из этих благ, должен отважиться напасть и на другое, или оба потерять самому.

Фатам

Не оставалось никакого сомнения в том, что «Блуждающего Огня» не было в Салернском заливе, так как наводили подзорные трубы по всем направлениям и не видели нигде никаких признаков присутствия этого судна. Раздосадованный Лейон должен был отказаться от своего первоначального плана и двинулся в направлении Кампанеллы. Куф, поджидая западного ветра, продолжал свой путь к северу, намереваясь дойти до Амальфи и выпросить всех встречных рыбаков. Но оставим его медленно подвигаться в этом направлении и займемся нашими четырьмя арестантами.

Джите и ее дяде было оказано полное внимание во все время их ареста. Жена констапеля находилась тут же на корабле, и так как это была женщина вполне порядочная, то Куф любезно поместил ее в одной большой комнате с Джитой; туда им приносили и пищу. Джунтотарди был помещен в соседней с ними каюте. Как дядю, так и племянницу ни в каком случае не считали преступниками, и капитан выжидал только удобного случая, чтобы высадить их на берег, после того как убедился, что от них нельзя получить никаких указаний относительно местонахождения лагеря.

Итуэл приступил к исполнению своих обязанностей на судне и был занят целое утро. Лодку, на которой приехали пленники, спустили на воду и взяли на буксир в ожидании возможности отдать ее Джунтотарди, так как она только мешала.

Совсем иное было положение Рауля Ивара. Он находился под строгим караулом в ожидании страшной минуты казни. Ожидавшая его участь была известна всем на фрегате и возбуждала общее участие, хотя и не произвела особенно потрясающего впечатления, благодаря тому, что в то военное время наказания, аресты и казни были явлениями слишком частыми, и ощущения, обыкновенно вызываемые ими в мирное время, значительно притупились. Но нашлись все-таки и такие люди, у которых участие к приговоренному доходило прямо до глубокого к нему сострадания. Так, Винчестер, человек в высшей степени гуманный, совершенно не помнил понесенного им от этого корсара поражения, забыл полученную рану и, располагая некоторой властью в качестве старшего лейтенанта, сделал все от него зависевшее для облегчения участи заключенного. Он поместил его посреди двух открытых пушечных портов, чтобы была постоянная циркуляция воздуха, обстоятельство далеко не маловажное, принимая во внимание жаркий климат; устроил ему род полотняной перегородки, чтобы никто не мешал его уединенным

размышлениям; приказал снять с него цепи, хотя в то же время принял все меры предосторожности, чтобы не дать ему возможности самому лишить себя жизни. Вероятность того, что он прыгнет в море через один из открытых пушечных портов, вызывавшая разногласие между первым и вторым лейтенантами, была, по-видимому, устранена строгим внушением страже бдительного надзора; да и Рауль выглядел таким спокойным и покорным, что устранял все подобные опасения. Наконец, самый ход судна был такой медленный, что Рауля всегда можно было успеть вытащить, если бы он на это решился. Да и если уж говорить правду, то многие из офицеров предпочли бы видеть его утонувшим, нежели повешенным на их фрегате.

Итак, Рауль провел ночь, следовавшую за объявлением ему приговора, и следующее утро в этом тесном заключении. Было бы неверно, если бы мы сказали, что он вполне равнодушно отнесся к своему положению. Напротив, одна только твердая решимость умереть мужественно, как подобало французу, по его мнению, спасала его от полного отчаяния в это мучительное время. Масса жертв, окончивших на гильотине свое существование, как-то установили обычай твердо идти на смерть, и редко кто поддавался слабости в эти последние минуты. Мужественный по натуре, много раз серьезно рисковавший жизнью, Рауль и теперь отнесся бы спокойнее к неизбежности своей скорой кончины, если бы его не притягивала к жизни как раз в настоящее время его любовь и молодость; он не мог примириться с тем, что терял, и ничто не давало ему никакого утешения в будущем. Свою судьбу он считал решенной и приговор объяснял не столько ошибочным обвинением в шпионаже, сколько давно накопившейся против него злобой у англичан за весь тот действительно немалый вред, какой он причинял их торговле. Рауль умел ненавидеть, и он глубоко ненавидел англичан, считая их не более как торговой нацией, ставя при этом свою профессию, далеко не лишенную алчности, неизмеримо выше. Он не знал и не понимал англичан, как и те в свою очередь не понимали его, чему подтверждением служит следующий разговор.

Узнику были сделаны два или три визита в течение утра; между прочим, его посетил Гриффин, считавший своей обязанностью развлечь осужденного среди его мрачных размышлений, что он мог сделать благодаря своему знанию языков. Твердость арестанта устраняла малейший оттенок грусти при этих разговорах. Винчестер, как мы уже сказали, огородил полотном небольшое пространство, где помещался Рауль, устроив ему таким образом род комнаты с двумя пушками на правой и на левой стороне, что давало более свободный доступ в нее воздуху и свету через открытые пушечные порты и делало ее менее тесной. Рауль обратил внимание на это необыкновенное убранство своего помещения во второе же посещение Гриффина. Он сел на один складной стул, предлагая Гриффину другой.

— Как видите, меня здесь охраняют два почтенных орудия с обеих сторон, господин лейтенант, и если бы от них должен я был получить смерть, то настоящая казнь, может быть всего на несколько месяцев, даже дней опережает нормальный ход событий.

— Поверьте, что мы вполне сочувствуем вашему положению, господин Ивар, — отвечал Гриффин с волнением, — и все предпочли бы встретиться с вами лицом к лицу в честном бою, каждый на своем корабле.

— Судьба судила иное. Но вы садитесь, господин лейтенант.

— Извините, господин Ивар, но я к вам собственно с поручением от капитана Куфа: он просит вас к себе в каюту на несколько минут, если вам это не будет неприятно.

Рауль был невольно тронут деликатным отношением к себе офицеров фрегата, которые действительно оказывали полное уважение своему смелому врагу; он научился лучше ценить их и теперь немедленно поднялся, выражая полную готовность исполнить желание капитана.

Куф поджидал его у себя в каюте, и когда те вошли, он вежливо пригласил их обоих сесть и заявил Гриффину, что просит его остаться не только в качестве свидетеля того, что сейчас намерен предложить, но и в качестве переводчика, если в этом встретится надобность. После короткого молчания капитан начал разговор на английском языке, и так как Рауль владел им довольно порядочно, то почти не понадобилось помощи Гриффина.

— Я весьма сожалею, господин Ивар, что такому храброму человеку, как вы, довелось очутиться в подобном положении, — сказал Куф. — Мы отдаем полную справедливость вашему мужеству и способностям, хотя, конечно, сделали все от нас зависящее, чтобы овладеть вами. Но военные законы поневоле очень суровы, и наш главнокомандующий не из тех, кто уклоняется от своих обязанностей.

— Господин капитан, — вежливо, но твердо ответил Рауль, — француз сумеет умереть за свободу и отечество.

— Я в этом не сомневаюсь, господин Ивар, но не вижу необходимости в том, чтобы дело зашло так далеко. Англия так же щедра на вознаграждения, как сильна в мести. Может быть, найдется средство пощадить жизнь такого смелого человека.

— Я не разыгрываю из себя героя, господин капитан, и если окажется какой-нибудь честный выход, то я буду только благодарен.

— Вот это я назову разумным ответом; я не сомневаюсь, что, поговорив откровенно, мы с вами пойдем друг друга как нельзя лучше. Гриффин, не хотите ли вина? Надеюсь, что и господин Ивар не откажется? Это хорошее каприйское вино, и оно очень кстати в такую жару.

Гриффин не отказался от предложения, хотя его лицо далеко не выражало того довольства, которым сияла физиономия Куфа. Рауль поблагодарил и с нескрываемым любопытством ожидал дальнейшего объяснения. Куф, несколько смущенный, медлил, но так как остальные молчали, то он начал:

— Да, сударь, Англия умеет карать своих врагов, но она же умеет и прощать их. Это несчастье, что вы попали под суд в военное время.

— На какой выход вы намекали, капитан? Не стану скрывать, что я неравнодушен к возможности сохранения жизни, особенно ввиду позорной смерти.

— Я счастлив, что встречаю в вас такое настроение, господин Ивар! Оно значительно облегчает мне мою тяжелую задачу. Вам, без сомнения, известен характер нашего славного адмирала Нельсона?

— Кому не известно это имя, капитан, — сдержанно возразил Рауль, неудержимо поддаваясь своей естественной ненависти, несмотря на всю опасность своего положения.

— Да, его должны знать. Это железный человек и добивается во что бы то ни стало желаемого, не сходя, однако, с почвы законности. Итак, господин Ивар, говоря прямо, он сильно желает овладеть вашим «Блуждающим Огнем».

— А! — воскликнул Рауль, иронически улыбаясь. — Нельсон не единственный из английских адмиралов, возымевший такое желание. «Блуждающий Огонь» так прекрасен, господин капитан, что у него множество поклонников.

— Но Нельсон один из самых горячих, что значительно облегчает ваше дело. Вам стоит только отдать нам в руки этот люгер, и в обмен вам даруют жизнь и оставят военнопленным.

— И Нельсон уполномочил вас сделать мне подобное предложение? — серьезно спросил Рауль.

— Да, господин Ивар. Обязанный блюсти интересы своего государства, он склонен забыть нарушение вами закона, если ему удастся лишить врага средства вредить его народу. Отдайте ему ваш люгер, и он будет видеть в вас лишь случайного военнопленного. Сообщите нам только место, где он в настоящее время скрывается, а остальное уж мы берем на себя.

— Нельсон, без сомнения, исполняет свои обязанности, — серьезно возразил Рауль. — Его долг охранять интересы английской торговли, и он вправе предложить такого рода сделку; но нам приходится заключать договор не на равных условиях. Нельсон исполняет таким образом свой долг, тогда как я не могу...

— Вы можете сказать нам, какие вы дали распоряжения, оставляя ваш люгер, и где он теперь находится; этого с нас довольно.

— Нет, капитан, я этого не могу. Я не могу сделать того, что покроет меня бесчестьем. Когда дело касается измены, мой язык подчиняется самым суровым, не мною выдуманным, законам!

Если бы Рауль с театральным пафосом произнес эти слова, они не произвели бы впечатления на Куфа; но его спокойный, полный достоинства, убежденный тон обманул ожидания капитана. Никогда не осмелившийся бы обратиться с подобным предложением к морскому офицеру регулярного флота, он не ожидал встретить такую честность у корсара и даже готов был под первым впечатлением разочарования высказать эту свою мысль Раулю, но сдержался из чувства деликатности.

— Вы бы хорошенько взвесили это предложение, господин Ивар, — сказал капитан после довольно продолжительного молчания. — Дело слишком важное, чтобы так легко с ним порешить.

— Господин Куф, я извиняю вас, если вы сами можете себя извинить, — возразил Рауль с суровым достоинством и поднимаясь с места, как бы стремясь показать, что не желает более пользоваться любезностью искусителя. — Мне знакомо ваше мнение о нас, корсарах; но честный офицер должен очень призадуматься, прежде чем решиться искушать человека нарушить его долг. Тем осторожнее должен был бы действовать честный моряк, когда на карту поставлена жизнь человека и рассчитывают на его подавленное душевное состояние, чтобы пошатнуть его нравственные правила. Но, повторяю, я вам прощаю, если вы себе сами можете это простить.

Куф был сильно смущен; кровь прилила к его сердцу, а затем, казалось, выступила из всех пор его лица. Но он скоро овладел собой и взглянул на дело свойственным ему трезвым взглядом. Он только не в состоянии еще был говорить и прошелся несколько раз по комнате.

— Господин Ивар, — начал он, наконец, когда почувствовал, что может говорить, не выдавая голосом своего волнения, — я чистосердечно прошу у вас извинения. Я вас не знал, иначе не сделал бы вам такого оскорбительного предложения и не унизил бы в своем лице английского офицера. Сам Нельсон менее всего способен оскорбить чувства благородного врага; но мы вас не знали. Не все корсары держатся вашей точки зрения, откуда и произошла эта ошибка.

— Вот вам моя рука, — отвечал Рауль, искренне протягивая ему руку, — мы с вами, капитан Куф, должны были бы встретиться каждый на своем корабле в честном бою за интересы наших отечеств. Каков бы ни был результат этого боя, но он послужил бы залогом вечной дружбы между нами. Я прожил достаточно долго в Англии, чтобы убедиться, как у вас плохо понимают нас, французов. Но все равно! Честные люди повсюду поймут друг друга, и мы с вами будем друзьями то короткое время, которое мне еще остается жить.

Куф взял руку Рауля, и слеза скатилась из-под его опущенных век, когда он крепко пожимал ее.

— Это подлое, адское дело, Гриффин, — сказал капитан, — и никогда больше не возьмусь я ни за что подобное, хотя бы мне посулили командование целой эскадрой в награду за него!

— Я всегда думал, что оно не удастся, капитан, и, говоря откровенно, надеялся на это. Простите меня, капитан, но я не могу не высказаться — по моему мнению, мы, англичане, слишком презрительно относимся к другим европейским нациям, и в особенности к французам, чего те вовсе не заслуживают. Я с самого начала предвидел, что искушение будет бесполезно.

Куф еще раз повторил свои извинения, и после взаимного обмена выражениями уважения и дружбы Рауль удалился в свою парусиновую тюрьму, отказавшись от предложенной ему капитаном каюты рядом с его собственной. Гриффин, проводив арестанта, снова вернулся в каюту капитана, и между ними вновь возобновился разговор на ту же тему.

— Вообще это страшно тяжелое дело, Гриффин. Суд над злополучным Раулем Иваром велся вполне правильно, и приговор несомненно соответствовал признанной за ним вине. Но, что хотите, а я верю его искреннему рассказу! Джита — эта девушка, которую он любил — сама чистота и правдивость, а ее слова подтверждают его показания. Даже вице-губернатор и сам старый подеста говорят то же и склонны думать, что только ради нее Рауль заходил в Порто-Феррайо.

— Я уверен, капитан, что Нельсон отсрочил бы казнь или даже дал бы полное прощение подсудимому, если бы ему представить дело в его настоящем виде.

— Вот в этом-то и все затруднение, Гриффин; мы теперь на таком расстоянии от Неаполя, что нет возможности сноситься знаками, а между тем приговор подписан и должен быть приведен в исполнение сегодня же до солнечного заката; теперь уже полдень.

Гриффин вздрогнул — только теперь вполне отчетливо встала перед ним вся затруднительность положения.

— Какое несчастье, капитан! — воскликнул он. — Нельзя ли послать нарочного к адмиралу?

— Что я и сделал. Я отправил к нему Клинча.

— Клинча! Но, капитан, на это нужен расторопный офицер и... трезвый.

— Клинч достаточно ловок, а что до его несчастной склонности, то, я знаю, сегодня с ним этого не случится. Я ему дал возможность выдвинуться в глазах Нельсона, а никто с моего корабля не доезжал скорее него до Неаполя на гичке. Мы с ним условились относительно сигналов, которые он нам даст на расстоянии восьми или даже десяти миль от фрегата.

— Разве Нельсон не уполномочил вас действовать самостоятельно в случае каких-нибудь новых открытий по этому делу?

— Нет. Единственно, что было оговорено, это разрешение отсрочить казнь в случае выдачи подсудимым местонахождения люгера до времени возможности личных переговоров с адмиралом.

— Какая неудача! Но не могли бы вы взять на себя личной ответственности, капитан, и действовать так, как будто бы вы имели на то разрешение?

— Это легче говорить другим, чем на это решиться, — несколько сухо возразил Куф. — Я предпочел бы повесить сорок французоз, чем получить от адмирала выговор за неисполнение моих обязанностей.

Куф не думал так на самом деле, но он не считал себя вправе иначе говорить с подчиненным. Как бы то ни было, а его слова несколько умилили рвение Гриффина; но разговор тем не менее продолжался.

— Все мы, капитан, могу вас уверить, желаем так же, как и вы, отмены этой ужасной казни. Еще так недавно мы хвалились, что на нашем фрегате не было произнесено и исполнено ни одного смертного приговора, хотя вот уже четыре года, как «Прозерпина» спущена на воду, и мы участвовали в семи честных сражениях.

— Будем надеяться, Гриффин, что Клинч застанет адмирала и вовремя вернется.

— Не послать ли того вице-губернатора к арестанту? Может быть, ему удастся уговорить его хотя бы для вида согласиться на ваше предложение, капитан, и тем выиграть время. Эти итальянцы такой хитрый народ.

— Что и доказал вице-губернатор в своих свиданиях с Иваром. Нет, это ни к чему не приведет. А вот разве допросить еще раз этого плута Вольта?

— Чего же лучше, капитан?! К тому же этот Вольт такая продувная бестия, что его и учить не надо. Позвать его?

Куф с минуту колебался; но ему так сильно и почти в одинаковой степени хотелось и спасти от смерти Рауля, и захватить люгер, что он не хотел пренебрегать никакими средствами. Утвердительно кивком головы он ответил на вопрос Гриффина, и через несколько минут Итуэл был введен в комнату капитана.

— Вольт, — обратился к нему капитан, — ветер подул с благоприятной для вас стороны, и я имею желание даже содействовать вашему успеху. Вы знаете, я полагаю, где остался люгер?

— Я не уверен, вспомню ли, капитан, — отвечал Итуэл, осматриваясь и недоумевая, к чему ведет капитан. — Не ручаюсь, в случае надобности, я, может быть, и вспомнил бы, но, говоря откровенно, у меня довольно-таки плохая память.

— В таком случае вам не мешает знать, что от вашего ответа зависит жизнь вашего старого друга, господина Ивара.

— Я бы желал знать... Ей-богу, чудная страна эта Европа!.. Что же такого сделал капитан Рауль, что ему так плохо приходится?

— Он приговорен к смертной казни, которая должна совершиться здесь на фрегате сегодня же, если он не укажет место, где находится его люгер; в этом последнем случае ему оказано будет снисхождение, так как мы имеем дело с народом, а не с отдельными лицами.

Куф не знал Итуэла, обращаясь к нему с этим предложением. Итуэл не любил ни Рауля, ни люгера и вообще никого и ничего, кроме своей особы; еще если бы это не было сопряжено ни с каким риском для него, он, может быть, и выручил бы Рауля, но в данном случае над всем преобладала его исконная ненависть к англичанам, и он прежде всего не желал облегчить им поимку люгера, то есть достижения их заветной цели.

— И если вам удастся получить люгер, капитан, вы возвратите свободу капитану Раулю? — спросил он с напускным участием.

— Да, весьма возможно, хотя это будет зависеть от адмирала.

— Я сильно затрудняюсь, ответить на ваш вопрос, капитан, потому что это самое подвижное из всех судов, и никогда нельзя с точностью определить, сколько оно успеет пройти в данное время.

— Неужели? — иронически заметил Куф. — Но все-таки подумайте, может быть, вы можете дать хотя бы приблизительный ответ относительно того, где, по вашим расчетам, он должен был бы теперь находиться.

— Приблизительный? Может быть, капитан. Я так думаю, что «Блуждающий Огонь» должен теперь находиться где-нибудь на широте острова Капри в ожидании возвращения капитана Рауля и меня. Да, где-нибудь поблизости этого острова. Но, поверьте, капитан, он зорко следит за всем, чтобы не подпустить к себе какой-нибудь английский крейсер.

Было ли это верно или нет, но, по крайней мере, Итуэл думал, что говорит правду, и, вовсе не желая предавать своих старых товарищей, нарочно сказал правду, совершенно верно рассчитывая на то, что, при явном недоверии к нему со стороны капитана, эта правда сойдет за ложь. Так и случилось: Куф и Гриффин, обманутые всей его плутовской и лживой наружностью, не поверили ни одному его слову. Затем его отпустили, строго внушив ему добросовестное отношение к его обязанностям.

— Итак, мы все при том же, Гриффин! — воскликнул безнадежно Куф. — Если Клинч опоздает, я никогда себе этого не прощу!

— Нельзя всего предвидеть, капитан; вы сделали все, что могли, и ваша совесть должна быть покойна. Нельзя ли было бы... К этому средству, впрочем, не любят прибегать! Однако, по необходимости...

— Объяснитесь, Гриффин, что вы хотите сказать?

— Я думал, капитан, не может ли та молоденькая итальянка дать какие-нибудь сведения о люгере? И так как она любит Рауля Ивара, то, может быть...

Куф пристально смотрел на лейтенанта с полминуты, а затем сказал, отрицательно покачивая головой:

— Нет, нет, Гриффин, я ни за что на это не соглашусь. Одно дело пустить все в ход с таким негодяем, как этот американец, и совсем другое играть на чистом чувстве невинной любящей девушки. Нет, нет, никогда! Сердце молодой девушки должно быть свято при всех обстоятельствах!

Гриффин покраснел и закусил губы; ему было неприятно, что капитан превзошел его в великодушии.

— Но мне кажется, капитан, что она осталась бы только в выигрыше, если бы предала люгер ценой спасения жизни Рауля. Другое дело, если бы потребовали от нее выдачи любимого ею человека.

— Все равно, Гриффин, не станем поднимать покрыва, закрывающего тайные чувства молодой девушки, случайно обнаруженные перед нами. Как только мы ближе подойдем к берегу, я решил отправить старика итальянца с его племянницей на их лодке. Таким образом мы честно избавимся от них. Но что станет с французом, одному Богу известно!

На этом разговор кончился. Гриффин вернулся на палубу, куда его призывали обязанности, а Куф принялся в восьмой или девятый раз перечитывать полученные им от адмирала инструкции.

Я не боюсь ничего. Я несу на себе это проклятие — ничего не бояться, не чувствовать в моем сердце биения желаний и надежды и не находить в нем тайной любви к чему бы то ни было на земле.

«Манфред»

День уже начал склоняться к вечеру, и беспокойство Куфа росло не без причины. Ни разу до сих пор не приходилось фрегату «Прозерпина» так глубоко въезжать в Салернский залив, и чудная картина природы, представшая перед глазами, помогла офицерам отвлечься от гнетущего созерцания их пленника. Грандиозные скалы с лепящимися по склонам и между ними деревушками, монастырями и церквами представляли такое величественное и живописное зрелище, в сравнении с которым совершенно уничтожались размеры военного фрегата, и с берега он должен был казаться не более как небольшим торговым судном. Но моряки менее чем кто-либо склонны проявлять свой восторг внешними знаками удовольствия; напротив, особенным достоинством считается между ними полное ко всему равнодушие. Наибольшим авторитетом пользуются опытные старые моряки, и каждый новичок больше всего заботится о том, чтобы своим равнодушием ко всякой новизне доказать свою большую опытность.

Но самым сдержанным в этом отношении являлся боцман Странд, лондонец по происхождению.

В то время как «Прозерпина» медленно подвигалась, следуя направлению берега, Странд стоял на своем посту, где чувствовал себя полным хозяином, и, имея вполне деловой вид, прислушивался к разговорам других офицеров. В смысле безусловного послушания начальству он был безупречен, будучи для этого слишком опытным моряком, но на все имел свое мнение, которое не постеснялся бы отстаивать даже перед самим Нельсоном.

Один из младших офицеров, Кэтфол, старый моряк, стоял в группе нескольких матросов около бушприта и, как старший перед ними по рангу, был в разговоре главным. Матросы стояли со скрещенными на груди руками, с щепотью жевательного табака за щекой и то и дело подтягивали штаны, которые они носили без подтяжек и между которыми и курткой неизбежно лежала кольцом полоса белой рубахи, резко оттеняя голубой цвет платья.

— Говорят, эти горы высоки, грандиозны! — говорил старик Кэтфол. — Я этого не нахожу. Я не вижу ничего необычайного в этих берегах! И все, что мы тут видим, эти дома, деревни, — все это можно встретить на любом из островов. Когда я делал кругосветное путешествие с капитаном Куком...

Но в эту минуту появился Куф. Он редко появлялся в этой части судна, но его, конечно, везде встречали как лицо привилегированное. Все поднялись из уважения к нему, а Странд уступил ему свое место. Куф подошел к нему твердой, хотя и легкой походкой, так как ему не было еще и тридцати шести лет. Куф состоял еще мичманом на корабле, на котором тогда уже боцманом был

Странд. Куф никогда не забывал этого обстоятельства и всегда находил возможность сказать несколько приветливых слов опытному моряку.

— Замечательная местность, Странд, — заговорил он присаживаясь, — в Англии можно проездить неделю и не найти ничего подобного.

Между ними завязался довольно бессодержательный разговор, но Странд время от времени самодовольно поглядывал на матросов, несколько отступивших из почтения к капитану, точно взглядами хотел им сказать: видите, какой старый друг вашему боцману наш капитан!

— Тут решительно негде спрятаться «Блуждающему Огню», Странд! — проговорил между тем капитан.

Боцман хитро улыбнулся, как человек, не желающий ни с кем делиться своими секретами.

— «Блуждающий Огонь» не из тех судов, которые мы опять увидим, капитан, — ответил он, считая невежливым оставить без ответа замечание капитана.

— Почему? «Прозерпина» всегда находила то, что искала.

— Видите ли, капитан, были уже с нашей стороны три неудачные попытки овладеть этим люгером, и четвертая не приведет ни к чему; все хорошо только до трех раз.

Куф с удивлением посмотрел на боцмана.

— Заметьте, — продолжал тот, — все идет по трое: у нас три класса адмиралов, три цвета для флагов, три мачты на корабле...

— И один капитан! — засмеялся Куф, для которого была новинкой эта тройная теория.

— Да, потому что в противном случае экипаж не знал бы, которого слушаться. Все можно высмеять, капитан, если пуститься в рассуждения.

Оба с минуту помолчали.

— Какое печальное зрелище представляет тот человек между двух пушек, там на штирборте, капитан!

— Вы говорите о нашем пленном, Странд? О, я бы от всего сердца желал, чтобы он был где-нибудь в другом месте. Больше всего хотел бы я, чтобы он был на своем люгере и чтобы мы пошли на него в четвертый раз, хотя вы этого и не одобряете, Странд.

— Нередко совершение казни на корабле приносит ему несчастье, капитан.

Куф задумчиво молчал, а когда это случалось, никто не решался с ним заговаривать. Затем он встал и, не останавливаясь, прошел на противоположный конец корабля, не поднимая головы и с тем же рассеянным взглядом. Все перед ним расступались, давая ему дорогу, и даже сам Винчестер уважал это настроение своего командира и не подошел к нему, хотя имел к нему дело.

Андреа Баррофальди и Вито Вити все еще находились на корабле и начали понемногу осваиваться с неудобствами непривычных для них условий. Конечно, они не избежали глупого подшучиванья, но в общем к ним относились хорошо, и у них не было причин жаловаться на свое положение, особенно с тех пор, как снова разгорелась надежда на поимку люгера. Они, конечно, знали о смертельном приговоре над Раулем, и так как оба были люди гуманные и сердечные, то, естественно, пожелали повидать его еще раз, чтобы уверить его в своем полном прощении за обман. Они сказали об этом Винчестеру, и тот выжидал теперь удобной минуты спросить на то разрешение капитана.

Наконец Куф очнулся от своей задумчивости, и Винчестер передал ему просьбу двоих итальянцев.

— Бедняга! Ему немного остается жить, если только мы не получим каких-нибудь известий от Клинка. Мы ничем не рискуем, если позволим себе все возможные ему уступки. Допустите к нему всех, кто желает его видеть, Винчестер.

— Даже старика Джунтотарди и его племянницу? И нашего дезертира Вольта? Он также желал бы проститься со своим прежним командиром.

— Относительно первых двоих не может быть никакого сомнения; что же касается Больта, то мы, конечно, имеем право ему отказать, если только господин Ивар сам не пожелает его видеть, — тогда проведете.

Винчестер не заставил повторить разрешение и поспешил оповестить как всех желавших свидания или, как он думал, могущих желать его, так и стражу, караулившую пленника, о том, что разрешение на свидания дано. Не спросили только согласия самого осужденного.

На «Прозерпине» царило общее подавленное, мрачное настроение. Всем было известно настоящее положение дел, и мало кто верил в возможность своевременного возвращения Клинча. Оставалось не более трех часов до солнечного заката, а время вместо того, чтобы тянуться, казалось, летело на крыльях. Общее напряженное состояние и лихорадочная тревога росли с каждой минутой; все следили за заходящим солнцем, находя, что оно на этот раз опускается особенно быстро; большая часть мичманов столпилась на передней части корабля с единственной целью раньше увидеть возвращающегося Клинча.

Было уже половина шестого, а в шесть часов солнце должно было зайти; следовательно, оставалось всего полчаса до позднейшего срока совершения казни. Куф не отходил от борта судна и вздрогнул, когда часы начали бить шесть. Винчестер подошел к нему и глазами спросил его; в ответ он получил едва заметный жест, но этого ему было довольно. В определенном месте палубы началось нешумное движение, появилась веревка, которую прилаживали со слишком для всех понятной целью, устраивали род временной платформы — все угрожающие приготовления к близкой казни.

Несмотря на привычку к разного рода опасностям и зрелищу всевозможных человеческих страданий, всеми присутствовавшими овладело глубокое чувство жалости. В действительности Рауль был их врагом, и еще двое суток тому назад все они искренне ненавидели его; но настоящие обстоятельства изменили эту ненависть в чувство более великодушное. Торжествующий враг совсем не то, что человек вполне зависящий теперь от их милосердия; к тому же, хотя по закону и осужденный как шпион, он в их глазах был только страстно полюбившим человеком, который очертя голову бросился в явную опасность ради свидания с дорогой его сердцу девушкой. Все это, в соединении с присущим морякам нерасположением к совершению казни на палубе их судна, совершенно изменило положение вещей, и Рауль, который два дня тому назад столкнулся бы на «Прозерпине» с двумя или тремя сотнями заклятых врагов, теперь имел столько же друзей, не чувствовавших к нему ничего иного, кроме уважения и сострадания.

Понятно после этого, что на страшные приготовления все посматривали косо, хотя невидимая власть тяготела надо всеми и лишала самостоятельного выбора действий. Куф не считал себя вправе долее ждать и сделал последние необходимые распоряжения, после чего ушел к себе в каюту, как бы желая скрыть от других овладевшее им волнение.

Следующие затем десять минут прошли в сильной тревоге и тяжелом ожидании. Винчестер ожидал только возвращения капитана, чтобы привести осужденного. Один из мичманов был

отправлен доложить ему, что все готово: и Куф медленной и нетвердой поступью поднялся к платформе. Матросы стояли впереди и по обеим сторонам; солдаты вытянулись с ружьями; офицеры сгруппировались в одном месте; тяжелое и торжественное молчание воцарилось на палубе, и резко раздавался малейший посторонний шум. Андреа Баррофальди и Вито Вити стали в сторонке; но никто нигде не видел ни Карло Джунтотарди, ни его племянницы.

— Я полагаю, что в нашем распоряжении еще двадцать пять минут, Винчестер, — сказал Куф, тревожно посматривая на заходящее солнце, достигшее уже почти горизонта и озарявшее ближайшую часть небесного свода золотом и пурпуром.

— Боюсь, что не больше двадцати, капитан.

— Полагаю, что пяти достаточно, чтобы все покончить, — хрипло и с дрожью в голосе произнес Куф, устремив глаза на лейтенанта, который ответил ему одним пожатием плеч, как бы желая сказать, что он этого не знает.

Тогда капитан перекинулся несколькими словами с врачом, допытываясь, сколько времени в лучшем случае может прожить повешенный человек; и ответ, вероятно, не оправдал его ожиданий, так как он тут же дал знак, чтобы привели арестанта.

Рауль появился в сопровождении каптенармуса с одной стороны и офицера, исполнявшего обязанности духовника, с другой. Он был в своем платье итальянского лаццарони, о котором мы уже говорили. Он был бледен, но нельзя было приметить ни малейшей дрожи в его мускулах, сильно открытых благодаря его костюму. Он вежливо поклонился офицерам, и только невольная дрожь пробежала по его телу, когда его взгляд упал на веревку и всю обстановку казни. Однако через секунду он совершенно овладел собой и, поклонившись капитану Куфу, твердым шагом направился к роковому месту, но в то же время без малейшей рисовки.

Ему надели веревку на шею при гробовом молчании вокруг. Затем Винчестер шепотом сделал последние указания тем людям, на которых возложена была тяжелая обязанность совершения казни, внушая им главным образом быстроту действия, как единственное облегчение для несчастного в этих случаях.

— Великий Боже! — воскликнул Куф. — Возможно ли, чтобы так и умер человек! Без молитвы, без обращения к Божественному милосердию!

— Насколько мне известно, капитан, он неверующий, — сказал Гриффин.

— Окликните еще раз часового наверху мачты, Винчестер, — сказал капитан.

— Видите вы что-нибудь похожее на лодку? Хорошенько смотрите на Неаполитанский залив, вам должен быть виден вход в него.

Прошла добрая минута, и часовой ответил отрицательным движением головы, как бы не имея силы говорить. Винчестер взглянул на капитана. Куф вскочил на пушку и направил к северу свою подозрную трубу.

— Все готово, капитан, — сказал старший лейтенант, когда прошла еще одна минута.

Куф уже готов был поднять руку, что было бы сигналом к совершению казни, когда издали со стороны Неаполя послышался глухой пушечный выстрел.

— Остановите! — закричал Куф в ужасе, как бы не поторопились матросы, державшие концы веревки. — Лоцман, выньте из губ свисток!.. Еще два таких выстрела, Винчестер, и я буду счастливейшим человеком из всей эскадры Нельсона!

В то время как он говорил, раздался второй выстрел и затем третий через полминуты.

— Может быть, это салют? — проговорил Гриффин с беспокойством.

— Слишком велик промежуток. Слушайте.

Все напрягли слух. Куф вынул часы, и с каждой секундой черты его лица прояснились. Через две минуты он с торжеством поднял руки.

— Все идет прекрасно, господа! — воскликнул он. — Господин Винчестер, отведите арестанта в его камеру. Отвяжите эту проклятую веревку и к черту отправьте все это адское сооружение! Господин Странд, распустите команду.

Рауль был немедленно отведен обратно в свою загородку среди пушек. На пути все офицеры поздравляли его, радостно приветствуя его спасение; и не было ни одного человека на всем корабле, который не вздохнул бы облегченно при известии о полученной отсрочке.

Глава XXIII

Он видел собственными глазами, что луна была кругла, и он был не менее уверен, что земля была четырехугольна, так как он сделал пятьдесят миль и нигде не видел ни малейшего указания на то, чтобы она была шарообразна.

Лорд Байрон. «Дон Жуан»

Рауль Ивар на этот раз обязан был своим спасением присутствию духа и предусмотрительности Клинка. Не будь тех трех выстрелов с судна адмирала, казнь успела бы совершиться; а те три выстрела были даны единственно благодаря предусмотрительности подшкипера. Объясним, как было дело. Еще в то время, когда Куф отправлял Клинка и условливался с ним, этому последнему пришло в голову, что какая-нибудь непредвиденная задержка с его стороны, хотя бы на одну минуту, может погубить все дело; и он тогда же получил от Куфа предписание о трех выстрелах с адмиральского судна, о чем капитан упомянул и в своем письме к Нельсону, настаивая на них, как на мере крайне важной. По прибытии в эскадру, Клинка узнал, что адмирал в Кастелламаре, и должен был туда отправиться на лошадях. Отыскав его, он передал ему бумаги. Ничто не могло доставить английскому адмиралу большего удовольствия, как возможность оказывать великодушие. Смерть несчастного Караччиоли была единственным исключением, и весьма вероятно, что еще свежее впечатление от этого акта, столь противного его природной склонности, немало повлияло на немедленное с его стороны разрешение испрашиваемой отсрочки.

— Вот капитан пишет мне, — сказал Нельсон, два раза перечтя письмо Куфа, — что не может быть никакого сомнения в том, что Ивар заезжал в залив единственно по своим сердечным делам, а никак не в качестве шпиона.

— Таково у нас общее мнение, милорд. У Ивара в лодке сидели старик и прелестная молодая девушка, которую капитан Куф видел на вашем корабле, в вашей комнате, милорд, несколько дней тому назад.

Нельсон вздрогнул и покраснел.

— Возьмите перо и запишите, что я вам продиктую.

Потеряв правую руку несколько лет назад, Нельсон мог самостоятельно только подписываться под бумагами левой рукой, но много писать не мог. Клинч повиновался, и Нельсон продиктовал ему приказ об отсрочке казни Рауля впредь до нового распоряжения.

— Возьмите это и поторопитесь доставить вашему капитану. Сохрани Бог повесить неповинного человека!

— Простите, милорд, но я могу опоздать вернуться на «Прозерпину» до солнечного заката. Ничего не пишет вашей милости капитан о трех выстрелах с вашего судна?

— А, в самом деле, это скорейший способ сообщения, и при настоящем легком западном ветре эти выстрелы должны быть далеко слышны. Возьмите перо, напишите.

И он продиктовал приказ о трех выстрелах со своего судна, каждый с интервалом полминуты один от другого.

Едва только оба приказа были скреплены магическим именем «Нельсон», как Клинч встал и отклонялся адмиралу.

— Ради Бога, не теряйте времени, — торопил его Нельсон. — На моей душе лежит это дело. Передайте вашему капитану, что я прошу его прислать вас ко мне как можно скорее, чтобы сообщить мне обо всем. Доброго вечера!

Клинч поспешил на адмиральское судно, передал приказ Нельсона, и немедленно даны были три выстрела, спасшие жизнь Раулю.

Через полчаса на палубе «Прозерпины» не осталось никаких следов предшествовавшей мрачной картины, все дышало радостью и весельем. Куф снова оживился и беспечно болтал с обоими итальянцами, причем Гриффин служил ему переводчиком. Они не могли сделать визита Раулю, так как тот выразил желание остаться один, но после вторичного запроса с их стороны согласился. Оба еще не вполне освоились с неудобствами корабля, а потому шли очень медленно и осторожно, разговаривая между собой.

— Синьор Андреа! — говорил старый подеста. — Можно подумать, что мы живем в мире чудес! За полчаса еще можно было считать этого мнимого сэра Смита мертвым, а теперь он живехонек.

— Скажите лучше, сосед Вити, — глубокомысленно отвечал вице-губернатор, — что надо удивляться тому, что мы все еще живы, когда каждая минута может принести человеку смерть.

— О, с такими мыслями вы могли бы быть одним из лучших проповедников, вице-губернатор! Церковь много потеряла, не имея вас в числе своих представителей. Но к чему постоянно такие грустные мысли? Думайте больше о живом, тогда и вам, и вашим близким будет веселее жизнь.

— Знаете, сосед, что я вам скажу? Существует философская теория, утверждающая, что на свете нет ничего реального, а все, что мы видим кругом, создано одним нашим воображением.

— Пресвятое небо! Так я не живу, а только воображаю, что живу?

— Да, и вы, может быть, не подеста, а только воображаете, что вы подеста.

— Но в таком случае я выхожу таким же обманщиком, как этот сэр Смит?

— Нет, потому что другого Вито Вити совсем нет.

— Великий Боже! И вы заявите гражданам Порто-Феррайо, что у них нет ни подесты, ни Вито Вити? Но ведь тогда же пойдет невообразимая смута.

— Я полагаю, синьор Вити, что вам трудно сразу охватить всю глубину этой философии; отчасти это, вероятно, моя вина, но я не нахожу удобным в настоящую минуту заставлять ожидать нашего несчастного арестанта.

— Но в таком случае и его ведь не существует, и некому ждать?!.

Но Андреа Баррофальди уклонился от дальнейшего разговора, и скоро оба итальянца вошли к Раулю, куда их без задержки пропустили сторожевые, получившие уже приказ вводить к нему каждого беспрепятственно.

Рауль встретил их приветливо и, видимо, чувствовал радость и облегчение от сознания миновавшей его чаши смерти — хотя и миновавшей, может быть, лишь на короткий срок, ввиду только отсрочки и пересмотра его дела, а не отмены наказания. Довольный в настоящую минуту своим положением, он приветствовал бы и более неприятных ему людей.

Винчестер крайне внимательно отнесся ко всем его потребностям; ему дали два складных стула, которые он и предложил своим гостям, а сам присел на выступ около пушки. Стемнело, и так как легкие тучи заволкли звезды, то за загородку, занимаемую Раулем, проникал только слабый свет от отдаленных фонарей. Ему была предложена лампа, но, заметив еще раньше, что он составляет до некоторой степени предмет любопытства и люди менее церемонные заглядывают в щели полотна, Рауль отказался от света, не желая выставлять напоказ свое довольное лицо.

Андреа Баррофальди, как человек более деликатный, счел невежливым заговорить о последнем событии и завел довольно безразличный разговор о всякой всячине, предполагая вставить свое поздравление, когда это окажется кстати. Вито Вити, недовольный таким оборотом дела, возобновил прерванное рассуждение с Баррофальди, гораздо более интересное для него. Баррофальди почувствовал себя несколько обиженным при этом неожиданном натиске, но вынужден был отвечать и разъяснять. Выслушав его теорию, Рауль, по-видимому, заинтересованный, улегся поудобнее на своем не особенно удобном ложе, положив голову к самому отверстию за пушкой, и начал оживленно возражать и выспрашивать. Объясняя себе его лежащее положение неудобством его ложа, посетители не думали обижаться на невежливость с его стороны, и беседа шла очень оживленно.

— Но мне кажется, что молодой хорошенькой девушке не должно быть особенно приятно, когда ей скажут, что ее красота только кажущаяся! — громко смеялся Рауль.

В увлечении разговаривающие все более и более повышали голоса, так что Гриффин, проходивший в эту минуту мимо перегородки, заинтересовался и приостановился; к нему понемногу присоединилось и еще несколько человек офицеров, которым он, улыбаясь, сообщил тему горячего разговора, происходившего на итальянском языке. Стража отступила из чувства почтения перед офицерами.

Между тем Рауль, сначала вставлявший слова с единственной целью расшевелить своих посетителей, мало-помалу и сам искренне увлекся темой разговора и, в пылу увлечения, подвигал свою голову все дальше и дальше в отверстие, освежая ее прохладой вечернего воздуха. Каково же было его удивление, когда он неожиданно почувствовал осторожное прикосновение руки к своему лбу!

— Тс! — слышался шепот около его уха. — Это я, Итуэл! Теперь как раз время нам бежать.

Рауль слишком хорошо владел собой, чтобы выдать себя каким-нибудь восклицанием или неосторожным движением, но все его ощущения обострились мгновенно. Он полагался на Итуэла, признавая за ним опытность, предприимчивость и смелость в подобных случаях. Следовательно, американец несомненно наметил план, выполнимый в его глазах; в противном случае он не начал бы дела, так как это был не такой человек, чтобы рисковать и навлечь на себя наказание в случае неудачи.

— Что вы хотите сказать, Итуэл? — шепотом спросил Рауль, пока его посетители увлечены были собственными рассуждениями и не могли его слышать.

— Итальянец с племянницей уезжают на нашей лодке, так я полагал, что вы можете пролезть в отверстие и бежать с ними. Будьте покойны, я все предвидел.

Рауль ни минуты не заблуждался относительно смысла данной ему отсрочки; он знал, что в лучшем случае это означало отправку в Англию в качестве военнопленного, тогда как в предположении Итуэла ему являлось искушение получить свободу и Джиту. Все было в нем в смятении, но он заставил себя овладеть своим волнением.

— Когда, дорогой Итуэл, когда? — спрашивал он голосом, дрожавшим от сдерживаемого волнения.

— Сейчас, — отвечал Итуэл. — Лодка уже спущена, Джунтотарди сидит в ней, и сейчас спустят в нее молодую девушку. Вот, она уже садится. Слышите свисток?

Рауль прекрасно слышал свисток, данный боцманом, чтобы отъезжали. Минута была критическая; на палубе наверное кто-нибудь следил за отъезжавшей лодкой, и хотя ночь была очень темная, но действовать надо было с величайшими предосторожностями, чтобы надеяться на успех.

— Время приближается, — шепнул Итуэл, — старику Карло даны инструкции, а маленькая Джита позаботится, чтобы он их не забыл. Все теперь зависит от безмолвия и быстроты действия. Меньше чем через пять минут лодка подойдет под отверстие.

Рауль вполне понимал план Итуэла, но находил его совершенно неосуществимым. Он считал невозможным, чтобы уезжающая Джита не привлекла к себе общего внимания; ему казалось невероятным исчезнуть никем незамеченным, но времени не оставалось на колебание, надо было или решиться на страшный риск, или вовсе отказаться от бегства. Раздавшийся громкий приказ, данный дежурным офицером в рупор, немного ободрил его, так как он увидел из этого, что по крайней мере тот чем-то отвлечен. Это уже было большим облегчением, потому что кто же бы осмелился заняться чем-нибудь другим, когда его призывают на другой конец судна?

Целый вихрь мыслей кружился в голове Рауля. Он слышал как оба его итальянца горячее прежнего обсуждали поднятый им вопрос, как смеялись собравшиеся перед загородкой офицеры, присутствия которых в пылу увлечения итальянцы совершенно не замечали, различал малейшее трение лодки о кормовую часть судна, каждый всплеск весел старика Джунтотарди. Молодому корсару казалось, что все его сердечные ощущения, весь интерес его жизни, его настоящее, прошедшее и будущее — все заключалось в этой одной минуте. Не желая действовать без совета Итуэла, он шепотом спросил его, что ему делать.

— Должен я головой вниз броситься в воду и доплыть до лодки?

— Не двигайтесь, пока я вам не скажу, капитан Рауль; пусть себе горланят итальянцы.

Рауль не мог видеть воды, потому что лежал на спине, держа голову в отверстии, и мог полагаться только на слух. Лодка медленно обходила корму, как бы собираясь от нее удалиться. Старик Карло как нельзя лучше играл взятую им на себя роль. Он так повернул свою лодку, что едва трудно было бы рассмотреть с палубы, если бы кто-нибудь и следил. Затем он приостановился и выжидал дальнейшего хода событий. С судна меньше всего считали нужным следить за ним, так как его считали слишком далеким от житейских дел.

— Вот! Надо сейчас! — шепнул Итуэл. — У вас все безопасно?

Рауль поднял голову и осмотрелся. Он слышал еще смех и разговоры офицеров около его помещения, но им не было никакого дела до него. Однако он подумал, что, пожалуй, может возбудить подозрение своим долгим молчанием, и, приняв меры, чтобы голос не выходил из отверстия, он повторил одно из прежних своих возражений; но оба гостя были так заняты своим спором, что не пожелали даже потратить времени на ответ. Рауль и не рассчитывал на ответ, он достиг своей цели, напомнил о своем присутствии и таким образом надеялся, что его не сразу хватятся. Итак, все обстояло благополучно, и Рауль снова принял свое прежнее положение, далеко выставив голову в отверстие, так что она пришлась всего в нескольких дюймах от головы Итуэла.

— Все хорошо, — сказал он, — что мне теперь делать?

— Больше ничего, как просунуть голову и плечи в отверстие, упираясь ногами.

Рауль последовал этому совету и двигался очень медленно и с величайшей осторожностью. Но едва только одна его рука просунулась в отверстие, как Итуэл вложил в нее веревку, шепнув, что она надежно закреплена. С помощью веревки дело пошло гораздо успешнее и надо было остерегаться только одного, чтобы поспешностью не испортить всего дела. Теперь Раулю ничего не стоило продвинуть все тело в отверстие, но для окончательного успеха необходимо было сделать это незаметно. Раулю оставалось сделать еще одно последнее усилие, чтобы совершенно вылезти и спуститься в лодку, но Итуэл удержал его за руку.

— Послушайте, все ли еще грызутся ваши итальянцы? — шепнул он.

Прения шли все так же оживленно и шумно, не смолкая ни на секунду. Итуэл дал понять, что надо кончать, и Рауль, крепко держась за веревку, оттолкнулся ногами от пушки, совершенно вылез из отверстия и повис перпендикулярно. Легко опуститься затем в лодку, бросив веревку, было делом одной секунды. Коснувшись ногами одной из скамеек, он заметил, что Итуэл уже предупредил его. Затем американец притянул его к себе, и оба они легли на дно лодки, а Джита накрыла их своим плащом. Карло Джунтотарди умел править лодкой, и ему оставалось только отцепить багор, которым он придерживался за одну из цепей. Фрегат продолжал медленно двигаться вперед, оставив их через минуту футов на сто позади себя.

До сих пор все складывалось замечательно удачно. Ночь была так темна, что оба беглеца осмелились приподняться и сесть на скамьи; они даже взяли весла, хотя с большими предосторожностями и совершенно бесшумно. Рауль задрожал от радостного чувства, когда с первым же сильным взмахом весла лодка далеко отошла.

— Тише, капитан Рауль, тише, — шепотом предостерег его Итуэл. — Нас еще могут услышать с фрегата. Еще пять минут, и мы в безопасности.

В эту минуту с «Прозерпины» раздался сигнал для смены дежурства, но в то же время его сопровождал большой против обыкновенного шум.

— Это простая смена дежурства, — заметил Рауль, замечая некоторую тревогу на лице Итуэла.

— Обыкновенно не бывает такого шума.

— Что это?

Не было никакого сомнения: с судна спускали на воду лодку.

Глава XXIV

Наши опасности и наши наслаждения близко соприкасаются...

Тот же ствол дает розы и шипы.

Аллейн

Уступая чувству сострадания к злополучному Раулю Ивару, над ним ослабили надзор, и Винчестер приказал часовым только каждые полчаса немного приподнимать угол занавески, чтобы убедиться, что арестант не ушел и ничего над собой не сделал, не тревожа его постоянным подсматриванием. Теперь как раз на часах пробило половину, и один из часовых почтительно приблизился к кучке офицеров, чтобы исполнить приказ старшего лейтенанта. Ему дали дорогу, хотя и находили излишней пунктуальностью эту проверку теперь, когда из-за занавески громко раздавались голоса Баррофальди и Вито Вити. Через плечо часового туда заглянул и Иэльвертон, один из младших и очень усердных офицеров. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что случилось, и Иэльвертон, ничего не сказав другим, поспешил со своим открытием к дежурному офицеру. Новость быстро разнеслась. Винчестер приказал сорвать парусину, и глазам всех предстали все еще горячо спорившие, кричавшие и жестикулировавшие итальянцы, не подозревавшие об исчезновении Рауля.

— Черт возьми, господин вице-губернатор! — вскричал Гриффин, который понимал, что в эту минуту надо отложить в сторону всякие церемонии. — Где же Рауль Ивар?

— Синьор сэра Смит?.. Или месье Ивар, если вы предпочитаете это имя?.. Ах!.. Слушайте-ка, милейший Вити, где же он, в самом деле?.. Ведь он был все время тут, около нас. Минуты не прошло, как он был тут!..

— *Cospetto*, синьор Андреа! Да ведь по вашей же доктрине выходит, что никакого настоящего, реального человека тут вовсе и не было, а был воображаемый человек, так что ничего нет удивительного, что его здесь больше и нет!

— Послушайте, сосед Вити, — начал Баррофальди. Но тут его нетерпеливо перебил Гриффин:

— Простите, вице-губернатор, но в настоящую минуту, казалось бы, не до философских измышлений; по крайней мере нам, морякам, надо торопиться исполнить нашу прямую обязанность.

— Что это?..

Капитану Куфу сообщили о случившемся, и он явился из своей комнаты раздраженный.

— Где лодка старика итальянца с его племянницей? — спросил он.

И этот вопрос разом все осветил. В эту же минуту молодой матросик спустился с мачты и впопыхах сообщил, что, насколько можно было разобрать среди темноты, он заметил, что лодка итальянца приостанавливалась под пушечными отверстиями на батарее, и ему показалось, что в нее спустилось что-то из отверстия.

— Пусть позовут Вольта, скорее! — приказал капитан.

И когда Итуэла нигде не нашли, для всех стало совершенно понятно, каким образом исчез Рауль. Мигом спустили пять или шесть лодок, в каждую село по офицеру, не считая матросов, и пустились в погоню за беглецами, а на фрегате подняли фонарь.

Было так темно, что совершенно невозможно было увидеть маленькую лодочку. С одной стороны черной массой выделялся остров Капри, а с другой, — слабо выделялись очертания берегов Италии. Фрегат направлялся опять к Неаполитанскому заливу, намереваясь стать на якорь приблизительно там же, откуда тронулись накануне.

Иэльвертон первый заметил лодочку, удаляющуюся по направлению берега; заподозрив, что это и есть разыскиваемая лодка итальянца, он устремился за ней, чем навлек за собой погоню своих же двух гичек, слышавших сильный всплеск весел и принявших его легкую лодку с четырьмя искусными гребцами за удаляющуюся лодку беглецов. Началась сумасшедшая гонка.

Так как Рауль и Итуэл все время не переставали усердно работать веслами, а лодки фрегата потеряли не мало времени на розыски около самого судна, то наши беглецы опередили их по крайней мере на пятьдесят саженей. Их легкая лодка была приспособлена только для двоих гребцов, и их четыре сильные руки действовали как нельзя лучше; но все же их нельзя было приравнять к очень ходкой гичке Иэльвертона с четырьмя отборными гребцами, и чуткое ухо Рауля довольно скоро различило, что расстояние между ними значительно сократилось. Так как весла Рауля были приспособлены таким образом, что не производили никакого шума, то он решил изменить направление и дать гичке Иэльвертона опередить себя, рассчитывая, что тот его не заметит. Эта хитрость вполне удалась ему. Иэльвертон, увлеченный погоней, устремился вперед, все по направлению к берегу, и ему даже по временам казалось, что он видит перед собой лодку Рауля. Рауль и Итуэл перестали грести, давая установиться новому положению вещей, и Итуэл облегчил свою душу несколькими сарказмами в адрес их преследователей. Пропустив значительно вперед себя лодки с фрегата, которые все также устремились за Иэльвертоном, слыша только удары весел с его гички, Рауль и Итуэл медленно направились следом за ними, намеренно сберегая свои силы для какого-нибудь непредвиденного случая.

Подстрекаемый желанием лично отличиться в поимке беглецов, Иэльвертон мчался изо всех сил; другие две лодки старались по той же причине не отставать от него, а Рауль и Итуэл могли только благословлять судьбу, облегчавшую им их задачу.

— Можно подумать, Джита, что ваши друзья — вице-губернатор и подеста распоряжаются погоней, если бы не знать наверное, что они в настоящее время разбирают вопрос, существует ли в действительности остров Эльба, — говорил Рауль смеясь, хотя и шепотом.

— Ах, Рауль! вспомните об ужасных часах, которые вы только что провели, и не шутите, пока не будете в полной безопасности.

— Честное слово, я теперь не могу не признать за англичанами некоторой доли великодушия! Я не могу отрицать того, что они ко мне хорошо относились; я бы даже, пожалуй, предпочел большую строгость с их стороны.

— Признавать за англичанами великодушие! Это слишком, — сказал Итуэл. — Это жестокий, безжалостный народ.

— Но, мой добрый Итуэл, вы-то уж, кажется, только можете их благодарить за то, что они вас пощадили.

— А почему? Потому что им нужны были лишние руки опытного матроса; иначе бы они не задумались прикончить меня.

— Ну, а что касается меня, то я навсегда сохраню добрую память об этом судне. Капитан Куф принял меня ласково, хорошо кормил, удобно поместил; дал хорошую постель и добыл отсрочку как раз вовремя.

— За нами идут остальные лодки с фрегата, — заметил Карло Джунтотарди, внимательно прислушившийся все время против своего обыкновения.

Эти слова заставили обоих разговаривавших разом замолчать; они перестали даже грести, чтобы лучше прислушаться. Не было никакого сомнения: за ними гнались. Решено было после некоторого обсуждения проехать проход между Капри и Кампанеллой, рассчитывая на то, что едва ли английские лодки поедут дальше этого мыса и что они, по всей вероятности, откажутся от дальнейшего преследования.

— Еще часок-другой, и мы можем высадить вас, дорогая Джита, вас и вашего дядю; там уж вам немного останется дойти до Санта-Агата.

— О, не думайте обо мне, Рауль! спустите меня при первой возможности и спешите к вашему лагерю. Что для меня значат несколько миль, когда вы все еще находитесь в опасности?!

— Ангел божественный! никогда ни одной мысли о себе!.. Но о нас не беспокойтесь, мы сумеем отыскать «Блуждающий Огонь». Здесь еще вам рано сходить.

Джита попробовала было возражать, но это оказалось совершенно бесполезным; Рауль настоял на своем, и ей пришлось уступить. Все разговоры прекратились, и оба гребца сильно налегли на весла. По временам они переставали грести и прислушивались к шуму весел с лодок фрегата, и им казалось, что теперь те все сгруппировались около мыса. Скоро лодка Рауля далеко отъехала от лодок своих преследователей, хотя в такой темноте нельзя было с точностью определить местонахождение лодок с фрегата. Раулю много помогало то обстоятельство, что его весла скользили бесшумно по воде, и, после некоторого времени усиленной гребли, беглецы почти убедились в своей безопасности.

Еще около часа не прерывалась усиленная работа веслами, и затем Рауль, совершенно уверенный теперь в их безопасности и возбужденный радостным сознанием свободы и близости Джиты, положил весла и принялся весело болтать, подсмеиваясь над Итуэлом, который все еще тревожно прислушивался.

— Ого-го, лодка! — раздался окрик саженьях в двадцати от них, ближе к берегу. Голос очевидно принадлежал человеку, служащему на военном судне — он был сух и решителен. С секунду беглецы молчали, так как этот окрик, эта близость неизвестных людей застала их совершенно

врасплох. Наконец, Рауль, опасаясь, что чужая лодка подъедет к самому их борту, откликнулся в ответ на итальянском местном наречии.

Клинч — так как это он возвращался на «Прозерпину» из Неаполя и намеренно держался берега, выслеживая люгер, проворчал что-то по поводу затруднений с этими иностранными языками, а затем, как умел, заговорил по-итальянски.

— Вы с Капри? — спросил он.

— Нет, мы из Санта-Агаты, везем винные ягоды в Неаполь, — отвечал Рауль.

— Из Санта-Агаты? А, это деревушка на горе. Я в ней ночевал у Марии Джунтотарди.

— Кто это может быть? — прошептала Джита. — Тетя не знакома ни с какими иностранцами.

— Судя по его выговору, он англичанин, — отвечал Рауль. — Надеюсь, что он у нас не спросит винных ягод себе на ужин.

Между тем Клинч продолжал:

— Не попался ли вам тут где-нибудь люгер с французской оснасткой и французским экипажем?

— Как же, синьор, мы видели, как он направился к северу, в Гаэтский залив, перед самым солнечным закатом.

— А фрегата не видали около мыса Кампанеллы? Английское большое военное судно!

— Как же, синьор! Вон там горит на нем фонарь на верху мачты. Мы его видели весь вечер, и он даже подтянул нас немного на буксире.

— А! В таком случае вы мне, может быть, сообщите кое-что. Не знаете вы, был повешен человек на этом судне при закате солнца?

Рауля немного покорибило — он не мог решить, какой ответ мог быть приятнее спрашивающему.

— Если это вам доставит удовольствие, синьор, то я могу вам сказать, что казнь действительно была назначена, но капитану угодно было отменить ее.

— После того, как даны были три выстрела со стороны Неаполя? — с живостью спросил Клинч.

«Черт возьми! Это, пожалуй, тот человек, который меня спас», — подумал Рауль.

— Да, после трех выстрелов, — отвечал он громко, — только я не знаю, какое они могли иметь отношение к казни?

— Какое отношение! Да я сам об этом распорядился: это был сигнал об отсрочке, данной адмиралом этому бедному Раулю Ивару. Как я рад, что все так прекрасно удалось! Не люблю я этих казней!

— Это показывает, что у вас доброе сердце, синьор, и вы когда-нибудь получите награду за ваше великодушие. Желал бы я знать имя такого великодушного человека, чтобы упоминать его в своих ежедневных молитвах.

— Кто бы мог думать, что это говорит капитан Рауль? — с гримасой проворчал Итуэл.

— Что до моего имени, приятель, то не велика она штука — Клинч, а звание — подшкипер, хотя в мои годы другие сидят обыкновенно гораздо выше. Добрый вечер!

И Клинч поехал своей дорогой.

— Честный он человек! — заметил Рауль, когда они немного отъехали. — Будь сотня таких людей в английском флоте, мы могли бы его любить, Итуэл.

— Все они огненные драконы, капитан Рауль, не доверяйте им. Впрочем, этот Клинч еще довольно порядочный, вообще; только вот беда его: этот грог злейший его враг.

— Ого-го! Лодка! — снова раздался оклик Клинча с некоторого расстояния.

Рауль и Итуэл невольно оставили весла, думая, что этот оклик опять относится к ним.

— Го-го! Лодка! — повторил Клинч. — Отвечайте же!

— Это вы, Клинч? — слышалось с других лодок.

— Да, да. А это вы, Изльвертон? Я как будто узнаю ваш голос.

— И вы не ошиблись. Но тише, не шумите так и скажите, с кем это вы сейчас разговаривали?

Затем стало очевидно, что лодки близко подъехали одна к другой, и разговор продолжался вполголоса. Рауль не мог расслышать ни слова. В тревожном ожидании они почти не смели шевелить веслами и сдерживали дыхание. Они чувствовали, что неприятельские лодки должны находиться всего в каких-нибудь ста саженях от их маленького ялика, и, конечно, четыре весла имели перевес перед двумя, в особенности на ходкой гичке капитана Куфа, не один раз бравшей приз на гонках!

— Тс! — воскликнула Джита, вся дрожа. — О, Рауль! Они приближаются!

Они действительно приближались и подошли к беглецам саженей на стр.

Догонявшие ехали в глубоком молчании; с их лодок не доносилось никаких звуков, кроме удара весел. Близость опасности пробудила все дремавшие силы Карло Джунтотарди; он умелой и твердой рукой направил ялик прямо на береговые скалы, имея две цели в виду: или укрыться еще надежнее под их мрачным навесом, или, в крайнем случае, высадиться на берег и скрыться в горах.

Англичане несомненно уже настигали беглецов; силы были слишком неравны.

— О, дядя, — воскликнула Джита, прижимая руки к груди и стараясь унять сильное сердцебиение, — скорее! скорее! Правьте в пещеру!.. это единственное спасение.

Маленький ялик огибал в эту минуту скалы, огораживавшие с одной стороны глубокую бухточку. Карло Джунтотарди ухватился за мысль, поданную его племянницей, и приказал Раулю и Итуэлу перестать грести. Те повиновались, думая, что он рассчитывает здесь высадиться; Рауль только мысленно удивлялся его выбору места, так как тут утесистые скалы почти отвесно спускались в воду. Но в эту минуту ялик незаметно прошмыгнул под низкую, самой природой образованную арку и вошел в небольшой бассейн так тихо и неслышно, точно он был не более как соломинкой, несомой течением. В следующую затем минуту две английские лодки обогнули скалы: одна ближе к берегу, чтобы помешать беглецам высадиться на берег, другая параллельно первой, но дальше, чтобы преградить им путь в море. Еще одну минуту спустя обе лодки ушли на сто саженей вперед, и их уже не было слышно.

И ты в особенности, дух, предпочитавший всем другим храмам чистое и прямое сердце, научи меня так, как ты знаешь.

Мильтон

Место, где укрылся Карло Джунтотарди, хорошо известно по побережью Сорренто под названием Морской Пещеры, хотя это собственно не пещера, несмотря на то, что в нее попадают через естественную низкую арку или свод. Бассейн внутри открыт и точно нарочно приспособлен для того, чтобы в нем могли укрыться лодки в случае надобности. Даже в полдень это убежище представлялось вполне надежным, так как проникшая туда лодка совершенно исчезала с глаз преследователей, и никому, не знающему особенностей этого входа, никогда бы не пришло в голову искать здесь лодку, погребенную в скалах этого небольшого мыса.

Ни Джита, ни ее дядя теперь ничего не боялись, но первая выразила свое непереносимое желание сойти на берег, так как отсюда она легко могла дойти по знакомой тропинке до Санта-Агаты.

Все последние, так противоположные и так быстро сменявшие друг друга события и неизбежность расстаться с Джитой повергли Рауля в мрачное и тяжелое настроение. Он сознавал, что не имеет возможности и даже права дольше удерживать при себе Джиту, подвергая ее постоянным и серьезным опасностям, но боялся, чтобы настоящая разлука не оказалась вечной. Однако он не возражал и, поручив лодку Итуэлу, помог Джите подняться на берег и пошел ее проводить. Карло Джунтотарди ускорил шаги, предупредив племянницу, что она найдет его в известном ей домике на дороге, и Джита осталась вдвоем с Раулем.

Не было полного мрака, и можно было пробираться по дороге довольно свободно. Рауль и Джита медленно отправились через горы, каждый под ощущением тяжелого гнета ввиду предстоящей разлуки, хотя каждому из них будущее рисовалось совершенно с противоположных точек зрения. Молодая девушка без колебания взяла руку Рауля, и в ее манерах, в мягком тоне ее голоса сказались вся ее нежность к нему и все участие; но нравственные правила она во всем всегда ставила на первый план и теперь решила говорить с ним без малейшей утайки.

— Рауль, — начала она, выслушав его горячее объяснение в преданности, которое не могло не польстить ей даже в эту тяжелую минуту прощанья, — Рауль, нам надо кончать. Я не могу вторично переживать события, подобные сейчас совершившимся, а также и вам не могу позволить подвергать себя таким опасностям. Надо нам хорошенько понять друг друга: необходимо расстаться, и чем скорее, тем лучше во всех отношениях. Я упрекаю себя за то, что допустила между нами такую глубокую и продолжительную близость.

— И это говорит пылкая итальянка! Молоденькая восемнадцатилетняя девочка, уроженка той страны, где, говорят, сердца жгут горячее солнца! Девушка из того народа, где, говорят, редко не встретится Бедного ребенка, готового принести в жертву избранному им любимому человеку все — семью, родину, надежды, счастье, даже саму жизнь!

— И как бы мне легко было принести все это в жертву вам, Рауль! Я чувствую, я знаю это, но нас разделяет непроходимая пропасть, которая на моих глазах увеличивается с каждым днем. Вы знаете, о чем я говорю, Рауль. Вы не хотите перешагнуть через нее, а я не могу.

— О, Джита, вы заблуждаетесь! Если бы вы любили меня действительно так, как вы говорите, никакие бы житейские препятствия не разлучили нас.

— Это не житейские препятствия, Рауль, а нечто высшее, что важнее всего земного.

— Поистине эти священники один бич, посланный на мученье человеку! Они дают нам суровые уроки в детстве, учат нетерпимости в юности и делают идиотами и суеверными под старость. Я не удивлюсь, узнав, что мои честные соотечественники изгнали их из Франции; они, как саранча, пожирают и уродуют дары Провидения.

— Рауль, вы говорите о служителях Божьих! — остановила его Джита мягко и печально.

— Простите, дорогая Джита, но я теряю терпение, когда вижу, из-за какого пустяка вас теряю. И вы воображаете, что любите меня!

— Я не воображаю, Рауль, это слишком глубокая и, боюсь, тяжелая действительность.

— Возможно ли, чтобы молодая девушка, такая открытая, с таким любящим сердцем и честной душой потерпела, чтобы какие-то второстепенные соображения разлучили ее с избранным ею человеком!

— Это не второстепенные соображения, это первое и самое дорогое из всего, чем должен жить человек! О, Рауль, если бы вы могли понять!

— Но я не буду вам мешать исполнять все ваши религиозные обязанности — разве мало примеров, что жена набожна, а муж занят совершенно другими делами?

— Я не вас боюсь, Рауль, а себя самой, — возразила Джита с блестящими от слез глазами, когда ей удалось подавить подступавшее к горлу рыдание. — Если муж живет для света, возможно ли, чтобы жена отдавалась Богу так, как она должна?

Рауль был глубоко тронут искренностью молодой девушки и ее откровенным признанием его могущества над ней.

— Ваш Бог никогда не покинет вас, Джита, — сказал он. — Надо быть последним человеком, чтобы посягнуть на святость ваших религиозных убеждений. Но, Джита, я не вижу, почему любовь к мужу могла бы помешать вашей любви к Богу? Насколько я понимаю, это две вещи, совершенно различные.

— О, Рауль, вы не знаете сердца женщины! Если я уже теперь не могу отдаваться Богу так, как бы я хотела, то что же будет, когда я стану вашей женой?! Если бы еще я могла сохранить хотя малейшую надежду на ваше обращение!

— Я не хочу вас обманывать, Джита; вы знаете мои убеждения, берите меня таким, как я есть. Но, Джита, знайте, что если вы откажетесь от меня, отчаяние может довести меня до какой-нибудь непоправимой выходки, я погибну!

— Не говорите так, Рауль, будьте благоразумны.

— Ради вас, Джита?

— Да, и ради меня. Я не скрываю, что меня обрадует весть о том, что вы счастливы и спокойны, и я желаю вам всякой удачи, хотя это, может быть, и нехорошо, потому что вы наш враг. Но вот и

дорога, а вон и домик, где меня ждет дядя, и мы должны проститься. Бог да благословит вас, Рауль! Я никогда не забуду вас в своих молитвах. Не рискуйте, не рискуйте ничем, чтобы меня увидеть, но если...

Сердце бедной девушки было переполнено, и она не могла продолжать. Рауль напряженно ждал, чтобы она высказалась, но она молчала.

— Если что, Джита? Скажите, вы как будто хотели меня чем-то ободрить...

— О! Если бы это было возможно, мой бедный Рауль!.. Я хотела сказать, что если когда-нибудь Бог тронет ваше сердце и вы захотите с полной верой преклонить колени перед алтарем и получить жену, готовую для вас пожертвовать всем, кроме ее любви к Создателю, то поищите Джиту, вы ее найдете той же и такой, какую вы пожелаете иметь.

Рауль протянул руки, чтобы обнять ее, но Джита уклонилась, не доверяя себе, и убежала, как бы спасаясь от преследования. С минуту он колебался, не пойти ли и ему за ней, но затем благоразумие одержало верх, и он решил позаботиться о собственной безопасности, пока еще была ночь. Будущее еще было перед ним, и он не отчаивался достигнуть, наконец, своей цели относительно Джиты тем или другим способом.

Но Рауль Ивар плохо знал Джиту Караччиоли, несмотря на все свое восхищение ею. Природа одарила ее всей женственной чувствительностью, и сердце ее было полно нежности к нему; но любовь к Богу была в ней начертана еще глубже и неизгладимее.

Наш герой нашел Итуэла безмятежно спавшим в лодке. Предвидя, что ему предстоит продолжительная работа веслами, он удобно расположился на одной из скамеек и уснул так крепко, что Рауль насилу его добудился. Прежде чем сойти с горы, Рауль внимательно прислушался и, не различая ни малейшего подозрительного звука, рассчитал, что может безопасно выехать в открытое море, широким обходом объехать своих врагов и к рассвету совершенно исчезнуть с их глаз.

— Говорят, природа хороший работник, капитан Рауль, и действительно, нельзя выдумать более укромного местечка — здесь так славно спится! Однако нам необходимо выбраться! Этот низкий проход труднее отыскать, чем канат продеть в ушко иглы. Вот так! Толкайте, мы живо выскочим в открытое море.

Рауль последовал этому совету, и ялик легко проскочил через нависший свод и выплыл в широкое море. Обоих моряков охватило несколько тревожное чувство от этого простора вокруг, потонувшего почти в безусловном мраке; сноп огня, освещавший вершину Везувия, верхушки гор около Каstellамаре — вот все, что вырисовывалось на этом громадном полотне уснувшей воды.

Оглядевшись с минуту, они взялись за весла. Но только что вошли в залив, как совсем близко от них послышалось мерное надувание паруса, что заставило их обоих вздрогнуть. Судя по звуку, можно было думать, что судно идет прямо к горам и грозит перерезать им путь.

— Переждем, Итуэл, — сказал Рауль.

— Это, пожалуй, будет действительно самое благоразумное. Но прислушайтесь! Точно ножом режут спелый арбуз.

— Мой «Блуждающий Огонь»! — воскликнул Рауль, протягивая руки, как бы желая обнять его. — Он нас ищет, Итуэл, ведь нас ждали там гораздо раньше.

Судно быстро приближалось, и сквозь сплошной туман мало-помалу начали выделяться его изящные, прихотливые очертания. Не могло быть сомнения в том, что это был люгер Рауля; он подошел уже саженой на пятьдесят, надо было не упустить его.

— Да здравствует республика! — отчетливо произнес Рауль, не решаясь громко крикнуть.

С судна услышали. Слышно было, как на нем забегали, затем прибавили ходу; Рауль направил свой ялик вдоль борта и скоро мог ухватиться за сброшенную веревку, а секунду спустя был уже у себя.

Он поднялся к себе с гордостью монарха, севшего на трон. Уверенный в достоинствах своего люгера, на который смело можно было положиться в минуты опасности, полный веры в себя, этот неустрашимый моряк не ощущал ни малейшей тревоги, хотя знал, что он окружен врагами. В нескольких словах были выяснены взаимные недоразумения и осложнения; общая радость и оживление при таком внезапном появлении Рауля не поддавались никакому описанию, так как он пользовался общей любовью за свою смелость, энергию, предприимчивость, доброту и великодушие.

— Я чуть не вовлек вас в беду, ребята, — говорил Рауль, тронутый общим участием, — но теперь мы за себя отплатим. Тут по берегу рыщут кой-какие английские лодки; они гонялись за моим яликом. Не худо бы их пощипать немножко, пусть знают, что еще существует судно с именем «Блуждающий Огонь».

Дружные радостные восклицания были ответом. Старик рулевой, когда-то руководивший первыми мореплавательными опытами Рауля, протиснулся теперь к нему с фамильярностью свободного моряка.

— Капитан, — сказал он, — вы разве так близко видели англичан?

— Ближе даже, чем этого можно было желать, Бенуа! Откровенно говоря, причина, задержавшая меня там надолго, была именно та, что я провел некоторое время на палубе нашего старого друга «Прозерпины». Ее офицеры и матросы не желали со мной расстаться, раз они меня заполучили.

— Черт возьми, капитан! Да эдак выходит, что вы были военнопленным?

— В этом роде, Бенуа. По крайней мере они поставили меня с надлежащей торжественностью на платформу, одели петлю на шею и собирались вешать, когда три выстрела из Неаполя возвестили им о распоряжении Нельсона дать мне отсрочку. Но так как мне такая перспектива не особенно улыбалась, то мы с Итуэлом воспользовались нашим яликом и улизнули от них не попрощавшись. Впрочем, я мысленно дал обещание вернуться к ним и дать себя повесить, когда для меня ничего лучшего не останется.

Этот краткий конспект требовал пояснений, и Рауль дал их в нескольких словах, а затем приказал всем приняться за дело; и люгер направился к скалам.

— Я вижу огонек вблизи Капри, капитан, — сказал старший лейтенант. — Не с неприятельского ли это судна?

— Вы правы, это «Прозерпина»; но она слишком далеко, чтобы стоило о ней беспокоиться. На ней зажгли фонарь, чтобы была возможность возвратиться к ней ее разъехавшимся лодкам. А хорошо ли скрыты наши огни, Пентар? Позаботьтесь об этом.

— Все в порядке, капитан. «Блуждающий Огонь» только тогда светится, когда собирается застать неприятеля врасплох.

Рауль улыбнулся и одобрил распорядительность и бдительность лейтенанта. Люгер быстро шел к скале, и Рауль сам принял участие в наблюдении за тем, чтобы не случилось какой-нибудь беды. Итуэл, по обыкновению, не отставал от него.

Эти скалы около Сорренто были хорошо знакомы Раулю; он знал, что его люгер может подойти к ним почти вплотную, и рассчитывал именно где-нибудь здесь наткнуться на неприятельские лодки. Но вдруг он сильно вздрогнул от неожиданного окрика:

— Го-го, фелука! — кричали по-английски.

— Го-го! — откликнулся Итуэл, поднимая руку, чтобы предупредить всех о молчании.

— Что за судно? — продолжал тот же голос с лодки.

— Фелука, посланная адмиралом на розыски «Прозерпины»; но так как мы ее не нашли, то возвращаемся опять в залив.

— Пойдите минуточку, пожалуйста, я перейду к вам на борт и помогу вам, я кое-что знаю об этом.

— Сделайте одолжение, только поторопитесь, потому что мы хотим воспользоваться попутным ветром.

По странному затмению соображения моряку в лодке показался фелукой давно отыскиваемый им люгер, о котором он именно в эту минуту совершенно забыл и был далек от мысли попасть в руки врага. Он подъехал к борту люгера и через секунду уже был наверху.

— Знаете вы этого человека, Итуэл? — спросил, проходя, Рауль.

— Это Клинч, подшкипер проклятой «Прозерпины».

— Как! — воскликнул Клинч, и голос его выдал все его отчаяние. — Я попал в руки французов?

— Именно, — вежливо поклонился ему Рауль, — но не в руки врагов. Вы на борту «Блуждающего Огня» и видите перед собой Рауля Ивара.

— О, в таком случае прости, Джейн! Простите, все мои надежды!.. А только что мне готово было улыбнуться давно желанное счастье!.. Кто не воспрянет духом от общения с Нельсоном!.. Теперь все погибло!..

— Я вас попрошу пройти ко мне в каюту; там нам будет свободнее и удобнее разговаривать при огне.

Клинч был в отчаянии. Ему было все равно, куда идти. Он вошел в каюту капитана и сел с блуждающими глазами. Перед ним стояла бутылка вина, и он бросил на нее свирепый взгляд, как голодный волк при виде ягненка.

— Вы не ошибаетесь, Итуэл? Это действительно тот человек, который так радовался известию, что арестант не был повешен?

— Без сомнения, капитан. В сущности, честный офицер, никому не сделавший зла, кроме себя самого. Говорили на фрегате, что он для вас поехал в Неаполь.

— Хорошо! Вы давно уже идете в вашей лодке, господин Клинч; вы у нас поужинаете, выпьете стакан вина, а затем беспрепятственно возвратитесь в вашу лодку и догоните фрегат.

Клинч широко раскрыл глаза, как бы не доверяя своим ушам. Когда он, наконец, понял, что ему говорили, он расплакался. Весь этот день был для него сплошным рядом сильных волнений: сердечное участие Куфа, его советы, поручение, так удачно исполненное, острое ощущение всей своей вины перед терпеливой, верной Джейн; сознание того, что он мог бы по своим способностям занимать несравненно высшую должность, если бы не его несчастная склонность, которой он сам стыдился; все воздушные замки, которые он сейчас строил на обратном пути из Неаполя, — все разом рушилось, и он заканчивал день в положении пленника... И вдруг это

неожиданное великодушие Рауля, которому он не мог теперь не верить, — всего этого было слишком много, и его напряженные нервы не выдержали.

Глава XXVI

Сны парили над судном уже за целый час до его смерти; и картины родины, которые вставали перед взорами спящих, вырывали вздохи из их груди.

Вильсон

Рауль скоро решил, как ему действовать. Пока он утешал Клинка, он поручил Пентару, своему старшему лейтенанту, отыскать еще одну лодку с фрегата. Но все розыски оказались безуспешными, равно как безуспешны были все расспросы Итуэла матросов Клинка — те хранили упорное молчание: они так же, как и экипаж «Блуждающего Огня», не боялись никаких угроз и никогда бы не выдали своих. Делать было нечего, приходилось отказаться от надежды захватить вторую лодку, тем более, что Рауль должен был поторопиться еще до света выехать из залива. Сделав распоряжение повернуть, Рауль не терял еще надежды на обратном пути наткнуться на лодки своих врагов; но легкий, как птица, люгер быстро миновал крутое побережье, в том числе и ту укромную бухточку, в которой они с Итуэлом совсем недавно и так успешно укрывались, и выехал в открытое море. Рауль был очень огорчен: он твердо решил отпустить Клинка, но желал заполнить какого-нибудь другого пленника с «Прозерпины».

Между тем люгер приблизился к английскому фрегату насколько позволяло благоразумие, и под покровом ночи рассчитывал прошмыгнуть незамеченным, направляясь в дальнейшее путешествие. Рауль пригласил Клинка подняться на палубу, куда приказал привести и его матросов.

— Здесь мы должны расстаться, сэра Клинка, — вежливо сказал Рауль, — осторожность не позволяет мне дольше пользоваться вашим приятным обществом. Отсюда вам недалеко до вашей «Прозерпины», а мы стремимся к берегам нашей милой Франции. Будьте любезны, передайте мой привет капитану Куфу и этим честным итальянцам, так полюбившим сэра Смита! Прощайте!

Рауль улыбался: чувство безопасности после стольких волнений переполняло его сердце безумной радостью, и перед ним всплывали одни забавные сцены. Клинка, которому совершенно непонятно было многое в его словах, ощущал только одну глубокую к нему благодарность за свое освобождение, но в то же время он не забывал своих обязанностей как офицера английского флота и счел своим долгом предупредить Рауля.

— Капитан Рауль, — сказал он, пожимая протянутую ему руку, — я никогда не забуду вашей доброты — вам я обязан счастьем этой моей жизни и, может быть, будущей, но тем не менее я считаю своим долгом заявить вам, что как офицер английского флота обязан буду сделать все от меня зависящее, чтобы взять или уничтожить ваш люгер, как неприятельское судно.

— Мне нравится ваша откровенность, господин Клинч! Я не сомневаюсь встретить в лице англичан честных врагов.

— Я должен донести капитану Куфу о том, где видел ваш люгер, куда по моим предположениям он направится, и в каком состоянии я нашел ваше вооружение, ваш экипаж и все прочее.

— Дорогой мой, вы храбрый и честный человек. Желал бы я, чтобы теперь был полдень, и вы могли бы полюбоваться моим маленьким люгером в полном его блеске, так как он настолько красив, что не нуждается в вуали, чтобы прикрываться. Итак, скажите капитану Куфу все, что вы желаете; теперь же расстанемся! До свидания, дорогой Клинч, до свидания!

Все офицеры пожали руку Клинчу, который еще раз, сильно взволнованный, благодарил их за их гуманное отношение к нему. Затем он сел в свою гичку, сопровождаемый своими матросами, и направился на светлый фонарь «Прозерпины», скоро потеряв из вида «Блуждающий Огонь», взявший будто бы в сторону пути к Франции.

В действительности же Рауль вовсе не имел этого намерения. Его плавание еще не кончилось: оно, сопряженное со столькими опасностями, имело для него свою привлекательную сторону. Накануне того дня, когда он в одежде лаццароне прибыл в Неаполь, ему удалось перехватить английское транспортное судно со съестными припасами и отправить его в Марсель; теперь ожидалось второе такое же, и этим можно было объяснить экипажу его долгое нахождение вблизи Неаполитанского залива. Но все заманчивые стороны его профессии, эта постоянная необходимость проходить зачастую сквозь строй враждебных судов, наслаждаться превосходством хода своего люгера, возможность отличиться и прославиться — все это терялось перед главной для него притягательной силой — Джитой. К его чувству к ней начал примешиваться оттенок отчаяния. Твердо и ясно высказанное ею убеждение в невозможности в ее глазах брака с человеком другой религии, то есть для которого ее Бог не был бы Богом, не могло оставлять сомнения в непоколебимости этого ее взгляда, принимая во внимание всю ее нежность и мягкость; она не скрывала и не отрицала своей глубокой преданности Раулю и не было повода заподозрить ее в неискренности или временном увлечении. Последний разговор лежал тяжелым камнем на душе Рауля, и он не мог решиться на продолжительную разлуку с ней после этой как бы размолвки между ними.

Как только можно было с уверенностью предположить, что люгер совершенно скрылся из глаз Клинча, Рауль приказал изменить направление и направиться в восточную часть Салернского залива. «Блуждающий Огонь» летел с поразительной быстротой и довольно скоро подошел прямо к высотам около Санта-Агаты, настоящего местопребывания Джиты. Рауль имел две причины, чтобы поступить таким образом: с одной стороны, отсюда ему всего удобнее было подкараулить подходящее английское торговое судно; с другой — здесь он мог получить какую-нибудь весточку от Джиты, весточку очень дорогую для его сердца. Такова страсть, и Рауль ей поддался.

За последние два-три дня все так утомились на люгере от тревожного ожидания и неуверенности в своей безопасности, в том числе и сам капитан, что все чувствовали настоятельную потребность основательно выспаться. Итуэл уже с час, как улегся в свою койку, а теперь и Рауль, сделав необходимые распоряжения, ушел к себе в каюту и через несколько минут погрузился в глубокий сон, позабыв на время все свои страхи и надежды.

Все, казалось, благоприятствовало люгеру и планам его командира. Ветер почти замер, и море только покойно дышало, как уснувший исполин. Утро наступило пасмурное, но, по-видимому, все вокруг было спокойно и не требовало особенно внимательного наблюдения.

Бывают как бы минуты летаргии в жизни моряка. Тяжелые и тревожные дни требуют после себя безусловного покоя, и сон всей природы с наступлением ночи неудержимо манит последовать его примеру; самый мирный всплеск воды о бок судна как бы заменяет колыбельную песнь. Неудивительно поэтому, что все на «Блуждающем Огне» уснуло; оставались бодрствующими одни очередные дежурные, но и эти почти все поддались неудержимой магии сна — всякая обязанность становится вдвое тяжелее, если в ней нет неременной необходимости, а кругом было так мирно, и молодой лейтенант, уступая естественному влечению, уже видел во сне свой родной дом, свою мать, свою первую любовь.

Вот в каком положении находились дела на люгере.

Бодрствовал один только старый, опытный моряк, особенно гордившийся своей неуклонной строгой пунктуальностью в исполнении своих обязанностей. Он сознавал, что на нем одном лежит теперь вся ответственность за целостность судна и людей; но его ободряло отсутствие, по-видимому, всякой опасности. Чтобы скрасить несколько одиночество, он напевал вполголоса одну из песенок своей родины, которой научился еще в юности. Так дотянул он до того момента, когда далеко где-то пробуждающееся солнце послало свои первые лучи и позолотило вершины прибрежных гор; часовой радостно приветствовал утреннюю зарю, тем более, что с некоторых пор его бдительное ухо начал тревожить какой-то глухой и неопределенный шум.

— Ге-ге! Господин лейтенант! — тихо окликнул Антуан крепко спавшего молодого моряка, остерегаясь разбудить товарищей и выдать им несвоевременный сон дежурного офицера. — Это я, мой лейтенант, Антуан.

— Э! О! Что такое? Это вы, Антуан? Чего вам?

— Я слышу шум, который мне не нравится, лейтенант; боюсь, что это шум прибоа. Слышите? Вода ударяет о скалы.

— Мы на милю от берега, Андреа, и было совсем тихо.

— Но пойдите, посмотрите и прислушайтесь, уже немного светает. Не нравится мне этот шум!

Молодой человек зевнул, потянулся и неохотно пошел к борту; его ноги отяжелели, и он двигался медленнее обыкновенного. Но едва поравнялся он с бортом судна, как поднял обе руки к небу с каким-то безумным отчаянием и поднял тревогу: судно плотно село на мель! Его незаметно, по недосмотру часовых, прибило на один из многочисленных подводных островов, известных под названием островов Сирены, которыми славится местность около гор Санта-Агаты.

Вот в такие-то минуты серьезной опасности и обнаруживаются все качества капитана: когда поднялась тревога, Рауль первый появился наверху судна, и один не только сохранил полное самообладание, но еще нашел в себе силы ободрить свой экипаж. Не время было теперь упрекать виновных, надо было все искусство, все силы, всю изобретательность употребить на то, чтобы, если еще можно, спасти прекрасное судно, предмет самый дорогой сердцу Рауля после Джиты.

Между тем несчастный молодой лейтенант, бросив еще один взгляд на, по-видимому, безнадежное положение люгера, сознавая свою вину, в отчаянии, со свойственной морякам необузданной пылкостью бросился с противоположного конца судна в море и тут же утонул.

Об этом несчастье немедленно доложили Раулю.

— Если бы он это сделал час тому назад, «Блуждающий Огонь» не сидел бы теперь пригвожденным к этим скалам, как судно, которое требует починки. Но бодритесь, ребята! Попробуем спасти наш прекрасный люгер.

В словах Рауля не было бессердечной жестокости, в них говорило сдержанное отчаяние: он не мог простить того, что его чудное судно, верх совершенства и изящества, гибнет в тихую погоду по одной только небрежности.

Насколько можно было осмотреть швы судна, они казались неповрежденными, судно, очевидно, очень плавно село на мель, это подавало некоторую надежду.

В это время восходящее солнце осветило проходившую неподалеку фелуку, и Рауль отрядил за ней часть матросов под командой Итуэла, чтобы захватить ее и привести к люгеру. У него была двойная цель: или, переложив на нее часть груза с люгера, тем облегчить его и дать ему, быть может, возможность подняться и сойти с мели; или, в крайнем случае, перевести на фелуку людей, если уж от люгера придется окончательно отказаться. Но он никому не высказал своих мотивов, и никто не осмелился спрашивать его. Дисциплина на судне Рауля была образцовая, в этом заключалась вся его сила.

Отправив Итуэла за фелукой, Рауль сел на ялик, желая лично осмотреть состояние и положение люгера. Острова Сирены несколько выступают из воды, и если бы часовые не уснули в свое дежурство, они не могли бы не заметить опасности, когда судно стало слишком подходить к ним. Наступившее утро дало возможность людям познакомиться с их положением. Люгер, оказавшись, поднятый более обыкновенного сильной волной, сел в трещину между двух скал. Кругом было очень глубоко, но сдвинуть его нельзя было иначе, как избавив его от части своего груза. Пока было тихо, люгер находился в сравнительной безопасности; но каждая новая сильная волна должна была его неминуемо поднять и разбить о скалы. Пять минут было достаточно Раулю, чтобы убедиться в настоящем положении дел, и он радовался, что успел уже отправить Итуэла за фелукой. Затем осмотрены были ближайшие скалы, и Рауль увидел, что на некоторых из них можно было без повреждения сохранить часть груза.

Рауль немедленно распорядился, чтобы принялись за дело. На трех лодках стали вывозить вещи. Рауль сразу увидел, что полумеры не помогут и что придется многим пожертвовать; главное — спасти во что бы то ни стало судно и людей. Бросали в воду все, без чего можно было обойтись, оставляя провизии лишь столько, чтобы хватило до Корсики.

Рауль сделал все, к чему его обязывала его ответственность, как капитана. Час деятельного, разумно организованного и настойчивого труда уже принес много. Между тем ему донесли, что волной снизу уже начинает немного поднимать значительно облегченный люгер. Фелука, захваченная Итуэлом, приближалась, и можно было рассчитывать, что она плотную подойдет к люгеру через десять минут. На палубе люгера было множество различных предметов, предназначенных для перемещения на фелуку; кругом по скалам разложены были бочки, ящики, снасти, балласт и другие вещи; только с оружием и припасами Рауль не расставался, для себя решив защищаться до последних сил, но, по-видимому, нападения ниоткуда не предвиделось. Чтобы не терять времени даром, и с приходом фелуки прямо приняться за окончательную разгрузку, Рауль отдал приказ команде завтракать. Эта минута отдыха дала ему возможность осмотреться и поразмыслить. Много раз его глаза тревожно обращались к высотам Санта-Агаты. Помимо образа дорогой ему Джиты, его влекло туда и беспокойство, как бы какой-нибудь случайный путник не заметил его потерпевшего судна и как бы весть об этом не дошла до англичан. Но было еще слишком раннее утро, и никого не было видно; к тому же Итуэл приближался с фелукой и, конечно, убрал на ней флаг.

Как все изменилось! Давно ли Рауль гордо стоял на своем маленьком люгере с головой поднятой вверх, с сознанием преимущества своих сил и молодости. А теперь? Его голова поникла, он имел вид человека, настигнутого несчастьем. Но все же он не утратил своей врожденной предприимчивости и, сидя на деке своего потухшего «Блуждающего Огня», строил планы возможности захвата какого-нибудь хорошего английского судна, если не удастся спасти люгер. Ожидаемая фелука давала ему эту возможность, а экипаж его был достаточно многочислен и смел, чтобы предприятие удалось.

Пока он еще сидел, погруженный в свои соображения, подъехал и Итуэл. Фелуку привязали к люгеру, матросов, бывших с Итуэлом, отправили завтракать, а Итуэла Рауль пригласил разделить с ним его скромную трапезу. За едой обе стороны обменялись сообщениями о том, что произошло за это короткое время, и Рауль с тревогой узнал, что все люди с фелуки сели в лодку при первом приближении Итуэла с матросами, считая сдачу фелуки несомненной, и уехали. Из того, в какую сторону они отправились, Раулю стало ясно, что они поняли, какое судно оказалось зажатым в расщелине скал Сирены, и теперь можно было наверное поручиться, что еще в течение утра об этом происшествии будет сообщено англичанам.

Глава XXVII

Теперь веди меня вперед; я готов. Идти с тобой — это остаться здесь; остаться здесь с тобой — это поступить против моей воли. Ты для меня все пространство, все вещи, существующие под небом.

Мильтон

Известие, сообщенное Итуэлом, совершенно меняло положение дел. Менее чем через час могли явиться неприятельские лодки с такими военными силами, против которых маленькому люгеру нельзя было бы устоять; самих фрегатов и корвета нельзя было ожидать вследствие полного безветрия.

Рауль еще раз взвесил все обстоятельства, посмотрел на своих матросов, спокойно завтракавших со свойственным морякам равнодушием к опасностям, и увидел, что вся ответственность лежит на нем. Но он не был человеком, уклоняющимся от своих обязанностей, и употребил те свободные секунды, которыми еще мог располагать, на окончательное, зрелое обдумывание возможного выхода из почти безвыходного положения.

Все вооружение люгера находилось еще на нем, но часть его необходимо было снять, чтобы сдвинуться с места. Рауль решил часть оружия перенести на фелуку, куда перевести также и часть экипажа. Кроме того, он решил воспользоваться развалинами древнего храма на одном из

островов Сирен, чтобы за ними укрыть также часть вооруженных людей. Он сам отправился на ялик обследовать вблизи эти руины и из осмотра вынес благоприятное впечатление. Вот чем пока ограничивались его приготовления, и он находил их не совсем безнадежными.

Между тем время, определенное для завтрака, прошло, и весь экипаж был созван наверх. Рауль распределил офицеров, дав им соответственные инструкции и надлежащее число матросов. На фелуку перешел Итуэл, которому Рауль предоставил по его усмотрению наилучшим образом употребить четыре перенесенные туда пушки.

Второй отряд под командой первого лейтенанта был перевезен к руинам; туда же доставили достаточное количество припасов, воды и более легкого оружия.

В то же время Рауль с помощью одного из офицеров попытался изменить положение люгера. Это дело требовало ловкости, сообразительности и осторожности. По расчетам Рауля, английский фрегат в настоящую минуту уже должен был знать о несчастье с люгером, и надо было дорожить каждой минутой. Рауль всем распоряжался; но соединенные силы всех матросов и офицеров не привели ни к чему — люгер не двигался с места. У Рауля уже мелькнула было мысль поджечь люгер, а самому со всем экипажем и тем, что можно было еще спасти, пересечь на фелуку и спастись пока еще не было поздно. Он даже высказал это предположение офицерам, хотя и скрепя сердце, но те были не такими людьми, чтобы согласиться бросить такое прекрасное, совершенное судно, пока еще была хотя малейшая надежда спасти его.

Рауль с точностью осторожного командира высчитал время, когда можно было ожидать врага; оставалось всего несколько минут, но никто еще не появлялся. Тогда он начал надеяться, что, может быть, судовщики с фелуки ошибочно сообщили о месте нахождения люгера судам, стоящим в Неаполитанском заливе, вместо того, чтобы известить фрегат «Прозерпину». Такой промах, если он действительно был сделан, давал в распоряжение Рауля еще целый день, и он мог отплыть под благоприятным покровом ночи.

Рауль Ивар чувствовал, что наступает решительная минута, употребляются последние усилия. Как нарочно прибой значительно ослабел с наступлением утра, а экипажу необходима была помощь со стороны самого моря: надо было, чтобы волной подняло дно люгера. Рауль напряженно следил за ходом дела и вселял бодрость и энергию в души своих храбрых молодцов матросов.

— Еще одно усилие, ребята, набегают волна! Сильнее! Вот так! — подбодрял он.

В первый раз закаменевшее в своей неподвижности судно сделало чуть заметное движение вверх; это придало энергии экипажу, а Рауль со своей стороны постарался не дать остыть этой энергии.

— Прекрасно! Еще раз! Молодцы!..

Теперь уже ощутимо подняло люгер волной; еще одно последнее страшное усилие, и «Блуждающий Огонь», покинув свое каменное ложе, выплыл на глубокое место.

Это было успехом, торжеством, и как раз в такую минуту, когда наименее способные потерять надежду уже начали приходить в отчаяние. Восторг был всеобщий: матросы обнимали друг друга. У Рауля выступили слезы на глазах, и он не мог их скрыть, потому что все его окружили с поздравлениями. Выражение восторга продолжалось две или три минуты, как вдруг Итуэл, как всегда холодный и непроницаемый, протиснулся сквозь толпу и молча указал рукой в сторону Кампанеллы: оттуда показались давно ожидаемые неприятельские лодки.

Выражение лиц у всех разом изменилось; следовало приготовиться к отчаянной обороне. Для всех было совершенно ясно, каким образом и кем были оповещены англичане, так как собственник фелуки естественно поторопился возвратить, если можно, свое судно. Но, оповещающая

англичан, он раньше попал на фрегат «Терпсихору», и сэр Фредерик Дэшвуд воспытал желанием пожать лавры. Он сообщил полученное сведение капитану Куфу, и решено было с каждого судна отправить по две вооруженные лодки; промедление, возбудившее надежду в Рауле, произошло от возникшего несогласия по вопросу о том, кому поручить командование экспедицией. В конце концов первенство осталось за сэром Фредериком Дэшвудом.

До того момента, когда неприятель мог подойти совсем близко, оставалось с час времени, но не было никакой возможности успеть вновь нагрузить люгер всем необходимым, чтобы настоящим образом им воспользоваться, и наиболее укрепленной защитой при настоящих обстоятельствах Рауль считал руины, а потому и перешел сам туда, поручив Итуэлу фелуку, а старшему лейтенанту люгер и предоставив им право по их личному усмотрению отвести их в наиболее надежное место.

В полчаса все привели в порядок. Итуэл поместил фелуку посреди островков Сирены, чем затруднил доступ к ней неприятельских лодок; на люгер же успели переложить надлежащий балласт и провизию и разместили на нем пушки, принимая во внимание более выгодное положение неприятеля, свободного в своих движениях; кроме того имелась в виду возможность оказывать друг другу помощь.

Когда все таким образом было готово, Рауль обошел люгер и фелуку, чтобы лично убедиться в исправности обоих и ободрить своих славных людей. Все оказалось в образцовом порядке. Со своим старшим лейтенантом Рауль перекинулся всего несколькими словами: это был опытный моряк, особенно в таких случаях, как настоящий, и Рауль ему вполне доверял. Разговор с Итуэлом был несколько продолжительнее — не потому, что на него менее можно было понадеяться, а потому что надо было вызвать в нем особый подъем духа, при котором проявлялась его необыкновенная изобретательность.

— Вы, конечно, ничего не упустите из виду такого, что могло бы нам помочь, Итуэл? — говорил ему между прочим Рауль.

— Я? Ведь я помню, что иду на борьбу уже с веревкой на шее, они не забудут мне ничего из моего прошлого, эти дьяволы!

— Прощайте, мой друг; помните о наших двух республиках.

Рауль пожал руку американцу и возвратился к своему ялику. Островок с развалинами находился недалеко, но надо было подъехать к нему в обход. На одном из поворотов Рауль неожиданно почти столкнулся с лодкой и невольно вздрогнул; но страх оказался напрасным, так как в лодке сидели только старик Джунтотарди и его племянница. Джита сидела с поникшей головой и, казалось, плакала. Рауль был крайне удивлен такой неожиданностью и, говоря откровенно, предпочел бы прибытие этих посетителей в другое время.

— Что это значит, Джита? — воскликнул он. — Видите, там англичане, сейчас начнется атака, а вы здесь!

— Мы сначала не заметили их, а когда увидели, то уже не захотели вернуться. Я первая в Санта-Агата увидела несчастье с вашим люгером и упросила дядю проводить меня сюда.

— Почему, Джита? Ваши убеждения изменились? Вы согласны стать моей женой? Мое несчастье пробудило в вас дремавшую женщину — да?

— Не совсем так, Рауль; но я не могу оставить вас в таком большом несчастье. У нас есть друзья там наверху, они вас спрячут до первого случая, как только представится возможность уехать во Францию. Пойдемте к ним, мы вас проводим — вас и американца.

— Как! Вы хотите, чтобы я бросил моих храбрых товарищей в такую минуту? Никогда я не сделаю такой низости, Джита, даже если вы мне в награду посулите вашу руку.

— Вы не в таком положении, как они, над вами тяготеет смертный приговор, и если вы теперь попадете к ним в руки, вас ничто не спасет.

— Довольно, Джита, довольно! Теперь не время спорить. Английские лодки приближаются, и вы едва успеете отъехать на безопасное расстояние. Да хранит вас небо, Джита! Я не забуду вашего участия. Синьор Джунтотарди, гребите скорее к Амальфи.

— Ваши слова бесполезны, Рауль, мы останемся, если вы не хотите следовать за нами, — сказала Джита.

— Это невозможно, Джита! Мы беззащитны, нам некуда вас поместить, и вы, конечно, не захотите отвлекать меня от моих прямых обязанностей беспокойством за вас.

— Мы вас не оставим, Рауль; может настать минута, когда вам понадобятся молитвы истинно верующих. Бог нас привел сюда, чтобы или увести вас или обеспечить за вами вечное спасение.

Рауль был тронут таким горячим участием молодой девушки; надо было дорожить каждой минутой, и он, уступая поневоле настояниям дяди и племянницы, взял их с собой на островок с развалинами, который приготовился отчаянно защищать.

Оставленная Раулем на этом острове часть его экипажа начинала уже обнаруживать признаки нетерпения; но когда он появился под руку с Джитой, иные чувства пересилили, и их встретили восторженные приветствия. По счастью, доктор экипажа выбрал именно этот остров местом своего пребывания, совершенно верно рассчитывая, что здесь будет происходить наиболее ожесточенная битва; он отыскал даже углубление в одной из скал позади развалин, где думал перевязывать своих раненых. Сюда-то и пристроил Рауль Джиту и ее дядю; затем он нежно поцеловал Джиту, которая не могла отказать ему в этом знаке любви в такую минуту, и сейчас же вырвался из ее объятий, чтобы поспешить к своим неотложным обязанностям, становившимися настоятельными.

Между тем сэр Фредерик Дэшвуд подошел уже на расстояние выстрела, и подошел именно так, как ожидал Рауль. Семь английских хорошо вооруженных лодок вытянулись в одну линию, а на восьмой находился сам командир; на некотором расстоянии позади, вне неприятельских выстрелов, на наемной лодке тащились Андреа Баррофальди и Вито Вити, которым не было проходу от насмешек всех офицеров и даже матросов после чудесного исчезновения Рауля у них на глазах. Вице-губернатор даже слишком настаивал на своем желании принять активное участие в битве, но от этого удалось удержать его Вито Вити, который благоразумно выставлял на вид все неудобство взяться в их солидном положении за совершенно чуждое для них дело.

— Если вы чувствуете в себе такой прилив энергии и такую жажду деятельности, то прочтите громко одну из речей древних римских консулов, — убеждал его с жаром подеста.

Вице-губернатор, наконец, уступил, и они явились таким образом только в качестве зрителей.

Лодки остановились в полмиле от французов, и когда Рауль высматривал в подзорную трубу неприятельские силы и узнал обоих итальянцев, то не мог удержаться от смеха, хотя теперь и не время было для забавных воспоминаний.

Затем наступила торжественная минута, предшествующая битве, минута выжидания, когда уже все приготовления окончены.

Глава XXVIII

— Упершись спиной в скалу, крепко выставив вперед ногу, подвигайтесь один за другим, идите все вместе! — воскликнул он. — Этот камень сдвинется с места передо мной.

Вальтер Скотт. «Дева озера»

Картина битвы будет понятнее читателю, если мы дадим краткое ее описание в том порядке, как все происходило. Сэр Фредерик Дэшвуд приготовился к атаке со стороны суши, опасаясь, как бы французы не укрылись в реке. Рауль предвидел это и для того, чтобы лучше защитить свои суда, поставил их за едва заметно выступавшими из воды скалами, делая их таким образом как бы оплотом, баррикадой, между судами и неприятельскими лодками. Итуэл имел две пушки и пятнадцать хорошо вооруженных матросов на своей фелуке.

«Блуждающий Огонь» был поручен Жюлю Пентару, старшему лейтенанту люгера. Ему было вверено четыре пушки и двадцать пять человек команды; на люгер успели перенести только часть его оснастки и около трети всякого груза, оставив остальное на скалах в ожидании исхода битвы. Полагали, что люгер в таком виде обставлен порядочно и в случае надобности может даже хорошо пойти при легком ветре. Все четыре пушки были помещены по одну сторону люгера, что делало силы французов более грозными, давая возможность одновременно употребить в дело четыре орудия.

Среди развалин на островке Рауль примостил остальные четыре пушки и остался доволен той тщательностью, с какой они были установлены. Развалины не представляли из себя ничего грандиозного и были почти незаметны даже на не особенно далеком расстоянии, тем не менее, благодаря расположению скал и больших камней, которыми можно было воспользоваться, французы до некоторой степени были защищены.

Доктор, Джунтотарди и Джита укрылись в естественном углублении одной из скал, где они были в полной безопасности. Доктор готовил все необходимое: приводил в порядок свои хирургические инструменты, зонды, скальпели и прочее. Никто не обращал на него решительно никакого внимания, даже Джунтотарди с племянницей, которые уже углубились в молитву.

В ту минуту, когда все приготовления были окончены, Итуэл в рупор спросил Рауля, не поднять ли паруса на обоих судах, так как они только загромаждают палубу. Рауль отвечал, что ничего не имеет против этого, и Болът был этому рад, так как предпочитал во всякую минуту быть готовым к бегству и заранее забавлялся замешательством англичан, когда им придется одновременно гнаться за двумя судами.

Со стороны англичан все затруднения были разрешены и все предварительные распоряжения сделаны. Капитан сэр Фредерик Дэшвуд руководил экспедицией, а лейтенанты Винчестер и

Гриффин после нескольких возражений, сделанных громко, и нескольких проклятий, произнесенных сквозь зубы, должны были ему подчиниться. Из знакомых нам офицеров участвовали еще Клинч и Странд. Все были бодро настроены и не сомневались, что «Блуждающий Огонь», наконец, попадет им в руки, хотя, по всей вероятности, очень дорогой ценой, принимая во внимание всем известный смелый и сильный характер врага; все готовились к большим потерям, хотя неизвестно было, на кого именно падет печальный жребий.

Сэр Фредерик Дэшвуд, на котором лежала нравственная ответственность за исход борьбы, менее всех был заинтересован в результате. Постоянный баловень судьбы, полный веры в непобедимость англичан, он не давал себе труда представить неудачный исход. Однако он не пренебрег советами более опытных моряков; так, между прочим, Куф дал ему несколько полезных советов и указал на Винчестера и Странда, как на людей особенно знающих.

— Я с вами отправляю между прочим одного талантливый и понимающего дело офицера, Клинча, — говорил Куф, — пожалуйста, выдвиньте его сегодня — ему недостает только случая, чтобы идти успешнее по службе.

Обе стороны были уже совершенно готовы к битве, и обе с одинаковой тревогой ожидали появления могущего сейчас подняться ветра. Итак, в таком положении было дело перед началом битвы.

Выстроив свою команду, сэр Дэшвуд на своей гичке обошел все лодки и отдал последние приказания — довольно неясные, но сделанные беспечным и довольным тоном, способным поддержать общее веселое настроение. Наконец, он дал сигнал к атаке, и сам двинулся вперед.

Рауль в подзорную трубу внимательно следил за всеми движениями неприятеля; ничто не ускользнуло от его внимания, и он сразу заметил, что сэр Фредерик уже в самом начале делал крупную ошибку, так как слишком разбросал свои главные силы, чем значительно их ослабил.

Англичане подошли уже на четверть мили к французам, но еще ни одна из сторон не открывала стрельбы. Однако Рауль уже насилу сдерживал горячность своих людей и, наконец, не выдержал сам и дал выстрел из одной из своих пушек; за ним последовали три остальных, а также пушки люгера. Тогда англичане ответили тем же.

Эти первые залпы из пушек бывают обыкновенно наиболее опустошительны. Англичане, как менее защищенные, понесли большую потерю — до восьми человек раненых и убитых; из команды Рауля убило одного.

Начавшаяся канонада не прекращалась теперь ни на минуту, сопровождаясь все новыми потерями с обеих сторон.

Поведение Итуэла вызвало некоторое недоумение и неудовольствие, и не будь так известна всем его ненависть к англичанам, он поплатился бы жизнью, как изменник. Когда после первого залпа, данного Раулем, последовали залпы остальных пушек около руин и пушек люгера, матросы, находившиеся на фелуке и обязанные последовать данному примеру, к их удивлению не произвели никакого выстрела из своих пушек, так как, как оказалось, Итуэл вынул из них затравочный порох. После некоторого глухого ропота матросы с фелуки выстрелили из своих ружей, и Рауль, также удивленный сначала молчанием с фелуки, успокоился затем, услышав ружейные выстрелы.

Конечно, не с целью измены Итуэл сделал это; напротив, зная, что никакими убеждениями ему не удержать горячих французов, он решил на деле лишить их возможности действовать, находя более благоразумным приберечь хороший залп для более важной минуты.

И вот теперь настала эта минута. Стремясь овладеть островком с руинами, наиболее беспокоившим их, англичане по преимуществу обстреливали его, и благодаря все еще продолжавшемуся безветрию там сгустилось такое количество дыма, что с трудом можно было различать лодки. Тогда-то вложил Итуэл снова затравочный порох в свои две пушки и выпалил. Этот неожиданный залп с фелуки, откуда никто его не ожидал, произвел сильное опустошение среди неприятелей и удивил самого Рауля. Канонада прекратилась, вследствие чего дым, концентрировавшийся до тех пор около островка руин, мало-помалу рассеялся, и Рауль увидел убегавшие в разные стороны лодки неприятеля с очевидной целью — заставить французов разделить свои силы. Убегали все, кроме одной, наиболее потерпевшей от залпа, данного Итуэлом; на ней было шестнадцать человек, из которых только двое уцелели и были взяты на одну из остальных лодок, а четырнадцать были ранены и оглашали воздух своими стонами. Из человеколюбия, а также из расчета, Рауль запретил стрелять в них, и после нескольких выстрелов, пущенных вслед убегающим, первый акт битвы был кончен.

Перерыв в битве позволил подсчитать потери с обеих сторон: из экипажа Рауля выбыло одиннадцать человек ранеными и убитыми; из числа англичан тридцать три. Стоны и крики раненых непрерывно напоминали об испытываемых ими страданиях.

Рауль не мог не видеть, что до сих пор перевес в смысле удачи был на его стороне, но он должен был думать о дальнейшем ходе борьбы, а потому велел теперь прекратить огонь, чтобы осмотреть пушки и сделать необходимые исправления. Затем с небольшим числом людей он отправился к брошенной лодке с ранеными. Обременять себя пленными при существующих обстоятельствах было бы огромной ошибкой, а признать раненых пленными было бы безумием; между тем нельзя их было оставить в таком положении. Доктор Рауля не успевал справляться со своими ранеными, а потому, найдя в неприятельской лодке немного белья, корпии и других приспособлений, Рауль поручил своим матросам, насколько возможно, облегчить страдания несчастных, дать им воды, которой они просили, и затем оттянуть их лодку за линию битвы на случай, если бой возобновится.

— Нет, нет, капитан Рауль, — воспротивился Итуэл этому последнему распоряжению. — Лучше оставьте их там, где они стоят, это будет лучше для вас, англичане не станут стрелять в своих собственных раненых.

Рауль не мог удержаться, чтобы не кинуть на него взгляда, полного негодования, и, обернувшись к своим людям, сделал им знак исполнить его приказание. Но затем он вспомнил о только что оказанной Итуэлом важной услуге, о том, насколько он вообще ему полезен, и, не желая оскорблять его, перешел на конец своего островка, ближайший к фелуке, и сердечно заговорил с ним. Это не было лицемерием с его стороны; он действительно ценил в Итуэле полезного и дельного моряка.

Между тем Джита вышла из своего убежища и внимательно следила за каждым движением любимого человека. Если бы Рауль мог читать в сердце молодой девушки, он увидел бы, что даже в молитвах ее сердце разрывалось надвое между ее любовью к Богу и смертельной тревогой за него. Их взгляды встретились, и она кротко улыбнулась ему, с умоляющим видом подняла одну руку к небу, как бы заклиная его принести благодарность Тому, Кто покровительствовал ему сейчас в борьбе. Он понял ее, вежливо раскланялся перед ней и затем снова обратился к Итуэлу, отвечая ему на его предложение воспользоваться удобным моментом и ехать, так как уже начинает подниматься ветерок.

— Еще не время, Итуэл, еще слишком мало ветра; надо подождать еще с час.

Итуэл поворчал, но Рауль сделал вид, что не слышит его.

Между тем лодки англичан вновь сблизились. Было ясно, что они снова готовятся к нападению. Бежать теперь — значило отказаться от своих преимуществ и подвергать опасности все три отряда.

В действительности сэр Фредерик Дэшвуд устыдился своей неудачи и, собрав всех своих раненых в одну лодку и поручив отвезти каждого на его судно, сам вторично пошел на Рауля. Человек апатичный по натуре он, как это обыкновенно бывает с такими людьми, раз затронутый за живое, вдруг проявил необыкновенную энергию. К его счастью, Куф дал ему сильную команду, так что, несмотря на большие потери, англичане и теперь еще вдвое превосходили числом французов.

На этот раз сэр Дэшвуд не пренебрег советами своих помощников и разделил свои силы, чтобы избежать повторения катастрофы. Таким образом, часть лодок направилась к лагерю, другая пошла против фелуки, а остальные наметили себе островок с руинами. Сэр Фредерик на своей гичке оставил за собой право передвигаться туда, где в данный момент он окажется более необходим.

Первый залп был дан Мак-Бином, офицером с корвета, по фелуке, и так удачно, что сорвало одну из пушек с лафета, причем сама пушка свалилась в трюм, а осколками лафета более или менее серьезно поранило многих матросов. Этот успех очень ободрил англичан и сильно смутил Итуэла, который, желая ответить тем же, так торопливо послал выстрел из второй пушки, что только море окуталось дымом за несколько саженей от неприятеля, и ни один человек не пострадал. Тогда началась общая канонада, и пушечные выстрелы чередовались с ружейными.

Между тем неприятельские лодки усиленно гребли к островку и по непонятной причине почти не встречали отпора, так что в течение одной или двух минут все потери были на стороне одних только французов.

В это время Итуэл и Пентар одновременно дали залп, причем Итуэлу особенно посчастливилось, и он отплатил Мак-Бину его же монетой. Тот счел за более разумное повернуть в другую сторону и присоединиться к лодкам, атаковавшим островок.

Осаждавшие Пентара после подобного же приема с его стороны последовали тому же примеру.

И тогда, посреди дыма, криков, проклятий и шума стрельбы, англичане все разом бросились к главному посту и мигом овладели им.

Глава XXIX

Такое ход вещей — всегда изменчивый, всегда вращающийся, описывающий вечный круг. День, который нас возносит к вершине славы, указывает нам на предел, откуда мы неизбежно начинаем спускаться.

Даниэль

Очень трудно дать ясный отчет о том, как все это произошло. Все, что было Известно, это — стремительность, с какой взята была штурмом батарея, и последствия этого, половина французов плавала в своей собственной крови, распростертая среди развалин вперемешку с порядочным количеством англичан, купивших этой ценой победу. Борьба была ожесточенная, причем раздражению и неустрашимости англичан отвечала не меньшая энергия и благородный отпор французов; но последних погубила их сравнительная малочисленность. Сэр Фредерик Дэшвуд был в числе убитых: его нашли распростертым на скале на расстоянии сажени от его гички, с головой, пробитой пулей. Гриффин был довольно опасно ранен. Клинчу повезло больше: он уцелел, и видели, как он срывал французское знамя, водруженное около батареи, и заменял его английским. Его лодка первая захватила остров, и он был во главе экипажа, овладевшего батареей; он неустрашимо сражался ради Джейн и своей карьеры, и на этот раз судьба отнеслась к нему очень милостиво.

Что касается Рауля, то он лежал у подножия насыпи, на которой прилажена была батарея, куда он бросился, желая отстранить Клинча; их сабли скрестились, а в это время Мак-Бин выстрелил в него из ружья, и пуля прошла навывлет.

Уже повергнутый на землю, он имел еще силы отчетливо крикнуть: «Ради всего святого, лейтенант, спасите мой „Блуждающий Огонь“!..»

Весьма возможно, что честный Пентар в состоянии был бы исполнить приказание своего капитана, если бы не показались в эту минуту английские суда из-за мыса Кампанеллы.

В эту минуту давно готовая к отплытию фелука двинулась; на палубе никого не было видно. Сам Итуэл, пустивший ее в ход и руководивший движением, так скорчился, съежился и притаился, что его нельзя было заметить.

Пентар, в первую минуту очень удивленный, решил затем сделать то же: как ни не хотелось ему и всем остальным оставлять Рауля, но, судя по той позе, в которой он лежал, зажимая рукой полученную рану, надо было думать, что рана была смертельна.

Две или три неприятельские лодки погнались было за ними следом; но Винчестер, взявший теперь на себя командование, объявил, что дальнейшее преследование «Блуждающего Огня» надо предоставить судам, а им заняться пленными и ранеными.

Итуэл направил фелуку не туда, куда устремился люгер, рассчитывая совершенно верно, что тот будет слишком сильной приманкой, а потому на его фелуку не обратят внимания. Так оно и было, хотя хозяин фелуки находился на фрегате «Терпсихора» и умолял офицеров о спасении своего судна; но все были главным образом заинтересованы поимкой «Блуждающего Огня», о подробностях же битвы и смерти сэра Дэшвуда пока еще ничего не узнали, кроме того, что на острове развалин красовался английский флаг и оба судна спасались бегством.

Ветер благоприятствовал, и, имея три судна в своем распоряжении, капитан Куф, потирая руки, с довольным видом ходил по палубе своей «Прозерпины», уверенный на этот раз в успехе. Отдав приказ корвету и «Терпсихоре» не дать люгеру возможности повернуть куда-нибудь в сторону, он сам шел ему наперерез.

Люгер, распустив все свои паруса, мчался вперед; «Прозерпина» гналась за ним, но молча, капитан не надеялся настичь его выстрелами, и пока оба судна всю свою силу видели в скорости. Но большие суда скоро убедились, что расстояние между ними и «Блуждающим Огнем» не уменьшается; а фелука тем временем преспокойно пересекла путь фрегату «Терпсихора» на

расстоянии большем пушечного выстрела и, скажем кстати, благополучно достигла в свое время Марселя, где Итуэл продал ее вместе со всем, что на ней находилось, а сам спустя некоторое время исчез. Мы еще будем иметь случай сказать о нем два слова, когда станем заканчивать наш рассказ.

Это состязание в скорости скоро убедило Пентара, что ему нечего бояться преследующих его судов; действительно, обстоятельства благоприятствовали люгеру. Если бы не явилось какого-нибудь изменения в силе или направлении ветра и относительная скорость судов осталась та же, то «Блуждающий Огонь» надеялся еще до наступления ночи скрыться из виду от своих врагов. До сих пор все четыре судна шли поразительно равномерно, «Прозерпина» несколько опережая «Терпсихору» и корвет. Пентар не сходил с палубы, поражаясь легкости люгера. Точно так же и Куф не оставлял палубы «Прозерпины» даже на ночь.

— Сдается мне, Иэльвертон, — говорил Куф своему третьему лейтенанту, — что люгера и на этот раз нам не поймать. Наши компаньоны нисколько не помогают, и все мы трое только следуем друг за другом, как старые девы к обедне в воскресенье. И чего зевал этот Дэшвуд, черт возьми?! Почему он не удержал его, когда взял приступом скалы? Будет же ему от меня, только он мне попадись!

Куф не говорил бы так, если бы знал, что как раз в эту минуту переносили тело сэра Фредерика на большое судно, капитаном которого был один из его родственников и которое стояло в Неаполитанском заливе. Но он этого не знал и о смерти услышал только через несколько дней, когда тот был уже похоронен.

— Возьмите подзорную трубу, Иэльвертон, — продолжал капитан, — и посмотрите, может быть, вы яснее различите люгер, я его вижу точно сквозь туман. По-видимому, он страшно быстро от нас удаляется.

— Но я его совершенно не вижу, капитан. А, вот! Нет, я его опять потерял. Я не нахожу его; попробуйте вы, капитан.

Куф снова вооружился подзорной трубой, но без успеха. То ему казалось, что он видит люгер, то он убеждался, что это было его воображение. Он так долго и так напряженно смотрел на него, что теперь мог каждую минуту представить его себе совершенно отчетливо; даже уснув, он видел его перед собой во сне так же ясно, как наяву, и был один момент, когда он приснился ему уже взятым в плен англичанами и с английскими матросами на палубе.

Между тем за час до рассвета ветер вдруг переменился и страшно усилился; приближался сирокко, которого ожидали, и уже час спустя разыгрался настоящий шквал. Не только люгер окончательно исчез из виду, но и три английских судна потеряли друг друга. Было туманно, дождь сопровождал шквал, моря не было видно в ста саженьях от корабля. Но фрегат все шел вперед. Куф не мог решиться окончательно отказаться от поимки люгера, хотя она теперь являлась более чем сомнительной. Часовые наверху мачты больше для соблюдения формы находились на своих местах, потому что и они ничего не могли разглядеть сквозь туман.

Офицеры и матросы завтракали. Общее настроение было мрачное и недовольное, и для всех Рауль Ивар совершенно утратил тот интерес, какой представлял еще так недавно. Иные разбирали, насколько вероятно, что другие суда встретят люгер; иные клялись, что мало его увидеть, так как никому его не, взять, если только он заключил договор с нечистой силой — недаром же называется он «Блуждающим Огнем»: его по морю ловить, все равно, что блуждающий огонь на болоте; счастливы еще будут отправленные на лодках офицеры и матросы, если они когда-нибудь возвратятся на свое судно.

В эту минуту часовые дали знать, что вдали показалось какое-то судно. Офицеры заинтересовались и направили на него подзорные трубы.

— С нами силы небесные! — воскликнул Куф. — То «Блуждающий Огонь»! Я не могу ошибиться, я его слишком хорошо знаю!

Все согласились с ним и были страшно удивлены.

— Надо думать, что ему нас не видно, и он предполагает, что мы идем у него под ветром. Надо повернуть, момент самый подходящий, — говорил Куф с сосредоточенным видом.

Попытка обещала успех: «Прозерпина» послушно двинулась по данному ей направлению, и следующие пять минут весь экипаж напряженно следил за результатом. Туман спустился еще сильнее, «Блуждающий Огонь» опять потерялся; но по расчету капитана оба судна должны были почти столкнуться через четверть часа. Приготовили пушки для момента встречи.

— Вот он, капитан! — крикнул один из мичманов.

Это действительно опять был люгер. Необъяснимо было, как ни один из часовых «Блуждающего Огня» не видел раньше «Прозерпины». На основании тех данных, какие узнали позднее, следовало предположить, что, утомленные суточной непосильной работой все двадцать пять человек, находившиеся на люгере, уснули и проснулись только уже в полумиле от «Прозерпины». Но было уже поздно, и хотя все на люгере пришло в движение и он стремительно бросился прочь, но уже не успел уйти из-под выстрелов, сигнал к которым подал Куф в эту минуту. Три залпа последовали один за другим, но затем налетел шквал и положил конец преследованию и стрельбе. Этот кратковременный порыв африканского ветра был так ужасен, что кое-какие из снастей «Прозерпины» не устояли и поломались. Но вот шквал прекратился, показалось солнце — а люгер исчез бесследно.

Последующие затем несколько минут до нового шквала фрегат употребил на розыски люгера, но нигде не было видно никаких признаков его присутствия: море бесследно поглотило люгер, его экипаж, пушки и паруса. Надо было предположить, что так как многое из его принадлежностей осталось лежать на скалах, то на нем не оказалось никаких легких вещей, которые могли бы всплыть на поверхность воды. Все его лодки остались на острове развалин, и если кто из людей бросился в воду, надеясь спастись вплавь, то они или не рассчитали своих сил, или приняли неверное направление, но с фрегата никого из этих несчастных не видели.

Куф и другие были поражены таким неожиданным и жестоким бедствием: подобного рода гибель судна производит среди моряков такое же впечатление, как внезапная смерть в семье. Такая участь может ожидать всех, и эта мысль наводит грусть. Фрегат еще некоторое время оставался около того места, надеясь оказать, может быть, помощь нескольким несчастным, ожидающим спасения; но никого и ничего не было видно на поверхности воды, и около полудня «Прозерпина» направилась к Неаполитанскому заливу. Однако по дороге фрегат уклонился в сторону в погоне за новым неприятельским судном и только через несколько дней вернулся в Неаполь, приведя туда же и взятый на этот раз вражеский корвет.

Прямо по прибытии в Неаполь Куф поспешил на адмиральское судно, чтобы доложить Нельсону о последних событиях.

Адмиралу было известно только то, что произошло в развалинах, и ничего другого.

— Ну что, Куф, — встретил ой его, подавая ему здоровую руку, — люгер опять ускользнул? В сущности, это скверно; но ничего не поделаешь. Где он теперь, как вы думаете?

Куф передал ему все, что касалось люгера, и рапортовал о захваченном им корвете. Последнее известие Нельсон выслушал с удовольствием, а первому очень удивился. После короткого раздумья он вышел во вторую свою каюту и вынес оттуда запачканный и разорванный, но еще целый флаг.

— Посмотрите вот это; когда капитан Лейон заканчивал свое плавание, это маленькое знамя, брошенное волной на один из запасных якорей его корвета, зацепилось за него; оно странного вида. Не имеет ли оно какого-нибудь отношения к люгеру?

Куф посмотрел на него и сейчас же узнал в нем небольшой флаг «Крыло-и-Крыло», описание которого он столько раз слышал от двух итальянцев. Вот все, что осталось от «Блуждающего Огня».

Глава XXX

Как прекрасно страдание, когда оно украшено девственной невинностью!

Оно делает гнусным блаженство других.

Давенант

Теперь вернемся назад и попробуем описать печальные картины на островке развалин.

Ни одна капля крови не обагрила руки Андреа Баррофальди и Вито Вити; они стояли в отдалении на своей лодочке, а когда была одержана победа англичанами, то подъехали к острову развалин и были свидетелями того, что на нем происходило.

— Вице-губернатор, — обратился к Баррофальди подеста, указывая на распростертый труп сэра Фредерика и тут же лежавших в страшных мучениях раненых Рауля Ивара и других, — назовете вы реальной эту картину или скажете, что это все одна игра нашего воображения?

— Боюсь, сосед Вито, что это печальная действительность.

Скажем же несколько слов об этой грустной действительности. Едва только выдалась свободная минута, Винчестер обошел поле битвы. Он нашел много убитых англичан и еще большее число раненых. Среди французов больше половины было раненых. Но более всего всех огорчала смертельная, по словам доктора, рана Рауля Ивара; даже врачи почувствовали к нему сострадание. Обе боровшиеся стороны проявили беспримерное мужество, но значительный количественный перевес был на стороне англичан, а потому, естественно, победа осталась за ними. Когда выяснилось, что три английских судна пустились в погоню за люгером, английские офицеры решили заняться ранеными, и через какие-нибудь два часа энергичной работы помощь

им была оказана насколько возможно, то есть сделаны необходимые ампутации и перевязаны раны. День уже клонился к вечеру. Всех раненых осторожно положили в лодки и направили к тому английскому судну, которое служило госпиталем в эскадре. Уцелевшие французы предложили свою помощь для исполнения этой печальной обязанности. Теперь оставались только гичка сэра Фредерика, на которой Винчестер предполагал переправить его тело, наемная лодка Баррофальди и та, в которой приехали Карло Джунтотарди и его племянница. Из французов оставались еще оба итальянца с их перевозчиками, Джунтотарди с племянницей и Винчестер с экипажем гички.

Солнце уже заходило за соседние горы, и надо было принять окончательное решение. Винчестер отвел в сторону доктора и спросил его, может ли раненый вынести переезд.

— Господин лейтенант, — сухо отвечал ему доктор, — нашему храброму капитану остается жить очень недолго, и он желал бы умереть здесь, на месте своей славы и возле любимой женщины. Но — вы победитель и вольны поступать по вашему усмотрению.

Винчестер покраснел и закусил губы. Мысль причинить Раулю какие-нибудь новые страдания, физические или душевные, никогда не приходила в голову такому гуманному человеку, как Винчестер, и он был оскорблен высказанным ему подозрением. Но он сдержался и, вежливо поклонившись доктору, заявил, что сам останется возле пленника до последней минуты. Доктор был удивлен и, прочтя сострадание на лице Винчестера, пожалел о своих словах.

— Но уже ночь надвигается, господин лейтенант, и вам придется провести ее на этих скалах.

— Ничего, доктор, мы, моряки, к этому привыкли, стоит мне только завернуться плотнее в мой плащ.

Ответ был дан решительным тоном, и разговор на эту тему прекратился. Доктор распорядился, чтобы устроили постель для Рауля на более ровном месте скалы, куда положили матрас, — один из тех, что были сняты в числе многих других вещей с люгера, когда облегчали его груз. Доктор хотел над ним раскинуть палатку из паруса, но раненый воспротивился этому.

— Дайте мне подышать свежим воздухом, — сказал он, — мне уже недолго осталось им наслаждаться.

Бесполезно было отказать ему в этой просьбе, да и незачем. Воздух был мягок и чист, и не было причин опасаться за здоровье Джиты; от могущего же подняться ветра их защищала скала.

Англичане развели огонь, на котором приготовили себе ужин; но со всем этим они разместились на некотором расстоянии, так что несколько не беспокоили раненого, между тем как пламя их костра живописно освещало группу людей, окружавших Рауля.

Мы не станем передавать первых взрывов отчаянной тоски Джиты, когда она узнала о ране Рауля, ее горячих молитв и тех сцен, которые происходили, пока еще остров был занят англичанами и французами. После их отъезда наступили сравнительно более спокойные часы, а с приближением ночи первые ощущения безумного отчаяния сменились чувством безнадежной тоски.

Было десять часов вечера. Рауля устроили на самой высокой части острова, откуда он мог видеть море, омывающее подножие скал, и слышать шум своей любимой стихии; над головой умирающего распростерся небесный свод, по лазурному фону которого рассыпались мириады звезд. Заботами Джиты и других около постели раненого было собрано все, что оставалось на острове из вещей, снятых с люгера, и таким образом этому уголку был придан уютный вид жилой комнаты, хотя без стен и потолка. Винчестер, подавленный усталостью и предполагая, что Рауль, вероятно, желал бы остаться наедине с Джитой, лег на один из матрасов на некотором расстоянии

от раненого, приказав разбудить себя, если что случится. Его примеру последовал и доктор, которому больше нечего было делать около умирающего, и он отдал такое же приказание разбудить его в случае какой-нибудь перемены. Карло Джунтотарди, который вообще мало спал, молился неподалеку. Андреа Баррофальди и подеста прохаживались по скале, оживленно разговаривая и сожалея, что не уехали раньше.

Итак, Рауль и Джита остались вдвоем. Рауль лежал на спине и смотрел вверх. Он больше не страдал, но его жизнь быстро угасала. Он был в полном сознании, и его воображение сохранило всю свою обычную свежесть. Его сердце по-прежнему было полно Джитой, хотя особенность его настоящего состояния и чудная торжественная картина перед его глазами примешивали к его постоянному чувству новый оттенок и рисовали ему иные картины будущего, новые для него.

Не то ощущала Джита. Она была подавлена так внезапно Поразившим ее ударом, от которого с трудом могла оправиться; но в то же время она благодарила Бога за то, что это несчастье случилось на ее глазах, что она может ходить за Раулем в его последние минуты и, может быть, принести ему утешение молитвой. Несправедливо было бы сказать, что она утратила к нему горячую любовь и нежность, которыми было до сих пор полно ее женское сердце, но она считала его уже не принадлежащим этому миру, и все ее помыслы были сосредоточены на том новом шаге существования, который должен был для него теперь наступить.

Рауль и Джита молчали довольно долго, и все это время глаза Рауля не отрывались от расстилавшегося над ним звездного свода.

— Джита, — наконец заговорил он, — не странно ли, что я, Рауль Ивар, корсар, сроднившийся с битвами и бурями, с опасностями и превратностями войны и стихий, я лежу здесь, на этой скале, умирающий, и все эти звезды на меня ласково смотрят и улыбаются мне, как будто с высоты вашего неба?

— Почему же не с вашего, так же как и с моего, Рауль? — возразила она дрогнувшим голосом. — Оно также необъятно, как милосердие Божье, и может принять к себе всех любящих Бога и взывающих к нему.

— И вы думаете, что Он примет такого человека, как я?

— Без сомнения. По своей великой благодати он простит сокрушающегося и кающегося грешника. О, дорогой Рауль! Если бы вы только хоть раз помолились ему!

Светлая улыбка на минуту оживила лицо умирающего, и Джита в надежде, что повлияла на него, встала и нагнулась к нему, желая лучше расслышать его слова.

— Мой «Блуждающий Огонь», — воскликнул Рауль, и с его губ сорвались слова, выразившие его тайную заветную мысль, придавшую минутное оживление его чертам, — ты по крайней мере ушел от англичан! Тебя они не причислят к числу своих жертв! Тебя не заставят идти против своей страны!

Ледяной холод сковал сердце Джиты. Она опустила на свое место, устремив глаза на дорогого человека с чувством глубокого отчаяния, хотя сердце ее разрывалось от любви. Рауль расслышал легкий шорох, произведенный ее движением, и повернул к ней голову; его глаза, обращенные на нее, горели былым восторгом и сияли как в прежние счастливые минуты.

— Все к лучшему, — сказал он, — я предпочитаю умереть, чем жить без вас. Судьба оказалась милостивой ко мне, подарив мне такой конец.

— О Рауль! Все от Бога. Не злоупотребляйте Его долготерпением в эту ужасную минуту; смирите гордость вашего разума и молитесь Небо о помощи.

— Бедная Джита! Вы одна из миллиона, ум которых поработили церковники. Ну, а скажите, думаете вы, что Бог простит вам вашу привязанность к такому человеку, как я?

Джита опустила голову и закрыла себе лицо обеими руками. После короткой молитвы она подняла голову и обратила к Раулю взгляд, полный чистой, горячей любви. Рауль все лежал на спине с глазами, устремленными на небесный свод. Когда-то он серьезно занимался астрономией, серьезнее, чем можно было бы ожидать при таком небрежном воспитании, которое он получил, им была усвоена привычка к размышлению, и познания, почерпнутые им, произвели на него сильное впечатление, хотя и не затронули сердца. Наступившая страшная минута не могла не оказать на него влияния, и это неизвестное, на волоске висящее над ним будущее невольно направляло его мысли к равно неизвестному ему Богу.

— Знаете, Джита, — сказал он, — ученые говорят, что все эти сверкающие звезды, по всей вероятности, такие же населенные миры, как наша Земля, и что наша Земля кажется звездой, и то не из больших?

— А что все это значит перед силой и величию Того, Кто создал мир, Рауль? Забудьте все, созданное Им, и думайте только о самом Создателе.

— Слышали вы когда-нибудь о приборах, изобретенных людьми, посредством которых они не только могут следить за движениями всех этих миров, но даже проследить это движение на целые века вперед?

— А вы знаете, Рауль, что такое человеческий разум?

— Это часть его природы, высшее ее свойство; это то, что делает его господином земли.

— Это верно, но кроме того надо помнить, что ум человека есть только ничтожный обрывок, едва заметный, отделившийся от Божественного духа, и в этом-то смысле и говорят, что человек создан по образу Божию.

— Вы полагаете, Джита, что человек — Бог?

— Рауль, Рауль! Если вы не хотите, чтобы я умерла вместе с вами, не истолковывайте так моих слов!

— А для вас было бы тяжело умереть вместе со мной, Джита? Для меня было бы величайшим счастьем вместе покинуть это место и переселиться в другое.

— В какое? Вы подумали об этом, Рауль?

Рауль ничего не отвечал ей. Его глаза как очарованные были прикованы к одной звездочке, особенно и необыкновенно блестящей, как ему казалось, а новые мысли пока еще в каком-то еще неясном тумане кружились у него в голове. Бывают в жизни человека особые минуты просветления, так было и теперь с Раулем; луч истинного света проник в сознание умирающего и принес свои плоды. Рауль был взволнован новыми для него ощущениями.

— Как учат ваши священники, Джита, — спросил он, — могут ли в будущей жизни встретиться и продолжать любить друг друга те люди, которых соединяла привязанность здесь на земле?

— Загробная жизнь, Рауль, будет или вся любовь, или вся ненависть. Я стараюсь надеяться, что мы там встретимся. Мой дядя твердо убежден в этом.

— Ваш дядя, Джита! Как! Карло Джунтотарди? Он, который кажется совершенно неспособным думать об окружающих предметах, он в состоянии размышлять о таких далеких и великих вещах?

— Как вы его плохо знаете, Рауль! Именно потому, что его ум постоянно занят отвлеченными вопросами, он так безразлично относится к окружающему.

Рауль ничего не ответил. Страдания от раны, по-видимому, возобновились с удвоенной силой, и Джита с чисто женской чувствительностью и нежностью сосредоточила все свое внимание на том, чтобы всеми маленькими, от нее зависящими заботами насколько возможно смягчить их. Затем она опустилась на колени возле его постели с горячей молитвой о спасении его души. Около часа прошло таким образом. Кругом все спали, обессиленные усталостью; бодрствовали только Джита и умирающий.

— Джита, — сказал, наконец, Рауль слабым голосом, — эта звездочка притягивает меня; если это действительно целый мир, то его создала всемогущая рука. Никогда случай не создавал даже корабля, как мог бы он создать мир? Мысль, дух, разум должны были руководить созданием как того, так и другого.

Давно не выпадало на долю Джиты минуты такого счастья. Наконец, Рауль, по-видимому, готов был отречься от ложной философии, бывшей тогда в таком ходу, и благодаря которой очерствело все, что было хорошего в его натуре, и затуманился такой ясный рассудок. Раз попадая на настоящую дорогу, его мысли должны были вывести его из заблуждения всей его жизни, и теперь Джита с полной верой полагалась на милосердие Божие.

— Рауль, — шепотом позвала она его, — на этой звездочке присутствует Бог, как находится Он с нами здесь на скале; Его дух везде. Ищите его благословения, просите его милости, и вы получите вечное блаженство!

Ответа не было. Глаза Рауля были по-прежнему обращены все к той же звездочке, и он казался погруженным в глубокие размышления. Джита не хотела их прерывать, и, снова опустившись на колени, она опять углубилась в молитву. Минуты уходили за минутами, и никто из них, казалось, не имел желания говорить. Но вот Джита очнулась. Пора было дать раненому прописанное доктором лекарство. Джита встала, чтобы приготовить его.

Глаза Рауля все так же были прикованы к звездочке, но губы, любовно улыбавшиеся перед тем, были сжаты как бы в минуту страшной борьбы: Рауль Ивар перестал существовать.

Ужасную минуту пережила Джита, когда поняла истину. Никто кроме нее еще не знал об этом, все были погружены в глубокий сон, следующий за крайним утомлением. Первым ее движением было броситься на труп любимого человека и, целуя горячими губами его бледные щеки и холодные губы, вылить в этих поцелуях всю свою безграничную любовь к нему, так долго ею сдерживаемую, проявить такую страстную любовь, отсутствием которой так часто упрекал ее Рауль; она чуть не лишила себя жизни в эти первые минуты отчаяния, и только вера ее и набожность спасли ее. Она снова ушла вся в молитву, отдаваясь под защиту своего небесного Отца, как привыкла это делать во все трудные минуты жизни. И молитва принесла ей облегчение, вооружила покорностью воле Божьей, если и не дала полного успокоения.

Положение Джиты было трогательно. Все спало кругом, и спало, казалось, так же крепко, как и тот, которому не суждено было более просыпаться вплоть до великого последнего судного дня. Огонь, разложенный экипажем английской гички, еще не погас и освещал бледным светом развалины и спящих людей в разных положениях по скалам и безжизненные останки молодого корсара. Но время от времени вдруг налетал сильный порыв северного ветра, раздувал пламя костра, и вся картина становилась более внушительной, более реальной.

Но Джита была слишком верующим человеком, чтобы поддаваться какому-нибудь другому ощущению, кроме чувства печали по поводу понесенной утраты и беспокойства о спасении только что улетевшей души. Раз она оглянулась вокруг и, видя, что даже дядя ее спал, болезненно

почувствовала свое полное одиночество и думала было разбудить кого-нибудь; ближе других к ней спал доктор, но в эту минуту вдруг вспыхнувшее пламя ярко осветило бледное лицо Рауля, и она поспешила к нему, чтобы еще насмотреться на него. Его глаза были широко открыты; она старалась проникнуть в эти зеркала души, так долго отражавшие нежность и любовь, а теперь тусклые и лишенные выражения; она чувствовала себя в положении скупого, который тайно спрятал свое сокровище и не находит его.

Всю ночь провела Джита над трупом любимого человека, то наклоняясь к нему с чувством глубокой нежности, которую ничто не могло ослабить, то уходя в свои молитвы. Никто не нарушал ее одиночества, ничей удивленный взгляд, ничья грубая насмешка не оскорбляли ее чудного ощущения особого счастья в эти минуты проявления нежности к умершему и страстного благочестия. Перед наступлением утра она своими руками закрыла глаза Раулю, накрыла его тело французским знаменем, которое нашла на скале, и села подле него, как живое олицетворение терпения и покорности в ожидании той минуты, когда другие придут заменить ее для выполнения последних забот над его останками.

Винчестер проснулся первым. Открыв глаза, он в первую минуту не мог понять, где он находится; но, оглядевшись, он вспомнил все, что произошло вчера. Он подошел к Джите, чтобы узнать о состоянии Рауля, но, пораженный выражением ее лица, бросил взгляд на постель, и вид знамени, покрывавшего тело покойника, открыл ему истину. Неуместно было бы упрекать себя за свой крепкий сон или тот же упрек бросить другим; он удовольствовался тем, что без шума разбудил всех своих товарищей, которые поднялись также молча и с тем же чувством благоговения, какое они ощутили бы в церкви.

Тогда Карло Джунтотарди попросил у победителей тело покойника, и Винчестер не видел никакой причины для отказа ему в этом. Его положили в лодку и перевезли на землю, куда его проводили все, кто оставался на скале. Спустя около часа после их отъезда налетел сирокко с такой страшной силой, что могучими морскими волнами смыл с островка руин все следы «Блуждающего Огня» и только что происшедших событий.

На берегу матросы, составлявшие экипаж гички Винчестера, соорудили подобие ручных носилок, на которые уложили тело покойника и, не желая оставлять неоконченным это дело христианского милосердия, сами снесли его к жилью сестры Карло Джунтотарди. По дороге кортеж, сопровождавший тело, постепенно увеличивался, так как Джиту знали и уважали жители этого местечка, и число провожающих дошло, наконец, до сотни.

Благодаря влиянию, которым пользовался Карло Джунтотарди, Рауля Ивара удалось поместить в монастырскую церковь на одной из соседних высот, и после трех дней, в продолжение которых постоянно совершались обедни во спасение его души, он был погребен на монастырском кладбище.

Теперь нам остается сказать немного.

Говоря правду, Нельсон не был недоволен исходом дела. Узнав о твердости и энергии, которые проявил Рауль в последнем деле, а также о благородстве и великодушии его поведения во многих случаях, он искренне пожалел о его ранней смерти; но он наверное почувствовал бы еще большее сожаление, если бы Раулю удалось уйти от англичан, и как ни хотелось ему захватить «Блуждающий Огонь», он все же радовался тому, что тот не мог больше вредить торговле англичан. Одним словом, в конце концов общее мнение было таково, что «Блуждающий Огонь», его командир и экипаж кончили так, как обыкновенно кончают корсары.

Все английские офицеры, принимавшие участие в этих последних делах, были вознаграждены по заслугам. Имя сэра Фредерика Дэшвуда было занесено в почетный список лиц, погибших на поле

сражения. Его родственник унаследовал после него титул баронета и годовой доход в шесть тысяч фунтов стерлингов, чему втайне радовался, хотя наружно исполнял все требуемые таким печальным событием правила приличия.

Лейон получил место капитана «Терпсихоры» и с этого времени переменял свое мнение о ничтожестве выгоды преследования «Блуждающего Огня». Арчибальд Мак-Вин последовал за ним на этот фрегат, постоянно преследуемый галлюцинациями различных выгодных предприятий, действительно осуществившихся для него через несколько лет.

Винчестер занял место Лейона на корвете, а следовательно Гриффин и Иэльвертон передвинулись на места первого и второго лейтенантов. Все эти повышения произошли в то утро, когда Куф был приглашен на обед к адмиралу.

— О двух вещах мне надо поговорить с вами сегодня, Куф, — сказал Нельсон после того, как десерт был подан и слуги удалились. — Во-первых, по поводу вакансии третьего лейтенанта, освободившейся на вашем судне; а во-вторых, я желал бы попросить у вас помощника шкипера для Бери, капитана адмиральского корабля. Вы, может быть, помните, что несколько человек из вашего экипажа были приняты на наше судно еще до вашего возвращения сюда?

— Как же, милорд, и я вам очень благодарен за прекрасный прием, который был им оказан.

— И я надеюсь, что они получили все, что для них требовалось. Между ними был помощник шкипера — уже не совсем молодой человек и который, по-видимому, не пойдет далеко; моему капитану он, оказывается, показался как раз подходящим человеком по своим личным качествам, и я обещал ему поговорить об этом с вами. Не уступайте, если по каким-нибудь причинам вы желали бы удержать его у себя; только он мне сказал, что дал бы вам в обмен троих превосходных матросов.

Куф занят был раскалыванием орехов и, казалось, затруднялся с ответом. Нельсон заметил это и понял как нежелание со стороны капитана расстаться со своим подшкипером.

— Я вижу, в чем дело, — сказал он улыбаясь. — Ну, так мы обойдемся без него, и вы сохраните при себе вашего Клинча. Я понимаю, что неохотно отказываются от хорошего офицера; где-нибудь мы найдем себе другого.

— Не в том дело, милорд. Клинч в полном вашем распоряжении, хотя я не считаю легким найти другого человека, который в состоянии был бы заменить его. Только я ожидал, что после того, как он проявил себя в этом последнем деле, а также принимая во внимание его долгую службу, он мог бы надеяться получить должность третьего лейтенанта на «Прозерпине».

Адмирал, видимо, был удивлен и как будто не особенно доволен этим замечанием.

— Я признаю, Куф, — отвечал он, — что, может быть, немного жестоко оставлять беднягу без повышения в течение двенадцати или даже пятнадцати лет; я был на десять лет моложе этого Клинча, когда назначен был капитаном. Да, это кажется жестоким, но я тем не менее убежден, что это справедливо; мне редко случалось встретить мичмана или подшкипера, забытых долгое время таким образом без того, чтобы за ними действительно не оказалось какого-нибудь крупного недостатка. Мы должны прежде всего иметь в виду пользу службы, Куф.

— Я согласен со всем этим, милорд, но надеялся, что его поведение за последнее время могло бы заставить забыть его слабость.

— Если есть основания забыть, я выслушаю их с удовольствием.

Тогда Куф рассказал ему всю историю Клинча, заботливо включая в нее трогательный эпизод с Джейн. Этот пункт был Ахиллесовой пятой Нельсона, и повышение Клинча было решено прежде,

чем рассказ был окончен. Адмирал отдал приказ о назначении Клинча, и тот имел удовольствие иметь его у себя в кармане, когда возвращался на «Прозерпину».

Таким образом, Клинч был сделан третьим лейтенантом. Это повышение прекрасно повлияло на него: он снова сделался таким, каким был раньше и каким должен бы был оставаться: стал образцом воздержанности, больше стал заботиться о своем внешнем виде и меньше чем в полгода заслужил уважение и расположение всех офицеров. К концу года «Прозерпина» была послана в Англию, и добрая Джейн была, наконец, вознаграждена за свое постоянство и стала миссис Клинч. Но Куф не ограничился этой одной услугой Клинчу. Ему удалось добиться для него места командира на одном небольшом одномачтовом военном судне; вскоре, одержав победу над одним корсаром, Клинч получил еще дальнейшее повышение. Таким образом, в какие-нибудь три года он дошел до звания капитана корвета.

Несколько дней спустя после своего возвращения Куф был отправлен в Генуэзский залив и воспользовался этим случаем, чтобы доставить на остров Эльбу вице-губернатора и подесту. Слава об их подвигах предшествовала их появлению. Прошел слух, что они принимали личное участие в последней битве, стоившей жизни Раулю Ивару; и так как в Порто-Феррайо некому было опровергать этот слух, то дело дошло до того, что многие стали утверждать, будто бы Вито Вити собственноручно убил корсара. Подеста был настолько благоразумен, что всегда отзывался об этом деле туманно и неопределенно, что приписывали его скромности. Одним словом, подеста к своему собственному удивлению попал в герои.

Итуэл возвратился в Америку через несколько лет с состоянием в несколько миллионов долларов, о происхождении которых он умалчивал. Он обзавелся землей, женился на одной вдове и сделался строгим пуританином.

Нам остается только сказать два слова о Джите. Мало что привязывало ее теперь к жизни; тем не менее она не оставляла своего дяди до самой его смерти, а затем удалилась в монастырь, чтобы там посвятить все свое время молитвам о Рауле. Она прожила довольно долго и до последних минут посвящала себя всю только на такие дела благочестия, которые, по ее мнению, могли так или иначе послужить к обеспечению вечного спасения любимого ею в молодости человека, и у нее бывали такие минуты, когда она начинала даже опасаться, что за этой постоянной заботой о благе Рауля, она начинает забывать о своих обязанностях к Создателю.